

ДЖЕЙМС
ПАТТЕРСОН
ДЭВИД ЭЛЛИС

НЕВИДИМКА

ИДЕАЛЬНЫЕ УБИЙСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АСТ»

После трагической гибели сестры-близнеца аналитик ФБР Эмми Докери ушла в бессрочный отпуск. Но не оплакивать смерть Марты. Эмми уверена: пожар, который ее забрал, — дело рук безжалостного убийцы, который не оставляет следов, и эта смерть — одна среди сотни других... Руководство считает ее просто одержимой... И тогда Эмми звонит своему бывшему жениху Харрисону Букмену — лучшему из агентов, профессионалу, к которому прислушивается сам директор ФБР. Теперь у них есть группа экспертов, но нет мотивов, орудия убийства и подозреваемого. А убийца уже знает, что его ищут...

Джеймс Паттерсон, Дэвид Эллис

Невидимка. Идеальные убийства

Персонажи и события в данной книге вымышленные. Любое сходство с реальными людьми — живыми или умершими — является случайным и непреднамеренным со стороны автора.

Посвящается семье Касперов — Майку, Лоре и маленькому ангелу по имени Софи Мэй-Сян

На этот раз я осознаю это — осознаю с уверенностью, которая заставляет мое горло сжиматься от паники и которая хватается за мое сердце и сдавливает его до тех пор, пока оно не выбивается из своего нормального ритма. На этот раз я явно не успеваю.

На этот раз слишком жарко. На этот раз слишком ярко и слишком много дыма.

Домашняя пожарная сигнализация надрывается, причем звучит она не как обычный зуммерный сигнал, а как пронзительный крик *тебе крышка, если ты не предпримешь что-нибудь прямо сейчас!* Я не знаю, как давно она сработала, но для меня уже слишком поздно. Со всех четырех сторон моей спальни ко мне подступает обжигающий — как из плавильной печи — жар. Везде вонючий черный дым, который подпаливает волосы в моих ноздрях и заполняет легкие. Оранжевые языки пламени мечутся по потолку надо мной и пляшут вокруг моей кровати, шелкая и потрескивая, едва ли не в едином ритме — этакое насмешливое стаккато. Со стороны это выглядит не как сплошной огонь, а как множество отдельных языков пламени, действующих согласованно, и они, появляясь и исчезая, плюясь искрами и хихикая, как бы говорят мне: «На этот раз слишком поздно, Эмми, слишком поздно...»

Окно. У меня все еще есть возможность спрыгнуть с кровати с левой стороны и побежать к окну — единственной части спальни, к которой еще могу добраться. Смертоносный огонь подступает ко мне со всех сторон, кроме окна, тем самым как бы подталкивая меня: «Ну, давай, Эмми, беги к окну, Эмми...»

Это мой последний шанс, и я знаю это, но не хочу даже думать о том, *что* произойдет, если у меня ничего не получится. Я не хочу даже думать о том, что мне нужно *морально готовиться* к тому, что я почувствую боль. Мне будет больно в течение всего лишь нескольких минут (хотя от этой боли я буду скрежетать зубами и извиваться в конвульсиях), а затем жар уничтожит мои нервные окончания, и я больше ничего не буду чувствовать. А может — и так, наверное, будет для меня лучше, — я умру от того, что надышусь ядовитого угарного газа.

Терять мне нечего. Но и вообще ничего не предпринимать я не хочу.

Языки пламени начинают лизать мое стеганое ватное одеяло. Я сбрасываю ноги на пол, соскакиваю с матраса и бегу — шаг, другой, третий, четвертый — к окну. Из моего горла вырывается панический и какой-то детский визг — как тогда, когда мы с папой играли на заднем дворике в догонялки и он уже почти настигал меня. Я опускаю плечо и ударяю им в оконное стекло, зная, что окно специально сконструировано так, чтобы стекло *невозможно* было выбить, — и, заорав так, что мой ужасный неистовый вопль заглушает звуки сигнализации и потрескивание пламени, я отскакиваю от окна и сразу падаю обратно в беснующийся жар. Я говорю себе: «Дыши, Эмми, вдыхай ядовитый газ, не позволяй пламени сожрать тебя живой, *дыши...*»

Вдох. Я делаю вдох...

— Черт побери! — произношу я, не обращаясь ни к кому, в своей темной и отнюдь не охваченной огнем комнате.

Мои глаза щиплет пот, и я вытираю их футболкой. Я знаю, что мне лучше не двигаться сразу же, и я лежу неподвижно, пока мой пульс не становится нормальным, а дыхание — ровным. Я бросаю взгляд на радиочасы, и их светящиеся прямоугольные цифры сообщают мне, что сейчас половина третьего ночи.

Сны — штука коварная. Вы думаете, что вы что-то преодолели, вы работаете над этим снова и снова и говорите себе, что вам уже лучше, вы *стремитесь* к тому, чтобы вам было лучше, вы поздравляете себя с тем, что вам становится лучше. А затем ночью вы закрываете глаза, перемещаетесь в другой мир, и вдруг ваш собственный мозг шлепает вас по плечу и говорит вам: «Знаешь что? Тебе вовсе не лучше!»

Я делаю один долгий выдох и тянусь к выключателю. Когда я включаю свет, везде вокруг меня — огонь. Он запечатлен на различных фотографиях, висящих на стенах моей спальни, и фигурирует в лежащих стопками у стен кратких справках о происшествиях и отчетах о них инспекторов. Эти происшествия — пожары, приведшие к чьей-то смерти в различных уголках Соединенных Штатов: Хоторн, штат Флорида; Скоки, штат Иллинойс; Сидар-Рapidс, штат Айова; Плейно, штат Техас; Пидмонт, штат Калифорния...

И, конечно же, Пеория, штат Аризона.

Их в общей сложности пятьдесят три.

Я иду вдоль стены и быстренько разглядываю фотографии, запечатлевшие все эти пожары. Затем направляюсь к своему компьютеру и начинаю открывать сообщения, присланные по электронной почте.

Пятьдесят три — это те, о которых я знаю. В действительности же их, несомненно, больше.

Этот тип останавливаться не собирается.

Я пришла к «нашему Дику». Вслух я этого не говорю, но именно это имею в виду.

— Эмми Докери пришла к мистеру Дикинсону, — говорит по телефону секретарша. — Просит ее принять.

Эту женщину, сидящую за письменным столом у входа в кабинет Дикинсона, я раньше никогда не видела. На бейджике у нее на груди написано «ЛИДИЯ», и выглядит она как раз как какая-нибудь Лидия: коротко подстриженные каштановые волосы, очки в черной роговой оправе и обтягивающая шелковая блузка. В свободное время она, наверное, пишет сонеты. У нее дома, наверное, три кошки, и она, наверное, любит индийскую еду, которую считает настоящим кулинарным шедевром.

Мне не следует быть такой язвительной, но меня раздражает осознание того, что появился кто-то новый и что-то изменилось с тех пор, как я ушла, и что из-за этого я чувствую себя чужаком в офисе, в котором добросовестно проработала почти девять лет.

— А вам назначена встреча с директором, госпожа... Докери?

Лидия поднимает на меня насмешливый взгляд. Она прекрасно знает, что никакой встречи мне не назначено. Она знает это, потому что ей звонили из вестибюля, чтобы узнать, разрешить ли мне зайти сюда. Она просто напоминает, что, впустив сюда, мне, так сказать, сделали одолжение.

— *С директором?* — спрашиваю я с напускным замешательством. — Вы имеете в виду *заместителя директора* по вопросам уголовных преступлений, кибербезопасности, быстрого реагирования и деятельности служб?

Да уж, я могу быть сукой. Но ведь начала-то первой она, а не я.

Лидия заходит в кабинет к «нашему Дику», и я абсолютно спокойно жду, когда она оттуда выйдет, потому что я не стояла бы здесь, если бы «наш Дик» не согласился со мной встретиться.

Он заставляет меня ждать, что очень на него похоже, но двадцать минут спустя я все же вхожу в его кабинет. Темные деревянные стены, а на них — почетные грамоты, дипломы, личные фотографии и тому подобное. У «нашего Дика» очень высокое — хотя и абсолютно не оправданное — мнение о себе.

Джулиус Дикинсон с его неизменным загаром, зачесом, закрывающим лысину, лишними десятью фунтами [□] веса и вкрадчивой улыбкой жестом предлагает мне сесть на стул напротив него.

— Эмми, — говорит он с фальшивым состраданием в голосе, но его глаза при этом блестят. Он уже пытается вывести меня из себя.

— Вы не ответили ни на одно из моих электронных писем, — говорю я, садясь на стул.

— Да, действительно, не ответил ни на одно, — произносит он, даже не пытаясь оправдываться за то, что игнорировал меня.

У него в этом нет необходимости: ведь он босс, а я всего лишь один из рядовых сотрудников. Более того, сейчас я, черт побери, даже и не полноценный сотрудник — я сотрудник, который находится в неоплачиваемом отпуске и карьера которого запросто может быть прекращена человеком, сидящим в данный момент напротив меня.

— А вы их хоть читали?

Дикинсон достает из ящика своего стола шелковую тряпочку и начинает протирать

очки.

— Я их просмотрел, и этого было достаточно, чтобы понять, что речь идет о серии пожаров, — говорит он. — Пожаров, являющихся, по *вашему* мнению, делом рук гениального преступника, которому удалось подстроить все так, что эти пожары кажутся никак не связанными друг с другом.

В общем-то да.

— Что я прочел *полностью* — так это статью, напечатанную недавно в «Пеория таймс» — местной газетенке, выходящей в одном маленьком городке в Аризоне, — добавляет он с кислой ухмылкой.

Он берет со стола распечатку этой статьи и начинает читать вслух отрывки из нее:

— «По прошествии восьми месяцев с момента гибели сестры Эмми Докери в результате пожара в жилом доме она все еще продолжает наседать на полицейское управление Пеории, пытаясь убедить его в том, что смерть Марты Докери была не случайностью, а убийством». А-а, вот еще: «Доктор Мартин Лэзерби, заместитель судебно-медицинского эксперта округа Марикопа, настаивает, что все признаки, выявленные экспертами, явно свидетельствуют о том, что смерть в данном случае наступила в результате случайно начавшегося пожара». Но больше всего мне понравилось вот это высказывание их начальника полиции: «Она работает в ФБР, — сказал он. — Если она абсолютно уверена в том, что это было убийство, почему она не обратится в свое ведомство с просьбой расследовать данное происшествие?»

Я ничего на это не отвечаю. Данная статья — полное дерьмо: газетчики попросту приняли сторону полиции и вообще в этой статье никаких моих доводов не привели.

— Это заставляет меня всерьез задуматься о вас, Эмми. — Дикинсон скрещивает пальцы и собирается с мыслями с таким видом, как будто хочет рассказать что-то поучительное ребенку. — Вы проходили курс лечения, Эмми? Вы в этом очень нуждаетесь. Мы, конечно, с радостью вернули бы вас на ваше место, но только после того, как заметим какие-нибудь положительные результаты лечения.

Произнося эти слова, он с трудом сдерживает улыбку. Между нами произошел неприятный инцидент: именно он по дисциплинарной линии обвинил меня в «неуместном поведении», за которое меня затем отстранили от выполнения моих обязанностей — а если выразаться бюрократически-юридическим языком, отправили в «неоплачиваемый административный отпуск». Мне еще семь недель находиться в этом отпуске, но даже когда он закончится, меня ждет испытательный срок продолжительностью шестьдесят дней. Если бы у меня недавно не погиб близкий родственник, то меня, наверное, попросту уволили бы.

Ему известна настоящая причина того, почему меня так наказали в дисциплинарном порядке. Она известна нам обоим. Поэтому он насмехается надо мной сейчас здесь, в своем кабинете. Я же не могу позволить ему вывести меня из себя. А ведь именно этого он и добивается. Он хочет, чтобы я всплыла, и тогда он сможет заявить начальству, что я еще не готова вернуться к работе.

— Кто-то разъезжает по стране и убивает людей, — говорю я. — *Вот что* должно беспокоить вас независимо от того, прошла я курс лечения или нет.

Его глаза суживаются. В данной ситуации ему от меня ничего не нужно — это я пришла о чем-то просить. Поэтому он выбрал применительно ко мне вот такой способ издевательства — сидеть с поджатыми губами и упрямо твердить одно и то же:

— Сконцентрируйтесь на своем выздоровлении, Эмми. А заботиться об обеспечении правопорядка предоставьте нам.

Он то и дело повторяет мое имя. Я бы предпочла, чтобы он плевал в меня и обзывал нехорошими словами. И он это знает. Такое поведение с его стороны — пассивно-агрессивный вариант издевательства. Вообще-то я не была уверена, что он согласится принять меня сегодня без предварительной записи на прием. Теперь же я осознаю, что он, возможно, с нетерпением ждал моего прихода, чтобы поизмываться надо мной и посмеяться мне прямо в лицо.

Как я уже сказала, между нами произошел неприятный инцидент. Вот краткое его описание: Дикинсон поступил как свинья.

— Тут дело не во мне, — настаиваю я. — Тут дело в том типе, который...

— Вы сейчас испытываете чувство гнева, Эмми? Вы, по вашему мнению, можете справиться со своими эмоциями? — Он окидывает меня взглядом, в котором читается насмешливая озабоченность. — Дело в том, что ваше лицо начало краснеть. Ваши руки сжались в кулаки. Боюсь, что вы все еще не можете сдерживать свои чувства. У нас в штате есть консультанты, Эмми, если вы испытываете необходимость с кем-то поговорить.

Таким тоном говорят в ночной коммерческой рекламе услуг по избавлению от наркотической зависимости: «У нас есть консультанты, готовые поговорить с вами. Звоните прямо сейчас!»

Я осознаю, что разговаривать дальше не имеет смысла. Да и вообще приходить сюда было с моей стороны глупо. Было глупо надеяться на то, что он захочет меня выслушать. Меня, безусловно, ждал отказ. Я встала и развернулась, намереваясь уйти.

— Желаю, чтобы ваше лечение было эффективным, — громко говорит он мне вслед. — Мы все переживаем за вас.

Я останавливаюсь у двери и, оглянувшись, смотрю на него.

— Этот тип убивает людей по всей стране, — говорю я Дикинсону, уже взявшись за дверную ручку. — И проблема состоит не в том, что мы ищем его, но не можем поймать. Проблема состоит в том, что мы даже не осознаем, что есть кто-то, кого нужно поймать. Он для нас даже как будто не существует.

Дикинсон, ничего не говоря в ответ, всего лишь легонько машет мне рукой на прощанье. Я захлопываю за собой дверь.

Только выйдя из здания, я даю волю своим чувствам. Я не доставлю Дикинсону удовольствия снова увидеть меня рассерженной — а значит, не дам ему дополнительного аргумента против меня, когда попытаюсь вернуться на работу через семь недель. (По правде говоря, я, возможно, уже дала ему такой аргумент: он может сослаться на мои письма по электронной почте, а также пересказать в нужном ему свете только что состоявшийся между нами разговор в качестве доказательства того, что я «одержима», а помимо этого совершаю величайший грех аналитика, действуя как агент и позабыв о своем месте в существующей иерархии.)

Уже отправившись на автомобиле в обратный путь по межштатной автомагистрали I-95, я пару раз с силой ударяю по рулю руками, сжатыми в кулаки. Легче мне от этого не становится. Кроме того, если бы я ударила немного сильнее, то, наверное, сломала бы себе пальцы. «Ублюдок!» — кричу я. Вот от этого мне уже становится легче. Единственное, что я могу себе при этом повредить, — это голосовые связки. «Ублюдок! Ублюдок!»

Став объектом дисциплинарных разборок, я целиком и полностью оказалась в руках Дикинсона. Ведь я буду на испытательном сроке, и если сделаю хотя бы один неверный шаг — или же если «наш Дик» хотя бы *заявит*, что я что-то отчебучила, — мне конец. Ведь это же надо — он ухмылялся, глядя на меня, и делал вид, будто я и в самом деле нуждаюсь в лечении! Да нам обоим известно, что единственная моя *дисциплинарная проблема* заключалась в том, что я сбрасывала его ладонь с моей коленки каждый раз, когда он клал ее туда, отказывала ему в поздних ужинах и даже рассмеялась, услышав его предложение провести где-нибудь уик-энд вдвоем! Думаю, именно этот мой смех и сыграл главную роль. Уже на следующее утро он наплел своему начальству, что я цеплялась к нему и становилась при этом все более и более агрессивной. Добавьте слова вроде «непредсказуемая» и «переменчивая» (эпитеты, которые можно легко приписать кому угодно и которые трудно опровергнуть) — и вот у вас уже проблема с дисциплиной.

«Ублюдок».

«Послушай, Эмми, возьми себя в руки, — говорю я сама себе. — Реши эту проблему». Мне необходимо что-то предпринять. В данном случае я не могу отступить. Я точно знаю, что все эти пожары имеют нечто общее. Но я увязла. Я не могу перескакивать через голову начальства, а Дикинсон не дает мне хода — не потому, что я этого заслуживаю, а просто из мести. Я увязла. Что мне делать? Что мне теперь делать?..

Ждать.

Я убираю ногу с педали газа без какой-либо особой причины — ну разве что ради того, чтобы слегка позлить водителя автомобиля повышенной проходимости, едущего позади меня (он едет за мной что-то уж на очень близком расстоянии), — и предаюсь размышлениям. Нет. Нет. Ждать — это самое последнее, что мне сейчас следовало бы делать.

Но это, пожалуй, единственный имеющийся у меня вариант. Поэтому мне придется его испробовать.

Потому что если я правильно оцениваю этого типа, то он становится все более и более искусным в своих убийствах. И никто даже и не знает о том, что он существует.

Добро пожаловать в мой мир. Вы можете называть меня Грэмом, и я буду вашим собеседником.

Вы меня не знаете. Моя анонимность — залог моего успеха. Сидя сейчас здесь и разговаривая с вами, я не являюсь знаменитым. Но я стану знаменитым, когда эти записи будут обнародованы, когда бы я ни решил их обнародовать. Тогда я появлюсь на первых страницах всех газет и журналов по всему миру. Обо мне напишут книги. Меня будут изучать в Куантико.^[2] Мне посвятят веб-сайты. Обо мне будут снимать фильмы.

Вы никогда не узнаете, кто я такой на самом деле («Грэм» может быть моим настоящим именем, а может быть и вымышленным), а потому все то, что вам станет известно обо мне, будет почерпнуто из этих аудиофайлов — моего устного дневника. Вы узнаете только то, что я позволю вам узнать. Может, я расскажу вам все, а может, что-то и утаю. Я могу рассказать вам правду и могу вам соврать.

Для начала немного о себе. Физически я был развит достаточно хорошо для того, чтобы играть в спортивных командах во время учебы в средней школе, но недостаточно для того, чтобы заниматься спортом более серьезно. Я получил хорошие оценки в школе, но этого оказалось мало для того, чтобы попасть в Лигу плюща,^[3] а потому мне пришлось учиться в государственном университете одного из штатов. Я всей душой ненавижу лук во всех его видах — и вареный, и сырой — и считаю его злостным сорняком, какие бы манипуляции с ним ни производились. Я умею говорить на трех языках, хотя мое знание французского может иногда поставить меня в неловкую ситуацию. Однако я без проблем могу сказать «Пожалуйста, без лука» — или вполне понятный эквивалент этой фразы — не менее чем на одиннадцати языках, в том числе — с недавнего времени — на греческом и албанском. Я предпочитаю вашу незатейливую поп-музыку, а не музыку классическую, легкий джаз и хеви-метал, однако я не признаюсь в этом своим друзьям. Как-то раз я пробежал половину марафонской дистанции за один час и тридцать семь минут. Теперь регулярно спортом я уже не занимаюсь. И никогда-никогда не пью легкого пива.

Две вещи, которые я только что рассказал о себе, не соответствуют действительности.

Но что ей точно соответствует — так это то, что я убил много людей. Больше, чем вы можете себе представить.

А вы? Я даже не знаю, кем являетесь вы, — тот, к кому обращено это мое повествование. Может, вы разумное существо, а может, дух одной из моих жертв. Может, вы маленький демон, усевшийся на мое плечо и шепчущий черные мысли мне в ухо. Или специалист по составлению психологического портрета преступника, работающий в ФБР. Или предприимчивый журналист. Или всего лишь обычный гражданин с похотливым воображением, случайно наткнувшийся на эти аудиофайлы в интернете, согнувшийся над компьютером, выискивая любой маленький обрывок, любую крупицу информации, любую лазейку, позволяющую заглянуть в Рассудок Сумасшедшего!

Потому что, конечно же, именно это вы и станете делать — попытаетесь понять меня, поставить мне диагноз. Вы почувствуете себя психологически комфортнее и увереннее, если

припишите меня к какой-нибудь понятной, четкой категории. Вы попытаетесь увидеть причину такого моего поведения в том, что мать не проявляла ко мне любви, или же в драматическом событии, которое кардинально изменило меня, или в умопомешательстве, указанном в Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам четвертого издания.

Однако вместо этого вас ждет вот что: вполне может получиться так, что я буду болтать с вами в каком-нибудь близлежащем баре, или же подстригать живую изгородь по соседству, или сидеть рядом с вами в самолете, летящем из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, и вы не обратите на меня никакого внимания. О да, конечно, вспоминая потом об этом дне, вы, возможно, подумаете, что что-то во мне было не так. Однако в режиме реального времени, когда я стою прямо перед вами или же сижу рядом с вами либо напротив вас, я ничем не привлеку вашего внимания. Я буду своего рода блоком данных, которые вы, собрав, тут же выбрасываете в корзину. Если сказать коротко, то я покажусь вам абсолютно нормальным. Знаете почему?

Нет, вы не знаете почему. А я знаю. И именно поэтому я так хорошо делаю то, что я делаю. И именно поэтому меня никто никогда не поймает.

Через два года после своего открытия этот книжный магазин в центре Александрии все еще выглядит новым и свежим: кладка из красного кирпича с окантовкой из дерева, покрашенного в зеленовато-голубой цвет. Над обращенной в сторону тротуара витриной виднеется название — «БУК-МЕН». Витрина заставлена множеством недавно вышедших произведений — и художественных, и документальных, — однако ввиду последних тенденций больше всего там книг для детей и книг с картинками.

Прежде чем войти в этот магазин, я делаю глубокий вдох, все еще сомневаясь в том, правильное ли решение я приняла. Однако, хотя я почти не спала последние две ночи, мне в голову не пришло никаких других идей.

Я толкаю дверь. Раздается бодренькое «динь-динь» колокольчика. Я вхожу и замечаю *его* раньше, чем он замечает меня. Он сейчас в клетчатой рубашке навыпуск, с короткими рукавами, голубых джинсах и мягких туфлях. Я невольно вздрагиваю, увидев, что он не в костюме с галстуком. Внутри помещения пахнет новыми книгами и кофе. Тут тихо, спокойно.

Он замечает меня в тот момент, когда, стоя за прилавком, общается с какой-то покупательницей. Он вздрагивает, начинает таращиться на меня, затем вспоминает о покупательнице, улыбается ей и засовывает рекламную листовку в полиэтиленовый пакет. Когда покупательница уже идет к выходу, он направляется ко мне. Он вытирает ладони о свои джинсы и останавливается почти прямо передо мной.

— Привет, Букс. Думаю, я тоже могла вздрогнуть.

— Эмми.

От его зычного голоса, звучавшего повелительно, но при этом любезно, на меня обрушивается целый поток воспоминаний из-за возведенной мною в моем мозгу плотины. Я замечаю, что *любезности* в его голосе сейчас чуточку больше, чем обычно, — возможно, потому, что, когда мы виделись с ним в последний раз восемь месяцев назад, я хоронила свою сестру. Он пришел тогда утром, как и другие знакомые, чтобы как-то меня утешить. Не знаю, откуда он узнал о случившемся, я никогда не спрашивала его об этом (возможно, ему позвонила моя мама). Он стоял в сторонке, не навязывая мне свое общество, просто находился неподалеку на тот случай, если он вдруг мне понадобится. Он всегда обладал способностью удивлять меня...

— Спасибо за то, что согласился встретиться со мной, — говорю я.

— Я не соглашался. Ты просто взяла и появилась здесь.

— Тогда спасибо за то, что не вышвырнул меня отсюда.

— У меня не было возможности вышвырнуть тебя. Но я все еще могу это сделать.

Впервые за несколько недель я улыбаюсь. Букс выглядит великолепно. Он в хорошей физической форме, держится раскованно. Веселый. Вот ведь гад! Разве он не должен горевать после того, как я разорвала с ним отношения?

— Ты все еще большой любитель кофе? — спрашиваю я.

Теперь уже улыбается он — улыбается неохотно, лишь слегка. Хотя тут есть о чем вспомнить. Даже живя на невысокую зарплату государственного служащего, он никогда не жалел денег на качественную еду, в частности заказывал себе через интернет итальянскую фасоль.

— Конечно, — отвечает он. — А ты все еще неврастеничка с добрым сердцем?

Это справедливая характеристика. Букс знает меня лучше, чем кто-либо другой. Тем не менее наш разговор ни про что как-то не клеится. Пожалуй, я перейду к делу.

— Мне нужна твоя помощь, — говорю я ему.

— Нет, — говорит Букс, сердито мотая головой. — никоим образом, Эм.

— Я хочу, чтобы ты выслушал мои соображения по этому делу, Букс.

— Нет, спасибо.

— Ты никогда не слышал ничего подобного.

— Я уже сказал «нет, спасибо», — и, *полагаю*, сказал это достаточно громко...

— Этого типа, как мне кажется, можно счесть самым злонамеренным мерзавцем за всю историю человечества. И я отнюдь не преувеличиваю, Букс.

— Мне это неинтересно. Неинтересно. Неинтересно, — повторяет он, словно пытается убедить самого себя.

Мы разговариваем сейчас на складе, примыкающем к его магазину. Нас окружают книги, лежащие стопками на столах и расставленные на полках. Я нахожу небольшое свободное пространство на одном из столов и кладу туда пятьдесят три папки с материалами.

— Тут все, — говорю я. — Просто прочти это.

Букс проводит ладонью по своим волосам песочного цвета. Они у него сейчас длиннее, чем раньше, а потому полностью скрывают лоб и выются сзади на шее. Он ведь теперь частное лицо. Собираясь с мыслями, он начинает ходить по кругу.

— Я уже больше не работаю в ФБР, — произносит он.

— Ради вот этого дела ты мог бы вернуться. В ФБР ведь никто не хотел, чтобы ты уходил.

— Данное дело вообще-то касается скорее Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ...

— Значит, мы создадим временную оперативную группу...

— Это *не моя* проблема, Эм! — Он ударяет рукой по столу, и от этого стопка книг в мягких обложках сваливается на пол. — Ты знаешь, как болезненно я воспринимаю то, что ты вдруг появилась передо мной подобным образом, да еще и просишь о помощи? Это нечестно. — Он тыкает в мою сторону пальцем. — Это нечестно.

Он прав. Это нечестно. Однако тут уже не до честности.

Букс стоит минуты две молча, упершись руками в бока и качая головой. Затем он переводит взгляд на меня.

— Дикинсон тебе ходу не дал?

— Да, но он поступил опрометчиво. Он даже не читал эти материалы. Ты же знаешь «нашего Дика».

Букс в знак согласия кивает.

— А ты говорила ему, почему тебя так интересует это дело? — спрашивает он.

— Вполне понятно, почему интересует. Некий человек совершает убийства...

— Я имею в виду совсем другое, Эм, и ты знаешь это. — Букс подходит ко мне. — Дикинсону известно, что твоя сестра погибла в результате какого-то странного пожара восемь месяцев назад в городе Пеория, штат Аризона?

— Это тут совсем ни при чем.

— Ха-ха! — Он смеется, скидывая руки. — Это тут *совсем* ни при чем!

— Да, ни при чем. Была ли моя сестра одной из этих жертв или не была — это не

меняет того факта, что некий серийный...

Букс не хочет этого слышать. Он машет мне рукой — дескать, ты говори-говори, но я тебя не слушаю.

— Эмми, мне очень жалко Марту. Ты знаешь, что мне ее и в самом деле жалко. Но...

— Если тебе ее жалко, тогда ты мне поможешь.

Едва я произношу эти слова, как и сама осознаю, что переступила черту. Букс уже кардинально изменил свою жизнь. Он больше не специальный агент. Он теперь зарабатывает себе на жизнь тем, что продает книги.

Я поднимаю руки.

— Считай, что эти последние слова не произносились, — говорю я. — Мне не следовало сюда приходить, Букс. Мне... мне жаль, что так получилось.

Я выхожу из помещения точно так же, как и вошла в него, — не слыша ни одного слова от своего бывшего жениха.

Мне очень нравится, как свежие цветы пахнут вечером. Этот запах можно почувствовать только летом, не так ли? От него вся спальня кажется... Какое же слово будет подходящим? А-а, спальня кажется *новой*. Новой и свежей. Свежая краска на стенах — розовая с лимонным оттенком. И эта кровать тоже новая — королевского размера кровать со старомодным балдахином. Таким же, как и тот, который был у вас в детстве, — да, Джоэль? Это был подарок от мамочки и папочки для вашего городского одноквартирного дома в связи с началом нового периода вашей жизни?

Ой, не обращайтесь внимания на мои слова. Боюсь, Джоэль сейчас не может говорить.

Все остальное здесь довольно причудливое. Старинные вещи с претензией на оригинальность. Возможно, их вытащили из подвала родительского дома и стерли с них толстый слой пыли. Чудесный стул для чтения. Однако самое лучшее здесь — это самодельный прикроватный столик, как будто только что принесенный из жилой комнаты общежития какого-то колледжа. На этом столике — два контейнера для молока, стоящие один на другом, маленький будильник и ваза со свежими лилиями.

Девушка, стесненная в средствах. Вкус у нее вообще-то неплохой, но вот только нет денег, которые помогли бы этот вкус продемонстрировать. Городской одноквартирный дом для девушки, начинающей самостоятельную жизнь.

Жаль, что я не могу сфотографировать эту комнату и показать ее вам, потому что вот это является сутью Америки, сутью надежды, сутью судьбы, когда начинаешь с малого, но мечтаешь о большом. Джоэль Свэнсон строила грандиозные планы. Она мечтала о том, чтобы получить диплом специалиста по уголовному судопроизводству и стать выдающимся борцом с преступностью. Может, планировала сначала поработать в полиции, а потом стать сотрудником ФБР или даже приобщиться к таинственному миру ЦРУ. Впечатляющие планы. Великие дела!

Как бы то ни было, мне *хотелось бы* сделать фотографию для вас, но я не понимаю, какой от этого будет толк и как это увяжется с моим повествованием. Я бы тогда слишком сильно опасался, что вы будете лишь разглядывать фотографии и обойдете вниманием мои слова. Я уверен, что любой психиатр скажет, что я ограничиваю эти сеансы своих устных свидетельств, так как хочу контролировать буквально каждый их аспект, хочу, чтобы вы знали только то, что я позволяю вам знать, и видели только то, что я позволяю вам видеть.

Это верно, данный способ общения имеет свои недостатки. Вы не можете чувствовать того запаха, который чувствую я, — этого сильного запаха пота, поблескивающего на их коже. Вы не можете видеть их отчаяния и ужаса, расширенных зрачков, дрожащих губ, мертвенно-бледной кожи, какой она становится, когда они осознают, что их самый кошмарный сон вдруг стал явью. Вы не можете слышать жалобного плача, не можете слышать отчаянной и еле слышной мольбы, которая с трудом вырывается из сведенного судорогой горла. Вы попросту не можете ощутить того, что чувствую я.

Поэтому я всячески постараюсь помочь вам. Я всячески постараюсь научить вас.

[Редакторское примечание: слышны приглушенные звуки кашля женщины.]

О-о, посмотрите, кто просыпается! Думаю, это означает, что мне придется с вами попрощаться.

Хм. Интересно, а не слишком ли это много и не слишком ли это быстро для вас? Возможно, сначала вам необходимо лучше познакомиться со мной, прежде чем я позволю вам увидеть то, что я вижу так близко. Возможно, сначала мне нужно потанцевать с вами щека к щеке, пообедать с вами и выпить вина, рассказать вам какие-нибудь анекдоты, показать вам то, что я считаю смешным или же, наоборот, ужасным, поведать вам о том, что мне нравится и что не нравится.

Возможно, мне следует рассказать вам, почему я занимаюсь тем, чем я занимаюсь.

Почему я выбираю того, кого я выбираю.

Почему, черт побери, я делаю это так хорошо.

Мне необходимо рассказать вам очень многое. Однако давайте делать это не спеша. Мы все равно достигнем своей цели. К тому времени, когда я закончу, вы уже будете понимать меня. Вы найдете нечто общее между собой и мной.

Я, черт побери, вам даже понравлюсь.

И где-то в глубине души у вас появится желание *стать* таким, как я.

Я резко просыпаюсь, жадно хватая воздух ртом. Мечущиеся на потолке языки пламени исчезают. В комнате тихо и темно. Я вытираю пот с глаз краем своего стеганого ватного одеяла и стряхиваю с себя остатки столь знакомого мне кошмара, в котором кое-что, однако, поменялось: на этот раз человеком, лежавшим на кровати, была не я. На этот раз человек, лежавший на кровати, был красивее, умнее и смелее меня. На этот раз человеком, лежавшим на кровати, была Марта.

Моя сестра вдруг появилась вместо меня в этом кошмаре, в котором я едва не сгораю заживо, однако она, в отличие от меня, не побежала к окну. Она делает вдох и позволяет языкам пламени ухватиться за одеяло, потом они начинают лизать ее саму и постепенно охватывают всю ее целиком.

Я уверена, что не смогу снова заснуть. У меня это никогда не получается. Я стала ложиться спать рано — во всяком случае, рано для меня (обычно в десять часов), — поскольку я знаю, что где-то между двумя часами ночи и четырьмя часами утра мне приснится, что меня охватывает пламя, я проснусь и уже не смогу больше заснуть.

Поэтому я начинаю готовить себе кофе и включаю свой лэптоп.^[4] Электронные письма со срочными новостями приходят в любое время суток, и поэтому у меня их уже накопилось достаточно много для того, чтобы мне было чем заняться.

Я напрасно взяла зеркальце и смотрю на свое отражение. Не очень симпатичное отражение. Первые седые волосинки в прядях, но я слишком упрямая, чтобы покрасить волосы, и слишком гордая, чтобы взять на вооружение ответ современных технологий на проблему старения женщины, который заключается во всестороннем изменении самой себя и в сокрытии своих недостатков. Я наношу лишь минимальный макияж, расчесываюсь и полагаю, что этого вполне достаточно. Никаких кремов от морщин, крашенных волос и улучшающих форму груди бюстгалтеров. Наверное, я могу произвести на кого-то сильное впечатление таким подходом к внешности, да? Может быть, но пока еще не выстраивается очередь желающих выразить мне восхищение.

«Твой самый злостный враг — это ты, — всегда говорила мне Марта. — Никому нет необходимости изводить тебя, потому что ты делаешь это сама». Марта во многих отношениях была моей прямой противоположностью. Она любила развлекаться, а я — размышлять о чем-нибудь серьезном. Она была обаятельной и эффектной, а я — невзрачной. Она выкрикивала на стадионе речовки и громко аплодировала футбольной^[5] команде, а я принимала участие в акции протеста, проводимой возле скотобойни за пределами города организацией «Люди за этичное обращение с животными». Она ходила по пятницам на шумные многолюдные вечеринки, а я в это время читала классическую литературу или какую-нибудь книгу по статистике.

Она была на два дюйма ниже меня, ее волосы были темнее и шелковистее моих. И она носила бюстгалтер с чашечками на размер больше, чем у меня. Как две девушки, родившиеся с интервалом в восемь минут, могут стать такими разными? Это вызывало всеобщее недоумение.

«Черт побери, а я скучаю по тебе, девочка моя», — говорю я вслух, хотя в кухне я одна.

Эту фразу я вообще-то переняла у нее. Она всегда произносила ее при наших беседах по телефону (это была ее коронная фраза в конце разговора), когда мы находились в

противоположных частях страны во время учебы в колледже, а также после того, как она стала учиться в аспирантуре в Аризоне, а я — по никому не понятной причине — устроилась на работу в Федеральное бюро расследований.

Я все еще помню ее реакцию на новость о том, что я поступаю на работу в ФБР. На ее лице появилось выражение удивления и замешательства, как будто ей показалось, что она что-то неправильно поняла. Участница протестов левых политических сил устраивается на работу в такую организацию? Вот это да! Однако высказалась она по данному поводу довольно сдержанно. «Если ты благодаря этому чувствуешь себя счастливой, то и я тоже чувствую себя счастливой». О чем она частенько упоминала в разговорах со мной, так это о счастье. «Просто будь счастливой, Эм. Ты счастлива? Это вполне нормально — хотеть быть счастливой».

Кофе готов. Я иду с кружкой во вторую спальню и начинаю рыскать по нужным мне веб-сайтам и проверять электронную почту. Ничего из того, что я вижу, не заставляет мои волосы встать дыбом. Пожар в доме на одну семью в городе Пало-Альто, без жертв. Пожар в комплексе социального жилья в Детройте, вроде бы погибло несколько человек. Пожар на химическом заводе в пригороде Далласа. Нет, это все не то.

А вот это сообщение может представлять для меня интерес. Пожар, случившийся лишь несколько часов назад в городке Лайл, штат Иллинойс. Отдельно стоящий городской многоквартирный дом. Одна жертва.

Ее зовут Джоэль Свэнсон.

Вот он, *следующий день*. Это ощущение совсем не похоже на то, что испытываешь при похмелье, и на упадок сил после долгой бурной ночи. Я лежу в постели, наговаривая это для вас на цифровой диктофон и вглядываясь в фотографию Джоэль Свэнсон. Я сделал этот снимок вчера вечером, после того как мы все закончили, и распечатал его на своем цветном принтере. Она была бойцом — в этом ей не откажешь. Столько крови, столько боли — а она все еще боролась за свою жизнь. Боролась до самого конца. Я иногда совсем не понимаю людей.

Знаю, знаю, я говорил вам, что не делаю фотографий. Однако в действительности я делаю одну фотографию каждой жертвы в конце своего общения с ней. Разве человек не вправе сохранить себе какой-нибудь сувенир на память?

Как бы то ни было, доброе утро! Я стараюсь начинать каждый день с новостей, выходящих в пять часов утра. Нет лучшего источника информации об автомобильных авариях, убийствах и прочих всевозможных инцидентах. Особенно в такой день, как сегодня, — *следующий день* — новости обязательно нужно просматривать. Итак, я запускаю на одном веб-сайте видеоклип прямо сейчас... Вот он:

«В результате пожара в городке Лайл прошедшей ночью оборвалась жизнь молодой женщины. Двухлетня Джоэль Свэнсон, недавно окончившая Бенедиктинский университет, погибла, когда в спальне ее многоквартирного дома посреди ночи со вторника на среду вспыхнул пожар. Представители властей утверждают, что причиной воспламенения была свеча, горевшая возле ее кровати и упавшая на пол. Они не обнаружили в произошедшем каких-либо признаков насилия... А теперь прослушайте новости спорта. Следующий сезон Национальной футбольной лиги уже не за горами, однако трудовой конфликт не позволит судьям...»

Хватит. Немедленно щелкаю кнопкой «Стоп». Эх, жаль, что вы не можете увидеть видеозапись чернильно-черного дыма, клубящегося над крышей дома Джоэль! Я обожаю это слово — «клубящийся». Это ведь одно из тех слов, которые используются только в одном контексте. Что, кроме дыма, может *клубиться*? Ах да, еще туман... Но туман ведь так похож на дым!.. В средствах массовой информации также появилась фотография Джоэль, которая, должно быть, была взята из ее выпускного альбома. Снимок этот ретушированный, и Джоэль позирует перед фотографом. Мне больше нравится та ее фотография, которую сделал я: в ней больше выразительности, больше страданий, больше жизни.

Кстати, я осознаю, что хранить у себя фотографии своих жертв — это по большому счету очень даже глупо. Да, я знаю: если меня поймут, это будет своего рода подробное описание того, что я сделал, причем даже более весомое, чем подписанное признание. Что я могу на это сказать? Я нуждаюсь в этих фотографиях. Мне очень хочется быть бесшабашным хотя бы в одном этом пункте. Возможно, вам будет интересно узнать, что я складываю такие

фотографии между страницами 232 и 233 старой «Кулинарной книги Бетти Крокер» моей матери — как раз за рецептом приготовления лазаньи с говядиной. (Да, это было осознанное — пусть даже и чудовищное — решение.)

«О-о-о, — думаете вы. — Его мать. Первое упоминание о его матери происходит на третьем сеансе, через три минуты и семнадцать секунд после начала. Есть ли какой-то смысл в этом времени? Может, 317 — это номер дома, в котором он жил в детстве? Или же она родилась в марте семнадцатого числа? Или она совершала над ним сексуальное насилие $3 + 17$ раз?»

Ну ладно, пожалуй, я сообщу вам следующее: когда я был ребенком, моя мать заставляла меня одеваться так, как одевается малышка Бо-Пип,^[6] и я до сих пор часто вспоминаю об этом. После того как я убил ее при помощи мачете, я поклялся увечить всех красивых светловолосых молодых женщин, с которыми налаживал отношения, и тем самым пытаться избавиться от этого кошмара. Однако кошмары *не прекращаются!*

Я всего лишь пошутил. Знаю, что шутка получилась так себе. Мне просто не очень-то и хотелось это делать. Возможно, когда-нибудь я расскажу вам о своей матери. А может, и не расскажу.

А теперь мне нужно подготовиться к предстоящей работе. Грядет важное событие. Я запланировал для себя до Дня труда^[7] по меньшей мере одно приключение.

Я провожу это утро так, как проводила каждое утро на протяжении последних нескольких месяцев, а именно сидя в своем домашнем кабинете (также известном как вторая спальня моей мамы) и занимаясь поисками и анализом информации. Поскольку меня временно отстранили от работы, у меня нет доступа к Национальной системе учета происшествий. Но что толку мне в этой системе? В ней ведь собрана информация только о пожарах, квалифицированных как поджог. Если же пожары считаются возникшими случайно — или если есть всего лишь подозрение, что они являются результатом поджога, — то сведения о них никогда не попадают в Национальную систему учета происшествий. А ведь этот тип обставляет все так, что устроенные им пожары кажутся возникшими случайно.

Этот факт означает, что он не привлекает к себе ничего внимания. Правоохранительные органы штатов не сообщают о таких пожарах федералам, а между собой штаты не обмениваются информацией.

А еще этот факт вынуждает меня прибегать к абсолютно дилетантскому методу сбора информации при помощи «Гугла» и «Ютьюба», просмотра веб-сайтов и форумов, посвященных поджогам и борьбе с пожарами, а также получения по подписке срочных сообщений с веб-сайтов местных новостей. В Соединенных Штатах каждый день случаются пожары (и умышленные, и случайные), которые приводят к гибели людей, и, независимо от того, сообщают о них федеральным органам охраны правопорядка или нет, они всегда фигурируют в местных выпусках новостей того или иного региона. Поэтому меня ежедневно буквально заваливают новостями о пожарах. Девяносто девять процентов этих новостей не имеют никакого отношения к тому, что я ищу, но мне приходится просматривать их все, чтобы хоть что-то найти. Похоже на поиски иголки в стоге сена.

Сейчас уже приближается вечер. Я несколько часов просидела за своим лэптопом, роюсь в интернете и пытаюсь найти какие-нибудь зацепки. Я попробовала навести справки о пожаре, произошедшем в Лайле, штат Иллинойс, но тамошний полицейский мне так до сих пор и не перезвонил.

И тут вдруг начинает тренькать мой смартфон. Как говорится, черта помянешь — он и появится. Я думаю, что это как раз тот полицейский, хотя после целого дня, проведенного в уединении, я с удовольствием поговорила бы и с каким-нибудь телемаркетером, пытающимся уговорить меня застраховать свою жизнь.

Я включаю в своем сотовом режим громкой связи и кричу:

— Алло!

— Госпожа Докери, это лейтенант Адам Ресслер, полицейское управление Лайла.

— Да, лейтенант. Спасибо, что перезвонили.

— Госпожа Докери, вы не могли бы сообщить мне, какой у вас сейчас статус? Вы работаете в ФБР?

Вот это для меня уж проблема так проблема. Я ведь сейчас не работаю в ФБР. Нежелательно было бы сообщать ему даже то, что я аналитик, а не специальный агент: некоторые представители местных правоохранительных органов соизволяют общаться только с агентами, — но я сейчас уже и никакой не аналитик. Когда они начинают искать мой код авторизации, они всегда его находят и убеждаются в том, что я — та, за кого себя

выдаю, однако проблема заключается в том, что в данный момент за этим кодом уже не фигурирует информация о том, каким статусом в ФБР я обладаю.

— Моя работа в ФБР временно приостановлена, — отвечаю я, — поскольку я выполняю особое задание.

Любой юрист назвал бы эти мои слова «формально правдивым заявлением». Просто так получилось, что ФБР не имеет никакого отношения к этому «особому заданию», которое я, по правде говоря, дала себе сама. Я ведь вообще-то временно отстранена от работы, а потому занимаюсь чем-либо исключительно по собственной инициативе. Однако сейчас я сумела приукрасить сложившуюся ситуацию, при этом по большому счету не соврав.

Обычно это срабатывает — до определенной степени. Мне удается попадать в диапазон где-то между обычным гражданином или шумливым репортером и реальным сотрудником правоохранительных органов. Благодаря этому я как-то умудряюсь получать ответы как минимум на безвредные, в общем и целом, вопросы. Правда, ответов этих, хотя они и соответствуют моим целям, явно недостаточно для того, чтобы я составила так необходимую мне полную картину.

— Ага, понятно. Тогда давайте разбираться, что вас интересует, — говорит он, имея в виду, что на некоторые вопросы он ответит, а на некоторые — нет. — Вы звонили по поводу Джоэль Свэнсон?

— Именно так, лейтенант. Пожар, случившийся три ночи назад.

Известно мне пока немного. Джоэль Свэнсон, двадцати трех лет от роду, проживала в новом городском многоквартирном доме по такому адресу: 2141 Картаж Корт, Лайл, штат Иллинойс. Лайл — городок, расположенный в пригороде Чикаго (а точнее, на расстоянии около двадцати пяти миль от этого города). Джоэль жила одна. Она недавно окончила Бенедиктинский университет и работала в приемной комиссии этого учебного заведения. Она была незамужней, у нее не было детей и даже парня не было. Погибла в результате пожара в ночь на двадцать второе августа. По утверждению местного начальника пожарной охраны, никаких признаков насильственной смерти обнаружено не было.

— Что стало причиной пожара? — спрашиваю я у лейтенанта.

— Горящая свеча, — отвечает он. — Она, похоже, стояла на столе и упала на ковер. А точнее, между ковром, валяющимися на полу газетами и полиуретановым матрасом. Огонь очень быстро охватил всю спальню. Жертва сгорела прямо в своей кровати.

Я молчу, надеясь на то, что он будет продолжать свой рассказ.

— Начальник пожарной охраны сказал, что не было выявлено использования каких-либо катализаторов. А еще он сказал, что, по всей видимости... Ну, он выразился так: «Одна из тех глупостей, которые допускают люди». То есть они засыпают, не погасив свечу.

И при этом на полу почему-то были разбросаны газеты.

— Вы уверены, что пожар начался именно в спальне?

— Да. Начальник пожарной охраны сказал, что именно в спальне. У него нет никаких сомнений относительно причины и места начала пожара.

— А свеча? — спрашиваю я.

— Что свеча?

— Есть какие-нибудь предположения относительно того, почему она упала?

Лейтенант ничего не отвечает. Ему, возможно, это представляется незначительной деталью, однако, если вдуматься, какова вероятность того, что свеча, стоящая на столе, вдруг берет и падает? Это ведь произошло внутри помещения, а не на улице, где ее мог опрокинуть

сильный порыв ветра.

— Если позволите и мне задать вам вопрос... — говорит лейтенант. — А почему ФБР заинтересовалось данным инцидентом?

— Хотелось бы мне иметь возможность ответить на этот вопрос, лейтенант. Вы знаете, как это бывает.

— Ну да... Ладно, хорошо.

— Будет ли проводиться аутопсия?^[8]

— Думаю, что не будет.

— А почему не будет?

— Ну, во-первых, я не уверен, что состояние тела позволяет провести аутопсию. Да и зачем ее проводить? Начальник пожарной охраны говорит, что нет никаких признаков насильственной смерти. У нас нет оснований полагать, что кто-то мог захотеть причинить ей вред. Нет у нас и никаких подтверждений того, что кто-то пытался это сделать.

— Так аутопсия для того и делается, лейтенант, чтобы найти такие подтверждения.

Пауза. Из устройства громкой связи — ни звука. Как будто лейтенант уже положил трубку. Может, и в самом деле положил. Полицейские не любят, когда их поучают относительно их работы, а особенно если это делают сотрудники ФБР.

— Я знаю, зачем проводят аутопсию, госпожа Докери, но ее проводят не каждый раз в случае смерти. По утверждению экспертов, в данном конкретном случае нет ничего подозрительного...

— А у вас ведь имеется специальная группа, занимающаяся расследованием поджогов, не так ли? — спрашиваю я. — Вы можете передать данное дело этой группе?

— У нас в округе есть такая группа, это верно, мэм, но мы не передаем каждое дело о пожаре этой группе, иначе у нее не осталось бы времени на то, чтобы заниматься расследованием реальных поджогов. Лучше скажите, есть ли у вас для меня какие-нибудь сведения о Джоэль Свэнсон, которые дали бы нам основания полагать, что ее смерть была насильственной?

— Я не знаю о Джоэль Свэнсон практически ничего, — признаюсь я.

— Ну, тогда, я полагаю, наш разговор закончен, мэм. У меня много работы.

— Я знаю, что у вас много работы, лейтенант, и я, конечно же, благодарна вам за то, что вы уделили мне время. Могу я попросить вас еще об одном одолжении?

Из трубки доносится вздох — достаточно громкий и долгий для того, чтобы я его услышала.

— Каком?

— Меня интересует ее спальня, — говорю я. — Что вы можете рассказать мне о том, как была устроена ее спальня?

Лейтенант Ресслер обещает прислать нужную мне информацию о спальне Джоэль Свэнсон так быстро, как только сможет. Возможно, это произойдет через десять минут, а возможно, и никогда. Мне, наверное, следовало бы разговаривать с ним поучтивее: обычно это способствует взаимопониманию и усиливает желание помочь. Однако меня уже начинают утомлять разговоры о пожарных, которые знают очень много о том, как тушить пожары, но ужасно мало о том, как те начинаются, и закрывают дело еще до того, как было проведено тщательное расследование. Если бы это был склад и ущерб от пожара составил бы миллионы долларов, они перетряхнули бы весь пепел и докопались бы до всех мелочей. Однако когда речь идет об относительно небольшом пожаре, причина которого для них очевидна, они считают для себя возможным завершить расследование еще до того, как оно было толком проведено.

Чувствуя, что мне нужно отдохнуть от компьютера, и не испытывая при этом ни малейшего желания съесть только что подогретый мною в микроволновке бутерброд, я начинаю мыть пол в кухне. Я, можно сказать, помешана на чистоте, и это, между прочим, было на руку агенту по продаже недвижимости: он был рад услышать, что я переезжаю в этот дом, после того как моя мамочка переехала во Флориду и выставила его на продажу. Ведь намного легче продать дом, который не пустует. Это было удобно и для меня тоже, когда меня отстранили от работы в ФБР. Моя квартира в Джорджтауне оказалась за пределами моих финансовых возможностей после того, как я перестала получать ежемесячную зарплату.

В общем, вот такая у меня жизнь: я живу сейчас в доме своей матери в Урбанне, штат Виргиния, в то время как моя мама наслаждается более солнечной погодой в Нейплсе. Я, оставшись без работы, сижу дома, да и личная жизнь у меня на нуле. И это в мои тридцать пять лет!

Помыв пол в кухне, я сажусь на корточки и вытягиваю руки вперед. Я чувствую себя уставшей и физически, и морально. Я возлагала надежды на Букса. Да, возлагала — приходится это признать. К нему прислушивается директор ФБР, и если хоть кто-то может поверить в меня, так это Букс. Но я не могу винить его за отказ мне помочь. У него есть все основания отреагировать именно так, как он отреагировал. Как раз это, пожалуй, и раздражает меня больше всего.

А чего мне следовало ожидать? Я разорвала отношения с ним за три месяца до свадьбы. Я, в общем-то, поступила по-дурацки и разбила сердце удивительному мужчине. Теперь, два года спустя, я неожиданно врываюсь в его жизнь и ожидаю, что он спросит «Как высоко?», когда я скажу «Подпрыгни!».

Итак, я снова вынуждена действовать в одиночку. Специальная группа в составе одной только Эмили Джин Докери собирает сведения самым что ни на есть дилетантским способом и звонит в различные регионы страны сотрудникам местных правоохранительных органов, большинство из которых думает, что я чокнутая.

И они, возможно, правы.

Слышится стук в дверь. По моей коже пробегают мурашки. У меня ведь здесь совсем немного знакомых и еще меньше друзей. А уже девятый час.

Оружия у меня, кстати, нет. Правда, у меня есть тряпка и ведро с водой. Я могу

пригрозить непрошеному гостю, что замочу его до смерти.

— Кто там? — кричу я из коридора.

Голос, который я слышу в ответ, мне очень даже знаком.

Я делаю выдох и открываю дверь.

Харрисон Букмен уже в другой рубашке, но в тех же самых голубых джинсах, в которых он был, когда я заходила к нему в книжный магазин. Под мышкой он держит, как будто это выполненные школьные домашние задания, стопку папок, которые я ему оставила.

— Он никогда не убивает по воскресеньям, — произносит он.

— Никогда.

Мы оба долго молчим.

— Тебе лучше застись хорошим кофе, — говорит он.

— Я знаю.

— Ну конечно, *теперь* ты говоришь «я знаю».

Я улыбаюсь — уже второй раз на этой неделе.

Мы с Буксом идем по северо-западному участку Пенсильвания-авеню мимо того места, где когда-то находился ресторанчик «Д'Аккуа» — наше с ним место (если какое-либо место когда-либо было *нашим*). Здесь, попивая белое вино, мы выбирали себе на ужин что-нибудь из свежего улова, выставленного на ледяной витрине прямо в зале для посетителей, или же сидели на террасе и смотрели вверх фонтанов на Мемориал Военно-морских сил США. Еда в этом ресторанчике казалась нам обоим немного вычурной, но нас она устраивала. Так проходили наши свидания по пятницам вечером.

Но ситуация изменилась. Ресторанный бизнес резко пошел на убыль, такая же участь постигла и наши с Буксом отношения...

— Это происходит только потому, что ты — мужчина, — говорю я Буксу.

Букс, похоже, всерьез задумывается над моими словами, а затем кивает.

— Может, и поэтому, — соглашается он, хмурясь. — А может... — Он потирает подбородок с таким видом, как будто он Шерлок Холмс, ломающий голову над какой-то загадкой. — А может, потому, что некоторые люди в этом здании считают меня здравомыслящим, а тебя — нет.

Он щелкает пальцами, тем самым как бы подчеркивая, что именно это предположение ему кажется правильным.

— Нет, это все гендерный фактор. Все дело в том, что я — женщина.

— Женщина, которую не всегда можно назвать *здравомыслящей*.

— Букс, — говорю я, но тут он вдруг останавливается как раз возле здания ФБР.

— Это было нужно тебе, а не мне, — резко говорит он. — Я же сейчас пытаюсь добиться того, что тебе нужно. Почему ты не можешь просто радоваться этому, а не устраивать нудные разборки со всеми этими «что» да «почему»?

Ого! Чуть больше враждебности, чем я ожидала.

Он заходит в здание первым. Мы называем в вестибюле свои имена и фамилии. Было время, когда мы оба могли предъявить жетоны и сразу пройти вглубь здания. Теперь же мы стали для ФБР просто посетителями: Букс — намеренно, а я — помимо своей воли.

— Минуточку, — говорит женщина, находящаяся за стойкой дежурного администратора.

Букс заводит руки за спину. Именно такие мелкие детали зачастую вызывают поток воспоминаний. Он всегда держался подобным образом, когда находился на работе, всегда старался соблюдать формальности. Во время нашего общения наедине он запросто мог заставить меня смеяться до упаду, но, работая с ним в коллективе, можно было подумать, что он обычный серьезный агент — эдакий Джо Фрайди:^[9] «Только факты, мэм». Я, бывало, пародировала его в более веселые, чем сейчас, дни: заводила руки за спину так, как это делал он, и начинала ходить как робот и говорить «да, мэм» и «нет, сэр».

— Не забывай, Эмми, что это *моя* встреча.

Букс поворачивается и смотрит на меня.

— Я буду вести себя хорошо. Честное-пречестное слово.

— Я уже не ребенок, чтобы верить в «честное-пречестное слово».

— Но мне ты все-таки веришь, не так ли?

Он вздыхает:

— Пойми, лучше, чтобы мы действовали по моему сценарию.

— Так оно и будет. Я и не хотела бы действовать по-другому, Букс.

Он что-то сердито бормочет себе под нос, и мне становится понятно, что он мне не верит. Ему ведь известно, какой капризной я могу быть.

— Ты — большой и важный дядя, — говорю я ему. — А я — маленькая девочка, несущая твою сумку.

— Ты не несешь сейчас мою сумку.

— Но понесу, если ты захочешь.

Мы получаем от дежурного администратора бейджики посетителей, наши сумки тщательно проверяют, и мы направляемся к лифтам.

— Ты сегодня очень язвительная, — говорит Букс.

Он прав. Я нервничаю, и мне нужно это чем-то компенсировать. Сейчас состоится самая важная из всех встреч, какие у меня когда-либо были. На кону стоит очень многое, а я тут еще умничаю.

— Ты ведь понимаешь, что организовать такую встречу не так уж просто, — говорит Букс.

— Я понимаю.

Перед тем, как мы заходим в лифт, Букс бросает на меня быстрый взгляд. Пока мы поднимаемся, он ничего не будет говорить — ни единого слова. Это одно из его правил, обусловленное менталитетом «суперсекретного агента»: никаких разговоров о делах в присутствии незнакомых людей.

Но я знаю, что ему хочется сказать. Я снова произношу эти два слова: «Я понимаю».

Да, я действительно отменила нашу с ним свадьбу за три месяца до нее. Задаток, который мы дали за аренду банкетного зала, нам удалось получить обратно, а приглашения еще не были вручены. Интересно, счел ли это Букс хоть каким-то утешением? Думаю, что... нет.

Мы сообщаем свои имена и фамилии какой-то женщине, и она ведет нас по коридору в один из больших конференц-залов, используемых директором ФБР Уильямом Мориарти для переговоров.

Когда мы уже подходим к этому помещению, я замечаю, что Букс становится все более напряженным. Он ведь впервые снова оказался в этом здании после того, как — вопреки возражениям директора — сдал свое удостоверение агента ФБР. У него, наверное, сжимается сердце, когда он идет сейчас по этим коридорам с тоненьким ковровым покрытием и дешевенькими произведениями искусства — по коридорам, в которых ощущается атмосфера непримиримой борьбы с преступностью ради того, чтобы население могло чувствовать себя в безопасности. Ему, конечно же, сейчас нелегко. Я попросила у него слишком много, причем я ведь не заслуживаю никаких любезностей с его стороны после всего того, что ему сделала. Мысленно беру себе на заметку: Букс — хороший человек.

Он ведь организовал мне не просто встречу, а встречу с самым главным начальником. Ему удалось перескочить через моего начальника Дикинсона, который наверняка сорвал бы эту встречу, если бы у него имелась такая возможность. Я рада тому, что его здесь не будет.

Дверь открывается. У дальнего конца длинного стола стоит директор ФБР Мориарти. По его левую руку — начальник отдела кадров Нэнси Пармаджоре.

А вот по его правую руку стоит не кто иной, как заместитель директора по вопросам уголовных преступлений, кибербезопасности, быстрого реагирования и деятельности служб,

известный мне как Джулиус Дикинсон, попросту «наш Дик».

— Черт! — шепчу я, чувствуя, как Букс тихонечко толкает меня локтем.

Уильям Мориарти — бывший агент ФБР, а также бывший федеральный прокурор, конгрессмен от штата Нью-Йорк и судья федерального суда в Вашингтоне, и теперь вот уже три года как директор ФБР — расплывается в приветливой улыбке, когда видит Букса. Букс работал под его началом, когда Мориарти был агентом ФБР, и Мориарти вряд ли стал бы тем, кем он сейчас является, если бы забывал людей.

— В свое время я заработал себе хорошую репутацию во многом благодаря прекрасной работе этого парня, — говорит он начальнику отдела кадров и Дикинсону, и те улыбаются и почтительно кивают, словно вышколенные солдатики. — Мне не хотелось, чтобы он от нас уходил. Подумать только — теперь он продает книги!

Директор садится и жестом предлагает всем остальным последовать его примеру. Затем он демонстративно смотрит на свои часы.

— Я должен докладывать президенту в три, а потому у меня есть только десять минут, — говорит он.

Десять минут? Только десять минут на то, чтобы поговорить о самом страшном серийном убийце в нашей стране?

— Мой заместитель Дикинсон уже ввел меня в курс дела, — говорит Мориарти, — и я должен согласиться с ним, что если это дело рук одного и того же человека, то это самая невероятная история из всех, которые я когда-либо слышал.

Дикинсон энергично кивает. Затем он переводит взгляд на меня и смотрит мне прямо в глаза. Грязный ничтожный ублюдок. Однако я обещала Буксу, что буду вести себя хорошо. К тому же задача состоит в том, чтобы заставить ФБР провести расследование, чьей бы заслугой это ни стало.

Поэтому я лишь мысленно говорю ему: «Чтоб ты сдох!»

— Хотя подробности не известны мне в той степени, в какой они известны Джулиусу, — говорит директор, — но, исходя из того, что он рассказал мне, я согласен с ним еще кое в чем.

«В том, что он интриган, клеветник, подхалим и придурок?»

— Еще слишком рано — да, слишком рано — делать вывод, что это дело рук только одного человека. И что эти происшествия являются преступлениями. — Он бросает взгляд на Дикинсона. — Джулиус предлагает, чтобы мы подошли к этому делу без ненужной спешки и не вовлекали в него сразу же слишком много наших и так дефицитных ресурсов. Джулиус рекомендует начать предварительное расследование.

«Так вот что рекомендует Джулиус после тщательного изучения имеющихся улики! Какой он молодец, этот Джулиус!»

— Букс, ты хочешь, чтобы тебя включили в состав соответствующей группы ФБР?

— Да, господин директор, — отвечает Букс.

— Сэр, — говорит Дикинсон, поднимая руку. — Поскольку агент Букмен уже уволился, нам, видимо, придется уладить кое-какие нюансы, чтобы восстановить его...

— Ну так уладьте их, — говорит директор, переводя взгляд на Дикинсона. — Вы ведь в состоянии это уладить, да, Джулиус?

— Да, сэр, конечно.

Директор кивает в сторону Букса:

— Может, ему это так понравится, что мы заполучим его обратно уже навсегда.

Букс прокашливается:

— Господин директор, а может, я возьму на себя и руководство этой группой?

Мориарти указывает пальцем вправо:

— Руководить ею будет мой заместитель Дикинсон. И докладывать о результатах он будет мне.

— Вы, наверное, шутите, — говорю я, не удержавшись.

Все взгляды обращаются на меня. Я только что нарушила одно из правил поведения, озвученных мне Буксом перед тем, как мы сюда пришли. Но неужели руководить данным расследованием и в самом деле будет «наш Дик»? Вы что, ребята, надо мной *подшучиваете*?

Букс кладет ладонь на мою руку.

— Очень хорошо, господин директор, — говорит он. — Но смогу ли я поучаствовать в принятии решений относительно того, кого нам включить в эту группу?

Лицо Мориарти выражает удивление. Он как будто не может понять, почему по такому второстепенному вопросу обращаются к нему, директору.

— Я уверен, что вы с Джулиусом сможете решить данный вопрос.

— Очень хорошо, сэр, но мне очень хотелось бы включить в нее сидящую перед вами Эмми Докери, одного из ваших аналитиков. Именно она собрала воедино все эти отрывочные...

Букс замолкает, потому что директор его уже больше не слушает. Дикинсон наклонился к нему и что-то шепчет ему на ухо. Затем то же самое делает и начальник отдела кадров. Пока подчиненные что-то говорят Мориарти на ухо, он смотрит прямо на меня. Я стараюсь выглядеть как спокойный и уравновешенный аналитик, а не как человек, голова у которого вот-вот самопроизвольно вспыхнет ярким пламенем.

Наконец директор показывает им жестом, что больше не желает их слушать.

— Госпожа Доке... Докери, да?

— Да, сэр, — говорю я.

— Будьте так добры, оставьте нас.

«Оставить их?» Что, черт побери, это означает? Я смотрю на Букса.

— Он хочет, чтобы ты вышла и тем самым дала нам возможность поговорить о тебе, — поясняет Букс.

— А-а...

Вставая, я стараюсь не смотреть на сидящих за столом «больших шишек», поскольку боюсь, что из моих глаз выскочат кинжалы, и эти кинжалы воткнутся прямо в них.

— Благодарю вас, — говорю я, сама толком не зная, почему я выбрала именно эти слова.

Я выхожу и закрываю за собой дверь, чтобы люди, обладающие большей властью, чем я, могли решить мою судьбу.

За дверью конференц-зала меня встречает то ли секретарь, то ли кто-то еще из обслуживающего персонала (здесь никому не позволяют просто бродить по коридорам), и вскоре я оказываюсь в маленькой зоне для ожидающих посетителей и читаю в журнале «Тайм» о том, что наша нация сильно потолстела. А что, это и в самом деле заметили только недавно?

Едва мне открыли глаза на шокирующий факт, что причиной массового ожирения у детей является то, что они только тем и занимаются, что сидят и играют в видеоигры да едят пищу быстрого приготовления, в которой полно холестерина, и пьют газированную воду, содержащую много сахара и всяких химических добавок, как появляется Букс. Он садится напротив меня. Я с выжидательным видом поднимаю брови.

Он улыбается и качает головой, а затем хлопает в ладоши.

— Завтра ровно в пять часов мы встречаемся в кабинете Дикинсона, и он будет давать нам указания по поводу нашей предстоящей работы, — говорит Букс. — И мы будем следовать его указаниям, Эмми.

— Это означает, что я войду в состав этой *группы*?

— Да, именно так. Директор согласился с тем — вопреки, конечно же, возражениям Дикинсона, — что ты можешь оказать содействие этой группе. Под моим контролем.

— Мне не нравится ни одна из этих формулировок.

— Мне тоже, Эмми. Я ведь все еще задаюсь вопросом, следует ли мне вообще в это ввязываться.

По напряженному выражению его лица я вижу, что это не пустые слова. Ему, наверное, пришлось там яростно за меня бороться, и я должна быть ему благодарна. Да, я, пожалуй, ему и благодарна. Мне просто не нравится, когда со мной обращаются как с человеком, которого следует опекать. ФБР — это дурацкая контора, в которой доминируют мужчины...

— Улыбнись, Эмми, — говорит Букс. — Потому что, если ты не сделаешь этого, я вернусь в Александрию и буду продавать книги. А без меня ты опять окажешься отстраненной от работы.

— Тебе нет необходимости приказывать мне улыбаться, Букс.

Он начинает смеяться, но не потому, что я сказала или сделала что-то смешное, и не потому, что он пребывает в хорошем настроении. Мне знаком этот смех. Он означает, что нахлынувшая на него волна раздражения — или прочих эмоций вроде разочарования или гнева — отступила.

— У тебя есть личный интерес в этом расследовании, — говорит он. — Ни одного агента никогда не включают в состав какой-либо группы, если у него есть личный интерес в расследовании. Ни одному агенту *никогда* не позволят расследовать смерть его собственной сестры...

— Я не агент, — говорю я, моргая с невинным, как у школьницы, видом. — Я всего лишь простой аналитик.

— Тем лучше для тебя, — отвечает он. — Потому что ты получаешь зеленый свет только на том простом и единственном основании, что формально ты лишь оказываешь содействие расследованию. Фактически же ты — в составе создаваемой группы.

Он прав. И я знаю, что он прав. Мне, видимо, сейчас следует радоваться. Я откидываю

голову назад, с трудом — с большим трудом — сглатываю и делаю глубокий вдох.

— Ты организовал встречу с Мориарти, и это сработало, — говорю я. — И ты настоял на том, чтобы меня де-факто включили в эту группу. Я знаю, что добиться этого тебе было нелегко, Харрисон. Я знаю.

«Черт возьми, я опять произнесла эти слова: “Я знаю”».

Он машет мне указательным пальцем так, как машут, когда хотят заставить кого-нибудь замолчать.

— Не называй меня Харрисоном. Я вернулся потому, что, вполне возможно — возможно! — в данном случае мы имеем дело с серийным убийцей, вышедшем на тропу войны, а лично мне серийные убийцы не нравятся, что вполне естественно. Узнали мы о нем исключительно благодаря тебе. Если этот тип и в самом деле существует, если это все не выдумка, то он сильно отличается от всех тех, с кем я до сих пор сталкивался.

— И мы его непременно поймаем, — добавляю я.

— Да, если он и в самом деле существует, мы его непременно поймаем, а Джулиус Дикинсон непременно припишет все заслуги себе. И ты не будешь против этого возражать.

Я поднимаю руки в знак того, что сдаюсь.

— В том случае, если мы его поймаем, — говорю я.

Букс внимательно смотрит на меня, а затем резко поднимается со стула.

— Если он и в самом деле существует, — говорит он.

Привет, класс. Не возражаете, если я буду называть вас классом? Я ведь думаю, что вы слушаете все это потому, что хотите что-то узнать, и когда я говорю «узнать», я имею в виду не только то, что вы хотите узнать что-то *обо мне* (мою биографию, мои мотивации и т. д.), но и то, что вы хотите чему-то *научиться у меня*. Возможно, не все из вас этого хотят. Многие из вас просто терзаются обычным нездоровым любопытством, заставляющим вас приглядываться к интересным моментам жизни других людей, — точно так же, как вы снижаете скорость своего автомобиля, когда проезжаете мимо места аварии в надежде хоть мельком увидеть расшибленный лоб, из которого течет кровь, или неподвижное тело со свисающей безжизненной рукой на носилках-каталке. Однако я уверен, что по меньшей мере некоторые из вас хотят узнать, *каким образом* я делаю это и *почему* я делаю это.

А еще вы хотите знать, не сможете ли и вы делать это.

У меня для вас хорошая новость: вы сможете! И я покажу вам, каким образом.

Сейчас я войду внутрь. Похоже, скоро будет дождь. Внутри я буду говорить чуть громче и надеюсь, что вы сможете услышать меня сквозь шум толпы, потому что в этом месте начинают собираться люди.

Кстати, если вам интересно, каким же это образом мне удастся разговаривать с вами, находясь в толпе, то сообщаю, что мой маленький диктофон внешне похож на смартфон, а потому я просто держу его возле уха и говорю в микрофон с таким видом, как будто разговариваю по телефону с кем-то из своих друзей. Поскольку я стараюсь делать так, чтобы все выглядело правдоподобно, — делаю паузы, словно позволяя моему вымышленному собеседнику на другом конце линии мне что-то ответить, вставляю отдельные слова и обрывки фраз, задаю вопросы типа «Что?», «А теперь ты меня слышишь?» и так далее, почесываю лицо, кладу ладонь на другое ухо и принимаю сосредоточенный вид, — никто даже не усомнится, что я разговариваю по телефону.

Вот, например, я иду сквозь толпу, заполняющую этот бар, и оказываюсь менее чем в трех футах от парня, у которого довольно крепкое телосложение, мощные мускулы, короткая стрижка, рубашка на два размера меньше и все такое прочее, — и я знаю, что могу сказать о нем все, что мне заблагорассудится, а он и глазом не моргнет, потому что я говорю небрежным тоном в электронное устройство, прижатое к моему уху. Сейчас я вам это продемонстрирую. Мне хотелось бы провести несколько минут наедине с этим импозантным джентльменом, чтобы я мог вставить пестик для колки льда ему в ухо и давить до тех пор, пока не услышу хруст, а затем мне хотелось бы сжечь его тело при помощи керосина и паяльной лампы, но ты, приятель, даже не подозреваешь о том, что я говорю о тебе, не так ли?

Что-что? Ты слышишь?.. Теперь ты меня слышишь? Ну что, теперь слышно лучше? Ты меня хорошо слышишь?

Видите, как все просто. И это одно из положений, на которое я хотел бы обратить ваше внимание и к которому буду возвращаться снова и снова: что бы вы ни делали на пути к своей цели, вам необходимо, чтобы все выглядело правдоподобно. Я имею в виду, что с

самого начала и до самого конца вам следует стараться изо всех сил и использовать весь свой арсенал. Это касается не только чего-то грандиозного, но и просто мелких деталей. Вообще-то, обычно именно незначительные детали сбивают вас с толку в ситуации, когда вам нужно быть особенно осторожным.

Вот, например, я вроде бы разговариваю сейчас по телефону. Когда я закончу свое общение с вами, могу просто сунуть диктофон, выдаваемый за телефон, в карман, не делая того, что обычно делают при завершении телефонного разговора, то есть не говоря «До свидания!» и не нажимая на кнопку — или же, если разговор был прерван внезапно, не крича в телефон и не качая головой с растерянным или недовольным видом. Другими словами, я мог бы пренебречь мерами предосторожности и всего лишь запихнуть диктофон в свой карман.

Но что, если кто-нибудь по какой-либо причине сейчас *наблюдает* за мной? И что, если кто-нибудь с жетоном, прикрепленным к пиджаку, станет позднее просматривать видеозаписи, сделанные камерами видеонаблюдения данного заведения, попытаюсь заметить что-нибудь подозрительное? Конечно же, это маловероятно, но что, если это все-таки произойдет? Ведь тогда они увидят, как я шел по бару, вроде бы разговаривая по телефону, а затем вдруг внезапно засунул телефон в свой карман. Они поймут, что я хочу кого-то обмануть. Тем самым я привлеку к себе их внимание. А привлекать к себе внимание людей — это совсем не то, что вам надлежит делать. Это — а теперь слушайте очень внимательно! — самое ужасное, что вы можете сделать.

Поэтому, когда бы я ни доставал этот диктофон, чтобы поговорить с вами в таком месте, где меня может кто-нибудь увидеть, я обязательно произношу слова и фразы типа «Алло! Привет, как дела?» Когда я заканчиваю свое общение с вами, я говорю что-то вроде «Поговорим позже», «Скоро увидимся» и тому подобное, а затем нажимаю на какую-нибудь кнопку, как будто завершив разговор. Если вы это понимаете, то такие мои фразы при общении с вами вас не смутят.

Подобное поведение имеет огромное значение, так как я полагаю, что есть вероятность — пусть даже всего лишь небольшая вероятность, — что полицейские станут просматривать видеозаписи, сделанные камерами видеонаблюдения этого бара сегодня вечером, когда они узнают, что этот бар был последним местом, где Кёртиса Валентайна видели живым. Вон он там, в углу, — парень со стянутыми на затылке в хвост волосами, слегка располневший в талии, в черной рубашке и голубых джинсах. Он наклонил голову к бокалу с пенным пивом и неуклюже покачивается из стороны в сторону. Он занимается тем, что выполняет дома заказы на создание и оптимизацию веб-сайтов. Его фирма, состоящая из одного человека — его самого, называется «Пикче перфект дизайнс». Я узнал об этом из «Фейсбука». Кёртис кажется мне вполне приличным парнем. Я выяснил это, разговаривая с ним вчера по телефону. А еще во время этого телефонного разговора я назначил ему встречу в местном пивном баре.

Ну вот, он меня уже заметил. Мы с ним никогда не виделись, но он, похоже, догадался, что встречу здесь ему назначил именно я. А догадался он по моему поведению: я рыскаю взглядом по сторонам, кого-то выискивая.

Кёртис? Привет! Как дела? Рад встретиться с вами лично. Ой, секундочку, позвольте мне закончить телефонный разговор!

Ну ладно, класс, мне уже пора. Скоро пообщаемся снова. Пока!

Извините, Кёртис. Это замечательно, что я наконец-таки встретился с вами лично...

Букс приезжает ко мне домой (вообще-то этот дом принадлежит не мне, а моей матери). Мы с ним роемся в интернете, пытаюсь раздобыть побольше интересующих нас сведений, а затем он остается на ночь.

Это первая ночь, которую мы с ним провели под одной крышей с того момента, как я разорвала нашу помолвку. Да, это весьма странно. Чувствую себя Алисой в Стране чудес. Однако ехать отсюда домой ему очень далеко, а потому имеет смысл остаться.

Но это все равно странно.

Мы находимся в кухне. Я сижу за столом перед своим лэптопом, проверяя почту и заходя на уже хорошо мне известные веб-сайты, а Букс тем временем готовит блюдо из пасты. Он умеет готовить лучше, чем я, хотя это еще ничего не значит. Когда-то мы все время готовили вместе: открывали бутылку вина и, время от времени целуясь и покусывая друг друга за шею, нарезали овощи и помещивали соусы. Хорошие воспоминания. С Буксом у меня связано много хороших воспоминаний. Если не считать Марту, он является единственным человеком в мире, к которому я сильно привязалась, — и именно поэтому, наверное, у нас с ним в конечном счете ничего не получилось.

— У тебя есть хлопья красного перца? — спрашивает Букс.

— Понятия не имею, — рассеянно отвечаю я, просматривая полученные электронные сообщения о недавних пожарах. При этом я удаляю явно не относящиеся к предмету нашего расследования происшествия и помечаю флажком те, которые вызвали у меня интерес и о которых я хотела бы потом почитать подробнее. — Поищи сам.

— Замечательный совет. А я думал, что если буду стоять здесь с закрытыми глазами и протянутой рукой, то он сам чудесным образом появится у меня на ладони. Так ты говоришь, что мне следует его поискать?

Тренькает мой смартфон, лежащий на столе. На том конце линии — моя мама Дориан. Я звонила ей сегодня и оставила сообщение.

— Привет, мама.

— Ты сообщила, что у тебя хорошие новости, — говорит она мне.

Судя по тому, как она произносит слова, она не совсем трезвая. Эта проблема появилась у нее после того, как пять лет назад умер мой папа. Она никогда не напивается так, что валится с ног, а просто любит «сгладить острые углы» при помощи джина «Танкерей» с тоником перед ужином. Такое ее пристрастие на какое-то время усугубилось после гибели Марты. Я всегда считала, что Марта — ее любимица. У них ведь было много общего: и внешнее сходство, и одинаковая манера вести себя, демонстрируя показную жизнерадостность. Когда я подрастала, мама частенько говорила мне фразы вроде «Я просто не понимаю тебя, Эмми», когда в действительности хотела сказать «Ну почему ты не такая, как я?» или «Почему ты не очень-то похожа на Марту?»

— Да. Меня снова взяли на оплачиваемую работу.

— Куда?

— Что значит «куда»? В ФБР, мама. Меня восстановили в должности.

— О-о, это замечательно! Они взяли тебя обратно еще до окончания оговоренного срока?

— Да. Я предоставила им собранные мною сведения относительно тех пожаров, и они

согласились начать расследование. Я тоже буду принимать в нем участие.

Молчание. У мамы с самого начала было двойственное отношение к одержимости, какую во мне вызывали те пресловутые пожары. По ее мнению, я пытаюсь извлечь какую-то пользу из смерти Марты и считаю, что, если бы я смогла убедить всех в том, что это было преступление, и мне удалось бы раскрыть его, это придало бы данной трагедии хоть какой-то смысл: «В результате смерти Марты мы смогли поймать этого убийцу». Что-нибудь в таком роде. Я так и не смогла убедить ее в том, что Марту убили.

Я не выдерживаю и заявляю:

— Это тот случай, когда мать вообще-то должна сказать своей дочери: «Это замечательно, милая моя!»

— Если бы я думала, что это замечательно, Эмили Джин, я сказала бы, что это замечательно.

— Букс тоже будет участвовать в данном расследовании, — добавляю я, полагая, что это может повлиять на ее отношение к тому, что я ей сообщила. Букс ведь всегда ей нравился. Букс вообще всем нравится.

Я бросаю на него взгляд и вижу, что он помешивает пасту в виде коротких трубочек и что пар от них поднимается до самого его лица.

— Харрисон? Я думала, что он ушел из ФБР после того, как ты его бросила.

Ах вот как она объясняет увольнение Букса из ФБР!

— Он и в самом деле ушел из ФБР, мама, но совсем не потому, что я его бросила. Он ушел потому, что уже добился того, чего хотел добиться, и стал искать другое применение своим способностям.

— Я этому не верю, — говорит мама. — Он ушел потому, что ему было слишком тяжело находиться в одном здании с тобой.

— Вообще-то он тут, рядом, а потому давай спросим его самого, — предлагаю я, начиная злиться. — Букс, иди сюда и расскажи моей маме, почему ты ушел из ФБР.

Букс кладет на стол деревянную ложку, которой он пробовал соус для пасты, вытирает руки полотенцем и, обойдя вокруг стола, берет телефон.

— Привет, Дориан! Как дела? У меня все хорошо, спасибо. Да, книготорговля переживает сейчас нелегкие времена, но у меня дела идут хорошо. Как там в Нейплсе?.. Рад это слышать. Прекрасно... Да, кстати, я ушел из ФБР потому, что Эмми меня бросила.

Он отдает мне телефон. Я еще никогда не видела такую широкую улыбку на его лице.

— Это неправда, — заявляю я в телефон, снова обращаясь к матери. — Он просто так говорит.

— Вовсе нет, вовсе нет! — восклицает Букс, поднеся руку в качестве рупора ко рту.

— Он совсем не просто так говорит, — поддерживает его моя мама.

— Мама, мне пора бежать. Это был один из самых приятных наших разговоров.

Я нажимаю на кнопку завершения разговора.

— Это было очень любезно с твоей стороны, Букс.

— Паста уже почти готова. Ты закончила свои поиски в интернете?

— Почти. Не думаю, что за прошедшую ночь появились новые жертвы поджогов.

— Ну, это очень плохо. Вернее, это очень хорошо, правда?

Букс накладывает в тарелки еду — паста с красным соусом, приготовленная на пару брокколи с чесноком, немного салата. Я впервые обращаю внимание на то, что у него на висках уже появилась седина, которую, наверное, стало лучше видно из-за того, что волосы

отросли. Он замечает, что я смотрю на него, и я отвожу взгляд в сторону. Если бы уклонение от интимных моментов отношений было олимпийским видом спорта, я бы завоевала золотую медаль.

К тому времени, когда он начинает открывать бутылку вина, я уже закончила читать электронные письма с последними известиями и рыскать по уже хорошо знакомым мне веб-сайтам. Пока что закончила. Электронные письма в течение дня периодически сваливаются на меня лавиной.

— Ты слишком много работаешь, — произносит Букс, садясь.

Я морщусь:

— Кто бы говорил!

Вино, которое Букс купил в городе, имеет почему-то привкус меди, и оно слишком приторное.

— Ну, когда я ушел из ФБР, я осознал, что работал там уж слишком много, — говорит Букс. — Жизнь — это не только работа.

— Не только работа? И что ты теперь, вдруг занялся альпинизмом? Или увлекся игрой в парчиси?^[10]

— Не насмехайся над тем, что я говорю, — бурчит он.

— Я не насмехаюсь над тобой. Я никогда не стала бы над тобой насмеяться.

Букс делает большой глоток вина из бокала, смакует его, глотает, а затем удовлетворенно вздыхает.

— Оставить меня одного у алтаря было своего рода насмехательством.

— Нет, не было.

— Не было? А что это было? Любезность? Реверанс в мою сторону?

Мне, в общем-то, нравится Букс в таком его проявлении — более раскованный и более саркастический.

— Это было... жизненно важным решением, — говорю я.

— О-о-о, от этих слов мне стало намного легче, — подмигивает он мне. — Ладно, забудь об этом, малыш. Для меня это уже пройденный этап. А теперь ешь то, что я приготовил, хорошо? Тебе необходимо впечатлить завтра нашу группу.

Привет! Привет, милые мои! Я великолепен. Что-что?.. В самом деле? Замечательно. Что? Тут не очень-то хорошая связь. Ах да, я в городе Шампейн, штат Иллинойс. Вы помните о фирме, которая занимается созданием и оптимизацией веб-сайтов? Я вам о ней рассказывал. Она называется «Пикче перфект дизайнс», помните? Помните Кёртиса Валентайна? Ну так вот, я сейчас нахожусь в его офисе, расположенном в подвале, и я должен сказать вам, что местечко это удивительное! Нет, даже *лучше*, чем мы думали!

Кёртис, я прошу прощения, вы, надеюсь, не против того, чтобы я поговорил сейчас по телефону... Мы обсуждали эту встречу в течение всей недели.

[Редакторское примечание: едва слышен голос какого-то мужчины.]

Итак, я отойду на минутку от Кёртиса, так как хочу кое-что сказать вам, мои слушатели. Я вообще-то не собирался позволять вам видеть и слышать то, что я делаю со своими жертвами, и по-прежнему пока что не собираюсь вам этого позволять. Я хочу закончить наш разговор до того, как стану делать это, но вы должны увидеть, как эффективно я умею действовать, как умело я втерся в доверие. Вы должны увидеть, что я могу просто подойти к нему сзади и украсть у него жизнь, причем сделать это совсем не трудно, если вы умеете концентрироваться и быть дисциплинированным. А еще, пожалуй, я хочу, чтобы вы увидели, как сильно это меня захватывает. Это никогда не надоедает. Жаль, что вы не можете почувствовать то, что чувствую я, не можете ощутить радостного биения моего сердца и того электрического напряжения, которое струится по моим венам, той эйфории, которая овладевает мною. Думаю, вы понимаете, о чем я говорю, не так ли? Речь идет не о ненависти. Речь идет о любви.

Ну да ладно, давайте сделаем это. Пойду обратно к Кёртису через три секунды... две... одну...

Кстати, милые мои, вам следует взглянуть на то, *что* Кёртис способен сделать с веб-сайтом. Думаю, воспользуйся вы услугами этого парня, вам были бы по плечу ну просто офигенные бизнес-проекты. Кёртис сейчас сидит на своем рабочем месте, и у него... э-э... Эй, Кёртис, сколько у тебя компьютеров, четыре? Ну да, четыре разных компьютера, работающих одновременно, и он находится рядом с ними. Он, похоже, всецело погружен в то, что сейчас делает, и даже не подозревает, *что* я сейчас буду делать с ним.

Мы с Буксом явились в кабинет Дикинсона в назначенное время, то есть ровно в пять часов вечера, но нас отправляют оттуда в конференц-зал, расположенный дальше по коридору. То, что эта встреча назначена на конец рабочего дня, уже само по себе дает понять, что «наш Дик» не собирается уделять нам много времени, но он еще больше усугубляет ситуацию тем, что заставляет нас ждать более двух часов. В конце концов он заходит в пятнадцать минут восьмого в конференц-зал, что-то жуя (этот мерзавец, наверное, ужинал, пока мы сидели и ждали его), и садится на стул, не обращая на нас ни малейшего внимания. Затем минут десять он протирает свои очки хорошо известным мне кусочком шелковой материи: это его манера показать нам, как мало мы для него значим. Сначала — очки, а уж затем — расследование.

Он привел с собой двух человек — бывшего агента Денниса Сассера, работающего сейчас по контракту консультантом, и аналитика Софи Таламас. По-видимому, они тоже включены в нашу *группу*.

У Денни Сассера возрастные пятна на лбу, жиденькие пряди седых волос на голове, запавшие глаза и узкие, сутулые плечи. Он попал под принудительное увольнение в возрасте пятидесяти семи лет и — после парочки безуспешных обращений к директору с просьбой оставить его на работе — ушел на пенсию. Однако ему позволили работать внештатным консультантом, и в этом качестве он уже много чем занимался, а в последнее время — конфискацией имущества, работенкой, которая не нравится никому. Если кому-то поручают такую работу, это означает: «Мы не собираемся заключать с тобой новый контракт, парень». Поэтому Сассер уже не пытается карабкаться вверх по служебной лестнице, и это, пожалуй, хорошо, потому что я не думаю, что он смог бы куда-то там выкарабкаться, даже если бы его подталкивали снизу под задницу, и это несмотря на то, что он работал в ФБР, можно сказать, еще с тех времен, когда изобрели электричество. Дикинсон сообщает нам, что Денни когда-то занимался делами, связанными с поджогом, но я поспорила бы на крупную сумму, что эти дела имели место в те времена, когда огонь добывали трением, причем для того, чтобы можно было поджарить стегозавра,^[11] которого убили копьем и приволокли в пещеру.

С Софи Таламас я незнакома. Она здесь, должно быть, новичок. Она моложе меня (что, однако, еще ничего не значит) и намного красивее (см. предыдущий комментарий). Хороший она работник или нет — этого я не знаю, но у нее, скорее всего, маловато опыта, а потому она нуждается в некоторой опеке, а у меня на это нет времени.

Получается, что эта группа людей совсем не то, что можно было бы назвать «командой “А”». ^[12] Дикинсон об этом позаботился.

Все организовано так, чтобы мы ничего не смогли добиться.

— Ну... ладно, — говорит Дикинсон, стирая последние пятнышки со своих очков. — Я не... я не собираюсь транжирить ценные ресурсы на... на поиск жареных фактов. — Он напяливает очки и обводит нас презрительным взглядом. — Я ознакомился с так называемым *исследованием*, которое представила мне Эмми, и пока что пришел к выводу, что здесь нет ничего необычного. Просто некая совокупность пожаров, а пожары происходят в нашей стране каждый день. И каждый день в результате пожара кто-то погибает. Все, что я из этого почерпнул, так это то, что наша Эмми составила список пожаров, каждый из

которых следователи признали возникшим случайно. — Дикинсон качает головой. — Я не обнаружил здесь ни одного случая, относительно которого Соединенные Штаты могли бы добиться в суде признания кого-то виновным, причем не будет никаких оснований сомневаться в правильности такого решения.

— Это верно, — вмешиваюсь я. — Он действует чрезвычайно умело.

— Или он действует чрезвычайно умело, — говорит в ответ «наш Дик», — или этого суперпреступника попросту *не существует*. Данные пожары, признанные возникшими случайно, и в самом деле *возникли случайно*.

— Если позволите мне высказаться... — произносит Денни Сассер, поднимая руку, лежавшую на столе, и тем самым как бы доказывая, что он вообще-то способен двигаться. — Госпожа Докери, я не вижу здесь какого-то определенного стиля преступной деятельности. Города — разные. Жертвы — всех видов и возрастов: мужчины, женщины, черные, белые, выходцы из Латинской Америки, азиаты, пожилые, молодые, богатые, представители среднего класса, бедные. Что же их объединяет?

— Эти пожары происходили во все дни недели, кроме воскресенья, — говорит Букс. — Поэтому нам необходимо рассмотреть религиозный аспект. Возможно, именно он поможет нам найти что-то общее между жертвами. Возможно, они все были грешниками, и преступник — религиозный фанатик, устраивающий для этих грешников своего рода адский огонь. Или же мы имеем дело с сатанизмом.

Мне приходится мысленно признать, что, хотя я и заметила, что эти пожары никогда не происходили в воскресенье, я не придавала данному факту ни малейшего значения. А вот Букс придал. Это было самое первое, на что он обратил внимание. Именно поэтому он мне и нужен.

— Сатанизм, — говорит Сассер. — Потому что это связано с огнем?

Букс пожимает плечами:

— Возможно. Нам следует также принять во внимание нумерологический анализ. Может, даты, или адреса жертв, или их возраст. Связь с «шесть-шесть-шесть», то есть числом зверя, и тому подобное. Софи, это было бы подходящим заданием для вас.

Софи — молодая женщина с большими карими глазами, светлыми шелковистыми волосами и изящной фигуркой — оживает.

— Хорошо, агент Букмен.

— Я — Букс, — говорит он. — Все называют меня Буксом.

— Хорошо, Букс.

Она улыбается ему. Он улыбается ей.

Даже Дикинсон улыбается. Мне. Злорадная людоедская ухмылка.

«Эх, Дикинсон, ты — прохиндей, и именно поэтому включил Софи в эту группу. Ты знал, что Буксу эта женщина понравится».

Хватит. Возьми себя в руки, Эм. Это ведь шанс, которого ты так долго ждала. Пора проявить себя.

Настало время кое-что этим ребяташкам объяснить.

— Эти происшествия не были расследованы надлежащим образом, — говорю я. — Местные правоохранительные органы довольствуются напрашивающейся версией, то есть той самой версией, которую подсовывает им наш субъект, — что пожар якобы начался случайно. Поджоги легко скрыть, потому что доказательство исчезает в пламени. Иногда поджигатель облегчает работу следователям тем, что разбрызгивает на месте предстоящего поджога бензин или керосин, наличие которых впоследствии нетрудно определить. Во многих случаях поджоги выявляются совсем не научными методами: например, на месте преступления обнаруживают канистру с бензином или бутылку с горючей смесью; или же находят нож, валяющийся рядом с перерезанной резиновой трубкой газопровода; или кто-нибудь из свидетелей сообщает, что видел, как среди ночи с места пожара убежал какой-то человек. Может быть обнаружен и серьезный мотив — например, корыстные соображения или ссора. Главный смысл в том, что, если поджигатель действует осторожно и аккуратно, он обычно может скрыть все улики, свидетельствующие о совершенном преступлении. А наш субъект, я полагаю, действует очень осторожно. Он не оставляет после себя ничего такого, что могло бы вызвать подозрения; он выбирает свои жертвы среди людей, с которыми его вообще ничего не связывает, и, самое главное, он, можно сказать, протягивает следователям на серебряном блюде приемлемую и правдоподобную версию. За что хватаются следователи? Конечно же за приемлемую и правдоподобную версию. И это происходит каждый раз.

Денни, внимательно слушавший мой монолог, вежливо кивает, но я вижу, что переубедить его мне не удалось.

— Госпожа Докери... — обращается он ко мне.

— Зовите меня Эмми.

Если Софи будет обращаться к Буксу неофициально, то пусть Денни называет меня по имени, а не по фамилии. Впрочем, это отнюдь не означает, что я свела счеты: Букс ведь получает куклу Барби серии «Малибу», а я — дедушку Уолтона.^[13]

— Эмми, нам необходимо принять во внимание вероятность того, что приемлемый ответ окажется правильным ответом, — говорит Денни. — Если я за более чем тридцать лет службы что-то и усвоил, так это то, что самый простой ответ — это обычно правильный ответ. Вы просите нас поверить, что в данном случае действует гениальный поджигатель, причем в ситуациях, когда нет никаких доказательств того, что имел место поджог.

Это все понятно. Вообще-то именно поэтому наш субъект так эффективен в том, что он делает: доказательством того, что он классный поджигатель, является *отсутствие* доказательств поджога.

— Ответов на все вопросы у меня нет, — признаю я. — Необходимо провести аутопсию, отправить экспертов осмотреть места совершения преступлений, допросить свидетелей — в общем, сделать все, что положено.

— У нас нет для этого ресурсов, — говорит Дикинсон.

— Тогда нам необходимо убедить местные правоохранительные органы сделать это для нас.

— На основании чего? — спрашивает Денни. — Я не вижу вообще никаких улик.

— Я тоже, — поддакивает Дикинсон.

Я бросаю взгляд на Букса, и тот мне слегка кивает.
— Покажи им, — говорит он.

Я помещаю карту Соединенных Штатов размером с настенный плакат на подставку, имеющуюся в конце стола. По всей территории страны маленькими звездочками отмечены места, в которых произошли интересующие нас пожары. Звездочек в общей сложности пятьдесят четыре — тридцать две красных и двадцать две синих.

— Здесь отмечены пятьдесят четыре пожара, — говорю я. — Пятьдесят четыре пожара, произошедшие с прошлогоднего Дня труда и до сего момента. Получается промежуток времени длительностью в один год. Как вы можете видеть, пожары происходили по всей стране — от Калифорнии до Нью-Йорка, от Техаса до Миннесоты, от штата Вашингтон до Флориды. Пятьдесят четыре пожара. Считается, что все они начались случайно. Пятьдесят четыре жертвы.

В помещении воцаряется тишина. В понятии «смерть» есть что-то такое, что заставляет призадуматься даже бывалых правоохранителей. Возможно, я целиком и полностью ошибаюсь в своих предположениях, но пятьдесят четыре — это все-таки большое число, это много убитых людей, а потому тут неуместны ухмылки и шуточки.

— Эти пятьдесят четыре пожара, я думаю, связаны друг с другом. Чем они отличаются от сотен — если не тысяч — других пожаров, ежегодно происходящих в домах по всей стране? Они отличаются от остальных пожаров тем, что у них у всех есть четыре одинаковых признака. Во-первых, все их сочли начавшимися случайно. Во-вторых, каждый раз жертва одна и только одна. В-третьих, после каждого из этих пожаров жертва была найдена именно в том месте, где начался пожар — другими словами, жертву обнаружили мертвой в том помещении, в котором начался пожар. В-четвертых, этим помещением всегда была спальня.

— В этом есть что-то странное? — спрашивает Денни.

— Очень странное, — говорю я. — Пожары обычно не начинаются в спальнях. Подавляющее большинство пожаров в жилых домах начинается в кухнях. Другие вызваны неисправностями газопроводов в подвалах или помещениях, используемых для стирки. Некоторые начинаются с того места, где электрические провода протянуты вблизи источников тепла, за стереосистемами и тому подобное. А вот спальни... Это и в самом деле довольно странно.

Денни соглашается с этим.

— Я не изучал последние статистические данные, — говорит он.

Я улыбаюсь ему.

— А я — изучала. Но независимо от того, где начался пожар, большинство жертв погибает совсем не в том помещении, где он начался. Люди бегут прочь от огня. Они не бегут к огню. При пожарах, приводящих к гибели людей, обычно происходит следующее: пока люди спят, пожар начинается в каком-нибудь другом помещении их дома — в кухне или там, где стирают белье, — и затем распространяется по другим помещениям. Если кто-то погибает, то это, как правило, происходит в результате того, что жертвы задыхаются в дыму после того, как путь к спасению им отрезает огонь. Они обычно не сгорают дотла, лежа в своих постелях. В каждом из этих пятидесяти четырех случаев жертва погибла в той самой комнате, где, как было установлено, и начался пожар. Более того, во многих из этих случаев погибшие были найдены лежащими в своих кроватях или возле них.

— Но это, конечно же, могло произойти и случайно, — говорит Сассер.

— Конечно же, Денни. Вообще-то вы только что изложили мнение пятидесяти четырех бригад следователей, и каждая из них пришла к выводу, что одиночный пожар, которым они занимались, начался случайно. Если рассматривать один-единственный инцидент, то, несомненно, такое представляется вполне возможным, особенно когда следователи обнаруживают явные признаки того, что пожар начался случайно, — признаки, которые наш субъект каждый раз протягивает им на блюдечке. Они отдают предпочтение приемлемому ответу, а не раздумьям о чьем-то коварном умысле. Но мы сейчас рассматриваем не один-единственный инцидент. Мы рассматриваем все это в масштабе всей страны, и мы видим целых пятьдесят четыре аналогичных инцидента, произошедших на протяжении одного года. В этом, я полагаю, и проявляется некий стиль преступника.

Все присутствующие внимательно меня слушают. Я не очень-то хорошо умею читать по лицам, но мне кажется, что я уже частично сломила их сопротивление. Возможно, переубедить мне еще никого не удалось, но кое-какой прогресс есть.

— Но давайте анализировать дальше, — продолжаю я. — Рассмотрим четырехмесячный период, начавшийся год назад — приблизительно в День труда в прошлом году, и продолжавшийся до конца года, а точнее, до второго января. Обратите внимание на красные звездочки на этой карте. Они символизируют тридцать два пожара, которые произошли за эти четыре месяца. Обратите внимание на то, что эти пожары имели место во всех регионах страны, кроме Среднего Запада. Эти тридцать два пожара привели к гибели тридцати двух человек.

Последний пожар, относящийся к этому периоду, случился второго января в городе Пеория, штат Аризона. Я хорошо помню, как мне позвонила мама, помню отчаяние в ее голосе и что она все никак не могла подобрать подходящие слова. «Марта была... — сказала она. — Марта была... Твоя сестра была...» Ей потребовалось более пяти минут на то, чтобы закончить фразу. Уже после нескольких ее попыток меня само начало охватывать отчаяние, потому что мне стало ясно, что новость, которую она хочет мне сообщить, ужаснейшая. «Марта была... что, мама?» — крикнула я. Мой голос срывался, колени дрожали, а земля под ногами, казалось, вот-вот разверзнется. «Что случилось с Мартой?»

— Итак, тридцать два пожара за четыре месяца, — говорит Букс, тем самым поддерживая меня.

Он, похоже, почувствовал, что я погрузилась в тягостные воспоминания. Я киваю ему в знак благодарности и снова сосредотачиваюсь на текущем моменте.

— Совершенно верно, — говорю я. — Получается в среднем два пожара в неделю. Как вы видите на карте, пожары распределялись попарно. Два в Калифорнии — в Пидмонте и Новато — в одну и ту же неделю сентября. Два в Миннесоте — в Идаине и Сент-Клауде — в одну и ту же неделю октября. Значит, наш субъект путешествовал. Начиная с Дня труда и приблизительно до Нового года наш субъект переезжал из одного места в другое. Почему он так поступал, я не знаю.

Сейчас, по крайней мере, все продолжают слушать меня очень внимательно. Миловидная Софи даже что-то записывает, показывая тем самым, что она умеет быстро писать. А может, просто калякает что попало или рисует чертиков.

— А теперь перейдем ко второму периоду, который длится с начала этого года и до сего дня, — говорю я. — И именно анализируя этот период, мы начинаем узнавать о нашем субъекте кое-что еще.

— Второй период активной преступной деятельности нашего субъекта охватывает приблизительно восемь месяцев, начиная с января этого года и заканчивая сегодняшним днем, — говорю я. — Пожары за этот период отмечены на карте синими звездочками. За эти восемь месяцев произошло двадцать два пожара и погибло, соответственно, двадцать два человека. При каждом пожаре — один погибший. Довольно педантично, не правда ли?

Денни Сассер и Софи Таламас кивают. Букс тоже кивает, и очень энергично, хотя он уже слышал эти мои рассуждения. «Наш Дик» сидит неподвижно, ничем не выказывая своего отношения к услышанному.

Я провожу лазерной указкой окружность таким образом, чтобы внутри нее оказались все синие звездочки.

— Но наш субъект не очень-то много путешествовал на протяжении этого второго периода, не так ли?

Букс качает головой:

— Все эти двадцать два пожара имели место на Среднем Западе или в прилегающих регионах.

— Именно так. В штатах Иллинойс, Висконсин, Айова, Индиана, Миссури и Канзас. Все это происходило с середины января и до этой недели. Последний пожар случился в городке Лайл, штат Иллинойс. Почти за восемь месяцев — только двадцать два поджога. Вместо двух поджогов *в неделю* он стал делать примерно три поджога *в месяц*. Почему?

Я смотрю на слушающих меня людей так, как смотрит на своих учеников учитель, задающий им контрольные вопросы. Поскольку они не отвечают, я делаю это за них.

— Он стал дольше выбирать жертвы, — говорю я.

На мои слова снова никто никак не реагирует. Мне приходит в голову, что я раздражаю их таким своим подходом — вопросы и ответы, но затем, судя по выражению их лиц, прихожу к выводу, что он им даже нравится. Все присутствующие в этой комнате — или почти все — поступили на работу в правоохранительные органы потому, что они любят складывать пазлы.

— И почему же он делает это? — спрашивает Дикинсон, впервые подключаясь к обсуждению, и я не знаю, хороший это признак или плохой.

— Думаю, потому что он живет на Среднем Западе, — говорю я. — И для его преступной деятельности там немаловажным фактором является его обычная, повседневная жизнь — работа, друзья, какие-то занятия в свободное время. Когда он отправляется в поездку куда-нибудь далеко, он отрывается от всего этого и ему легче совершать преступления. А дома? Дома ему нужно ходить на работу. Дома у него есть друзья, родственники...

— Ему также приходится быть более осторожным, — говорит Букс. — Если он убивает кого-то близко к своему дому, его с большей вероятностью поймают. Усиление им мер предосторожности проявляется в том, что он увеличивает временной интервал между своими преступлениями.

— Именно так, — говорю я. — Обратите внимание на то, что каждое убийство на Среднем Западе он совершает в другой юрисдикции правоохранительных органов. Разные города, разные округа. Он старается не совершать такого же преступления в пределах той же

самой юрисдикции, поскольку опасается, что на эти пожары начнут смотреть как на некую совокупность, а не как на отдельные пожары.

— Вы сказали, что жертвы всегда обнаруживались в том помещении, в котором начался пожар, — говорит Денни. — Есть ли какая-то причина того, что данный субъект поступает подобным образом?

— Конечно, — говорю я. — В месте начала пожара огонь пылает дольше всего и, следовательно, сильнее всего. И ущерб там причиняется самый сильный — а значит, улики в этом месте, скорее всего, будут уничтожены.

— Ага. То есть вы полагаете, что он устраивает пожар только для того, чтобы уничтожить улики?

— Совершенно верно. Что бы он ни творил со своими жертвами, он хочет подстроить все так, чтобы мы ничего об этом не узнали. Он не хочет, чтобы мы проводили аутопсию. Он подстраивает все так, чтобы тело...

Я вспоминаю о Марте, и мое горло сжимает спазм.

— Чтобы состояние тела не позволяло провести аутопсию, — говорит Софи.

Я не могу произнести ни единого слова, поэтому просто киваю. Я все еще хорошо помню, как моя мама кричала владельцу похоронного бюро, полицейскому детективу и вообще всем, кто ее мог слышать: «Как, я даже не смогу похоронить свою малышку? Я не смогу устроить ей надлежащие христианские похороны?»

Я прокашливаюсь. Букс был прав, когда говорил, что нельзя поручать проводить расследование преступления тому, у кого в результате этого преступления пострадал близкий человек. И мне совсем не хочется, чтобы меня потом приводили в качестве отрицательного примера.

— Итак, пожар — это нечто вторичное, — говорит Денни. — Он не устраивает пожары ради сильных ощущений. Он маскирует ими свои преступления. Именно это вы хотите сказать?

Я снова прокашливаюсь.

— Да, именно это я и хочу сказать. На то, что он делает, требуется время. Поэтому он выискивает людей, которые живут в одиночестве. Именно таких людей он может тем или иным способом полностью подчинить своей воле и без особой спешки их прикончить. Ну а после этого он поджигает спальню. Он знает, что в наше время пожарные могут приехать всего лишь через несколько минут после начала пожара. Для него не важно, спасут они дом или нет. Главное для него — это чтобы жертва сгорела еще до того, как приедут пожарные.

Все молча размышляют над моими словами. Я не уверена, что убедила кого-либо в том, что мы имеем дело с убийцей, но теперь все они понимают, что есть серьезные основания продолжать данное расследование.

— И с чего же мы начнем? — спрашивает Денни.

— Мы начнем с того места, где он живет, — говорю я. — Это где-то на Среднем Западе. Если бы я билась об заклад, то сделала бы ставку на Город ветров.^[14] Поэтому пакуйте вещи. Мы отправляемся в Чикаго.

Ну что ж, я полагаю, что формально это может считаться отдельным сеансом. Сейчас уже за полночь, и, получается, наступил четверг. Какой замечательный это был день, не так ли?

Нет, не замечательный? Ничего особенного? Ну что ж, ребята, поскольку у меня хорошее настроение, я отвечу на вопросы, поступившие в мой почтовый ящик.

Жаль, что у меня *нет* настоящего почтового ящика, поскольку я уверен, что у вас накопилось ко мне очень много вопросов. Вы попытаетесь найти ответы на большую их часть в этих записях, для чего будете читать между строк и анализировать мой подбор слов, интонации моего голоса и все такое прочее, но для вас будет лучше, если я напрямую отвечу хотя бы на некоторые из часто задаваемых вопросов.

Поэтому время от времени я буду просто пытаться догадаться, какими могут быть эти вопросы, и буду отвечать на них. Итак, этот сеанс посвящается почтовому ящику Грэма. Включите музыкальную заставку, пожалуйста. Что-что? Говорите, что нет никакой музыкальной заставки? Извините, мне придется над этим поработать.

Вопрос: как вы выбираете жертву?

Самый простой ответ, который я могу дать, состоит в том, что я полагаюсь на свое вдохновение. В тот или иной момент меня могут вдохновлять разные вещи, поэтому и жертвы мои самые разные. Вы же не стали бы ожидать от Бетховена, что он сочинит одну и ту же симфонию дважды, не так ли? И не стали бы ожидать от Толстого, что он напишет точно такой же роман во второй раз, да?

Иногда я выискиваю их, а иногда они сами появляются. Иногда мне приходится довольно долго заниматься поисками, а иногда это просто возникает, как запах экзотических духов, улавливаемый моим носом.

Я, если определить меня одним словом, гурман.

Иногда мне по вкусу хорошенький кусочек мяса ягненка с вином, изготовленным из винограда сорта «шираз». Иногда — лобстер с охлажденным шабли. Иногда — итальянский бутерброд с жареной говядиной и перцем и картофельные чипсы с солью и уксусом. Я никогда заранее не знаю, чего мне захочется в следующий раз. Но я не сомневаюсь в том, что мой желудок рано или поздно начнет урчать.

Вопрос: какой ваш любимый цвет?

Готов поспорить, что вы думаете, что мой любимый цвет — красный, да? Нет, не угадали. Мой любимый цвет — пурпурный. Пурпурный ведь такой неоднозначный, сложный цвет: он несет в себе страсть красного, грусть синего, безнравственность черного. Пурпурный не является ни веселым, ни грустным цветом. Он символизирует боль и отчаяние, но при этом еще и страсть — яростное желание избитого и покрытого синяками, но рвущегося вперед и твердо намеренного преодолеть все трудности и ни перед чем не отступить.

Более того, он хорошо сочетается с моими волосами.

У нас есть время еще на один вопрос: почему я поджигаю свои жертвы?

Хм, давайте разберемся. Кёртис, я тебя поджигал?

[Редакторское примечание: слышатся стоны какого-то человека.]

Нет, не поджигал. Я сделал с тобой много чего, Кёртис, но я тебя не поджигал. Ну ладно, не ломай себе над этим голову, Кёртис, — я сожгу тебя, когда все это закончится. Однако только для того, чтобы о наших с тобой забавах никто никогда не узнал.

Прошу у всех прощения — это была всего лишь шутка, понятная только Кёртису и мне. Я имею в виду мою фразу «не ломай себе голову». И если это может послужить тебе хоть каким-то утешением, Кёртис, сообщаю, что у тебя самые симпатичные мозги из всех, которые я когда-либо видел. Это для тебя утешение? Тебе стало легче?

Тебе, наверное, стало бы намного легче, если бы я убрал зеркало, не так ли?

Лейтенант Адам Ресслер не очень-то рад нас видеть. Но осуждать его за это я не могу. Неделю назад он уже вроде бы закрыл это дело навсегда, а тут приехали мы и испортили ему уик-энд перед Днем труда. Его тщательно накрахмаленная униформа кажется чрезмерно плотной и жаркой в августовский зной, в котором я оказываюсь, вынырнув из джипа «Чироки», выделенного нам в автопарке чикагского отделения ФБР.

Вообще-то эта униформа Ресслеру к лицу. Он симпатичный, хорошо сложен, гладко выбрит, с красиво очерченным подбородком. Он держится как человек, который прослужил некоторое время в армии. Если бы не ручейки пота, стекающие от его идеально причесанных волос к тщательно выглаженному воротнику, я бы ни за что не поверила, что ему жарко.

— Вы — лейтенант Ресслер, да? — спрашиваю я, стараясь говорить непринужденно, спокойно и уверенно и чувствуя при этом, что волосы у меня начинают прилипать к шее и лбу.

Он бурчит что-то подтверждающее то, что я не ошиблась, но не протягивает мне руку для рукопожатия.

Денни, который выглядит усталым, выбирается из автомобиля и подходит ко мне, Буксу и Софи, стоящим на тротуаре. Я быстренько знакомлю лейтенанта со своими спутниками. Ресслер торопится пожать руку Буксу, решив, что он среди нас старший. Вообще-то так оно и есть, но лейтенанту этого никто не сообщал. Типичная дискриминация по половому признаку, однако проявлять свои феминистские наклонности сейчас не время. Лейтенант смотрит на Денни Сассера с таким видом, как будто хочет сказать: «Вы что, надо мной подшучиваете?» Денни ведь выглядит как наполовину растаявшее мороженое, но я начинаю подозревать, что в выражении его полуприкрытых глаз гораздо больше осмысленности, чем он хочет показать. А вот Софи, похоже, производит на Ресслера очень сильное впечатление — какое она произвела бы на любого энергичного мужчину гетеросексуальной ориентации.

— Госпожа Докери, — начинает Ресслер, — как я уже сказал по телефону, этот пожар возник явно не в результате поджога. Я не понимаю, зачем вам требуется осмотреть место происшествия. Если бы вы сказали мне, *что* вы ищете, мы наверняка смогли бы доставить вам это, и даже в упаковке.

— Вы и так уже нам очень помогли, лейтенант, — говорю я. — Нам просто нужно взглянуть на место происшествия — только и всего.

Он таращится на меня в течение нескольких секунд, а затем резко разворачивается и идет в сторону дома. У меня мелькает мысль, что ему отнюдь не понравилось, что ему поручили возиться с этими фэбээровцами — подумать только! — всю вторую половину дня.

Я стою несколько секунд на месте и рассматриваю издали первый и последний собственный дом Джоэль Свэнсон. Он представляет собой скромное двухэтажное, отдельно стоящее здание с кирпичным фасадом и круглыми колоннами в верхней части бетонной лестницы, ведущей к главному входу. Дом — новый. Все строения вокруг тоже довольно новые, с тоненькими, подающими надежды деревьями и малюсенькими лужайками, покрытыми свежим дерном. Некоторые из окон этого дома закрыты фанерой, а электричество, по-видимому, отключено. Больше не заметно никаких следов пожара, произошедшего неделю назад.

Никаких, кроме запаха.

Запахи горелой смолы, расплавившейся пластмассы и чего-то еще непонятного, но явно химического, смешиваются с сильным и приятным запахом сырой горелой древесины, похожим на запах костров осенью.

— Огонь, как вы сами видите, повредил в основном заднюю часть дома, — говорит Ресслер. — Он полностью охватил дальнюю спальню, а также главную ванную и коридор. Остальная часть дома пострадала только от дыма — там все в копоти. Все тут еще влажное от воды, которая использовалась при тушении пожара, хотя это произошло неделю назад.

Я останавливаюсь, чтобы окинуть взглядом строение. Хотя я и собрала, роюсь в интернете, множество сведений о пожарах, это первый пострадавший от пожара дом, который я вижу собственными глазами после того, как сгорел дом Марты. Этот, конечно же, совсем не такой, как дом Марты, но все равно он возвращает меня в то горестное прошлое. Марта жила в типичном доме юго-востока США: дверные проемы с арочным верхом, много плитки, все покрашено в цвет глины, просторные помещения. А вот этот дом имеет более стандартную компоновку, характерную для Среднего Запада: гостиная, сидячая ванна, кухня на первом этаже, две спальни и обычная ванна на втором этаже.

Чтобы собраться с силами, я снова останавливаюсь, уже внутри дома, у основания лестницы, ведущей на второй этаж. Стены почернели начиная с середины лестницы, и почернение это имеет острые углы и четкие очертания, показывающие, как распространялись языки пламени до того, как огонь погасили. «Очертания обугливания» — этот термин я услышала, когда осматривала дом Марты после пожара.

Я дохожу до лестничной площадки и снова останавливаюсь. Закрыв глаза, я опять вижу мечущиеся по потолку языки пламени из моих снов — «пальцы ангела», как называют их пожарные. Клубящийся дым покрывается рябью, словно поверхность моря, непосредственно перед тем, как второй этаж обрушивается, разбрасывая множество искр, при этом сразу вспыхивает все легковоспламеняющееся, и уютный дом превращается в конвекционную печь.

А Ресслер продолжает, не заметив, слава богу, моих треволнений.

— Источник возгорания находился в главной спальне, — говорит он. — Но будьте осторожны, потому что здесь все полыхало, и хотя огонь не осилил подпирающие балки, мне не хотелось бы, чтобы конструкции повредились вследствие того, что сотрудник ФБР провалится сквозь пол.

Он смеется — быстрое «ха-ха-ха», — чтобы подчеркнуть, что он шутит. Впрочем, я не уверена, что это и в самом деле всего лишь шутка.

Мы заходим в спальню. «Это спальня Джоэль, а не Марты», — мысленно напоминаю я себе и делаю глубокий вдох. Кровать — а точнее, то, что от нее осталось, — находится прямо напротив двери. Это не так уж необычно, но чтобы многие люди располагали кровать в своей спальне именно так — этого тоже не скажешь... Джоэль и Марта как будто прочли один и тот же журнал, посвященный интерьеру жилых помещений, и выбрали в нем одну и ту же компоновку спальни. Однако когда я в последний раз приезжала к Марте, ее спальня была обставлена совсем не так. Она переставила мебель незадолго до того, как погибла. По крайней мере, я так раньше думала.

Я вижу в этой спальне огромный матрас и прикроватный столик (точнее говоря, то, что от них осталось). У окна — мягкое кресло для чтения, несомненно, набитое чем-то легковоспламеняющимся, как и удобные декоративные подушки и пледы. Неровные кучки влажного пепла, которые, наверное, были стопками книг.

В потолке зияет дыра, которую пожарные проделали для того, чтобы не произошло взрыва из-за скопления дыма внутри дома. «Жаль, что не было дождя, — думаю я. — При пожаре в доме Марты шел дождь, причем даже в Аризоне и даже в январе».

Мы, все четверо, начинаем осмотр места происшествия. Тело Джоэль, конечно же, уже давно забрали, но нам известно, что ее останки были обнаружены на левой части сгоревшей кровати. На фотографиях я видела, что ее тело скрючилось в характерной позе жертвы пожара — ноги загнуты назад, запястья — вовнутрь, руки согнуты. Все это было вызвано, как мне известно, высыханием из-за жара мышц и сухожилий, которые тянули кости, как тянут ниточки, привязанные к конечностям кукол-марионеток.

Очертания обугливания — там, где они просматриваются, — имеют форму узких букв V как раз рядом с окном. Заканчиваются они возле пола среди почерневших остатков стола, на который Ресслер указал нам как на источник воспламенения. Ковер расплавился и почти полностью сгорел, хотя в некоторых местах, в его дальних уголках сохранился первоначальный цвет.

После двух часов обследования буквально каждого дюйма этой комнаты мы все стали пахнуть, как кремационные печи. Мы не нашли ни малейших признаков ни какого-либо катализатора, ни умышленного поджога, послужившего причиной пожара и гибели Джоэль Свэнсон. Лейтенант Ресслер и полицейское управление Лайла имели все основания прийти к тому выводу, к какому они пришли.

Но теперь я еще больше уверена в том, что это дело рук нашего субъекта.

— Итак, нам известно следующее... — говорю я своей группе, когда мы садимся в конференц-зале в чикагском отделении ФБР. — Во-первых, была свеча, которая, вероятно, стала причиной пожара тем или иным образом. Во-вторых, огонь очень быстро распространялся по шторам, а затем и по комнате, пока всю ее не охватило пламя. В-третьих, в доме имелась пожарная сигнализация, но в момент пожара она не была включена. В-четвертых, было открыто окно во второй спальне, расположенной напротив спальни Джоэль, по другую сторону коридора. В те сутки, в которые произошел пожар, оно в половине второго ночи было открыто на восемьдесят два градуса, и была включена централизованная система кондиционирования дома. То есть кондиционер работал, но она оставила окно открытым. В-пятых, нам не удалось найти в этом доме больше ни одной другой свечи. Джоэль, похоже, крайне редко пользовалась свечами. В-шестых, очень мало пятен копоти на неразбитых окнах и других стеклянных поверхностях, тогда как очертания обугливания свидетельствуют об очень жарком и быстрогорящем огне. Как правило, это говорит о том, что имело место использование катализаторов. Однако мы не обнаружили признаков каких-либо катализаторов ни возле источника воспламенения, ни где-либо еще. В-седьмых, так называемый треугольник пожара. Огню, чтобы гореть, нужны кислород, топливо и источник воспламенения. По всей комнате лежали книги, многие из которых были открыты, а на полу валялись какие-то бумаги. Вот вам и топливо. На столе, рядом со шторами, была оставлена горящая свеча — вот вам и источник воспламенения. А еще было открыто окно в комнате напротив — вот вам и кислород. Более того, поток воздуха, затягиваемого в дом через это окно, доходил до стены, расположенной напротив двери — то есть как раз туда, где было обнаружено тело госпожи Свэнсон, лежащее на кровати. И поскольку огонь всегда горит жарче всего там, где имеется вентиляция, тело госпожи Свэнсон, получается, находилось в эпицентре пожара и почти полностью сгорело за относительно короткий промежуток времени. Сгорали и ее кожа, и слои жира, и значительная часть ее мышц. В-восьмых, специальная группа полицейских округа Дупейдж, занимающаяся поджогами, вызвана не была. Следовательно пришел к выводу, что пожар начался случайно, в деле поставили точку, и местные правоохранительные органы совсем не заинтересованы в том, чтобы снова открыть данное дело. Аутопсия проводиться не будет, если мы не сможем убедить кого-нибудь в том, что имеются серьезные основания ее провести. Или если мы не перетянем проведение данного расследования на себя. В-девятых, насчитывается пятьдесят три других пожара, которые схожи с данным пожаром почти по всем перечисленным признакам. Поскольку мои возможности в последние несколько месяцев были ограничены, я не смогла установить, каково расположение кроватей в каждой из прочих пятидесяти трех спален, но мне удалось получить сведения по восемнадцати из них. И все эти сведения... идентичны.

Я смотрю на Букса, буквально сверля его взглядом, и он понимает, что это распространяется и на пожар, произошедший в Пеории.

Софи решает высказаться:

— Я думаю, тот факт, что все эти люди передвигали мебель так, что она оказалась расставлена одинаково во всех спальнях, а затем погибали в огне, может быть основанием для проведения аутопсии некоторых тел. А вы так не думаете?

Возможно, Софи не так уж и плоха. Она понравилась бы мне еще больше, если бы прибавила фунтов тридцать веса и если бы у нее на лице появились угри.

— С этого и начнем, — говорит Букс. — Давайте выясним, как именно стояли кровати в спальнях. Давайте закончим работу, которую начала Эмми.

Я киваю Буксу.

— И времени у нас мало, ребята, — говорю я. — Потому что через два дня будет День труда, и если наш субъект не потерял форму, он скоро опять возьмется за дело и начнет убивать по два человека в неделю.

Добрый вечер, класс. Сегодня я не буду отвечать на вопросы, задаваемые слушателями. Я хочу сказать несколько слов о лжи — ключевом ингредиенте в палитре любого уважаемого художника. Ложь завораживает, потому что она обнажает парадоксы нашего общества.

Что такое ложь? Это искажение действительности, выдаваемое за действительность. Мы говорим, что это нечто плохое. Мы говорим детям, что лгать нельзя. Мы даже за ложь сажаем людей в тюрьму. Тем не менее нас везде окружает ложь, и в половине случаев мы даже и не пытаемся разоблачить ее.

Помните телевизионный рекламный ролик, где изображается семья, все члены которой — от мала до велика — энергично запикивают картофель фри и гамбургеры себе в рот, и на них при этом смотрит забавный клоун? Мы все знаем, что это актеры, которым платят за то, чтобы они изображали семью, любящую развлекаться. Но это для них отнюдь не развлечение. Им, возможно, пришлось сделать пару десятков дублей данной сцены, и все это уже надоело им до тошноты, а потому меньше всего на свете им хочется запикинуть еще несколько ломтиков картофеля фри себе в рот. А толстые и ужасно аппетитные гамбургеры в данной рекламе — это что, те самые гамбургеры, которые вам дают, когда вы приходите в какой-нибудь ресторанчик? Ничего подобного! Тут все обман, и мы знаем это, но нам наплевать.

Женщины носят одежду, которая скрывает их недостатки. Мужчины втягивают свой выпирающий живот, когда рядом с ними оказываются красивые женщины. Офисные работники перестают раскладывать на экране своего компьютера пасьянсы, когда в комнату заходит их начальник, и делают вид, что работают. Ложь, ложь, ложь.

Вас учат не называть толстого толстым, а глупого глупым. «Это невежливо, — поучаем мы наших детей. — Не говорите правду, если она может кого-то обидеть». Такая ложь считается приемлемой и, более того, желательной.

Я, прошу иметь в виду, не жалею, а просто комментирую. Это дает мне понимание существующего положения вещей. И каким бы ни было существующее положение вещей, смиришься с ним! Потому что если все другие люди лгут, то и вам лучше делать то же самое, а иначе придется плыть против течения, и вас начнет швырять туда-сюда. А вам ведь не хочется, чтобы вас швыряло туда-сюда, не так ли?

Как вы и сами можете догадаться, я — искусный лжец. А как еще мне убедить всех этих ничего не подозревающих людей пустить меня в их жизни и — как правило — в их дома? Лгать нетрудно, а вот умело лгать — как раз наоборот. Представляю вашему вниманию «Справочник Грэма по лжи».

Первое: лгите не больше, чем это необходимо. Почему? Потому что на протяжении всего времени общения со своей будущей жертвой — будь то два часа или две недели — вам придется жить с этой ложью. Если вы, желая подобраться поближе к какому-нибудь человеку, который является курильщиком, говорите, что вы тоже курите (что, кстати, зачастую срывается, ибо между потребителями табака существует своего рода духовное

братство), тогда вам лучше быть готовым время от времени закуривать. Лично я, прибегая к такой уловке, просто заявляю, что я раньше курил, но уже *бросил*, и что я, конечно же, люблю курить и, возможно, в виде исключения сейчас возьму и покурю. Благодаря такой хитрости мне легче сблизиться со своей будущей жертвой, но при этом у меня будет оправдание того, что я не курю, если мне придется общаться с ней довольно долго.

Второе: не используйте в своей лжи конкретики больше, чем это необходимо. Расплывчатость обеспечит вам пространство для маневра.

Позвольте мне привести вам пример того, о чем я сейчас рассуждаю. Помните парня, которого звали Кёртис Валентайн? Я нашел его без труда, потому что он занимается разработкой и оптимизацией веб-сайтов, сидя у себя дома в городе Шампейн. У него есть страничка в «Фейсбуке». Чтобы проникнуть в его дом, я соврал ему два раза:

1) сказал, что собираюсь заняться бизнесом в сфере консалтинга, и для этого мне нужен веб-сайт;

2) сказал, что уже нанимал кое-кого, но меня обманули и в результате попросту выудили у меня определенную сумму.

Я не смог бы договориться о встрече с Кёртисом, если бы не нуждался в его услугах, а потому я решил соврать про консалтинговую компанию. Однако я сказал, что еще только *создаю* такую компанию, что ее пока не существует, и поэтому у Кёртиса не возникло бы подозрений, если бы он попытался найти сведения о моей компании в интернете и не нашел бы ничего.

Зачем была нужна вторая ложь? Для этого было несколько причин. Большинство разработчиков веб-сайтов никогда не встречаются со своими клиентами — они всего лишь общаются по телефону или посредством электронной почты. Но если меня кто-то когда-то надул, то, значит, вполне объяснимо мое желание познакомиться с разработчиком лично, чтобы убедиться, что он и в самом деле способен выполнить мой заказ. Кроме того, это позволило бы мне уклоняться от ответов, если бы он стал задавать вопросы типа «А каким видом консалтинга вы будете заниматься?» Это совсем не тот вопрос, на который я захотел бы отвечать, потому что, если бы я сказал, что я инженер-механик или частный детектив, могло бы выясниться, что Кёртис изучал машиностроение в колледже или что его лучший друг или брат является частным детективом, и тогда мне потребовалось бы продемонстрировать кое-какие знания в области машиностроения или частного сыска. Но при помощи лжи номер два я мог просто заявить, что предпочитаю ничего не рассказывать до того, как мы с ним заключим договор. Я сказал бы, что, поскольку меня уже обманывали, я до поры до времени буду держать язык за зубами. В общем, что-нибудь в этом роде.

Я лгал не больше, чем это было необходимо, и вообще старался говорить поменьше. Пара кружек пива в баре, Кёртис разглагольствует о том, насколько он может увеличить потенциал моего бизнеса, я делаю вид, что меня это впечатляет, но держусь нарочито настороженно, как уже обманутый, и тогда он предлагает пойти к нему домой, чтобы я мог увидеть оборудование и образцы его творений своими собственными глазами.

Есть вопросы? Нет? Хорошо. На этом занятие заканчивается. Но не уходите — прямо за углом нас ждет немало развлечений!

Двери здания ФБР на Рузвельт-роуд в Чикаго никогда не закрываются на замок, потому что ФБР, в общем-то, не прерывает своей работы. Но сегодня День труда, и время уже позднее, поэтому в здании довольно пустынно. На восьмом этаже, где нам временно выделили помещения, вообще ни души.

Члены нашей группы, состоящей из четырех человек, считают, что время для нас — огромная ценность (по крайней мере так считаю я), и прилагают все усилия для того, чтобы хоть как-то продвигать расследование, но мы ведь приехали сюда в субботу, первый день трехдневного уик-энда, а потому по-настоящему рабочих дней у нас здесь пока что не было. Тем не менее мы пытаемся решать вопросы с конкретными людьми: звоним шерифам округов и прочим местным полицейским во всех юрисдикциях, где наш субъект совершал убийства, и просим их извлечь из архива материалы о том или ином — «произошедшем случайно» — пожаре, чтобы они могли сообщить нам, как именно стояла кровать в комнате, в которой была найдена жертва. Иногда бывает так, что на месте недавно потушенного пожара присутствуют представители страховых компаний, и они зачастую делают больше фотографий места происшествия, чем полицейские, потому что речь идет о деньгах их компании, и в таких случаях мы заранее пытаемся выяснить, как с ними связаться в первый рабочий день после уик-энда.

Хорошая новость заключается в том, что у компьютеров не существует деления на рабочее и нерабочее время, а потому мы с Софи — два аналитика — напряженно рыщем по интернету, выискивая сведения, которые позволили бы нам выявить стиль преступной деятельности. Нам известно (если в данный момент будет уместно сказать, что нам что-то известно), что наш субъект выбирает своими жертвами людей, которые живут в одиночестве, и что каждая из этих жертв пользуется в той или иной степени социальными сетями — такими как «Фейсбук», «Твиттер», «Линкедин» и так далее. Но должно же быть что-нибудь еще! Этим людям должно что-то связывать. Никто не действует исключительно наугад.

В семь часов я встаю со стула, чтобы размять ноги, и заглядываю в помещение, которое находится по соседству, — там расположился Букс. «Спасибо, шериф, буду вам очень признателен, — говорит он, закатывая глаза после того, как замечает меня. — Звоните мне в любое время суток. И вам желаю спокойной ночи».

Он кладет телефонную трубку и морщится. Букс в течение некоторого времени звонил по телефону руководителям различных местных правоохранительных органов и пытался убедить их возобновить расследование интересующих нас пожаров или же, по крайней мере, провести аутопсию. Проблема заключается в том, что, даже если местная полиция передаст эти расследования ФБР, все жертвы таких пожаров уже похоронены, а потому, чтобы добиться проведения аутопсии, сначала придется обратиться в суд с ходатайством о проведении эксгумации.

— Он сказал, что поговорит с родственниками насчет эксгумации, — сообщает мне Букс.

— Тебе не нужно согласие родственников.

Он кивает.

— Да, но лучше его получить, потому что иначе придется обращаться в суд. Как бы то ни было, я думаю, что каждый из этих шерифов попросту ищет причину для того, чтобы нам

отказать. — Он громко вздыхает. — Эмми, эти полицейские управления уже закрыли дела, причем в некоторых случаях несколько месяцев назад. Если мы хотим добиться проведения аутопсии, нам придется обращаться в местный суд каждой из этих юрисдикций с ходатайством о вскрытии могилы. И это при условии, что местный федеральный прокурор захочет нас поддержать, а добиться его поддержки не так уж просто.

— Ну что ж, попытаемся.

— Хорошо, но ты хоть представляешь, сколько времени это займет? Не менее нескольких недель. А Дикинсон не дал нам для этого достаточного количества людей.

— Ты можешь добиться, чтобы нам выделили еще нескольких сотрудников?

— Это же замкнутый круг, милая моя.

— Да, верно, — соглашаюсь я.

Мы не можем получить в свое распоряжение сотрудников, пока не предъявим Дикинсону убедительных улик. Но мы, однако, не сможем найти такие улики, если нам не выделят еще несколько сотрудников.

А наш субъект тем временем продолжает убивать.

И именно поэтому я уделяю очень много внимания двум последним смертям, а именно смерти Джоэль Свэнсон из Лайла, штат Иллинойс, и смерти Кёртиса Валентайна и Шампейна, также Иллинойс. Мы не ездили на место происшествия в Шампейн, но один тамошний детектив вместе с местной полицией согласился снять на видеокамеру весь дом и прислать мне видеозапись по электронной почте. Дома, в которых жили эти двое, отличались друг от друга по конструкции, но во всем остальном обстоятельства смерти Кёртиса Валентайна и Джоэль Свэнсон удивительно похожи: пожар начался в спальне; жертва была обнаружена мертвой там же; вероятным источником воспламенения была свеча; характерные очертания обугливания и то, что мало пятен от дыма, свидетельствуют о том, что огонь распространялся очень быстро, хотя никаких катализаторов найдено не было; в обоих случаях кровати стояли как раз напротив двери спальни.

Да уж, наш субъект обладает незаурядным умом. Вынуждена признать, что даже я пришла бы к выводу, что пожар начался случайно, если бы натолкнулась только на один такой случай. Никому из этих следователей не известно, что пожары такого же типа в последнее время происходят по всей стране.

— Ты выглядишь очень уставшей, Эм, — говорит Букс.

— Я и в самом деле сильно устала.

— Давай соберем всех наших и закажем чего-нибудь поесть в баре отеля, — предлагает он.

Я вздыхаю.

— Надеюсь, что, если сменим обстановку, оторвемся от телефонов и компьютеров и просто поговорим, кому-то из нас может прийти в голову какая-нибудь идея.

Возможно, именно в этом и заключается проблема. Возможно, нам нужно немного передохнуть и затем попытаться всем вместе посмотреть на все это под другим углом. Возможно, мы не видим за деревьями леса.

Я снова перевожу взгляд на Букса. Он улыбается.

— Что? — спрашиваю я.

— Ты только в том случае пойдешь с нами ужинать, если мы согласимся поговорить за ужином об этом деле, да?

Я вскидываю руки:

— А что, есть что-то еще, о чем можно поговорить?

Он пожимает плечами.

— Мы могли бы поговорить о футбольной команде «Канзас-Сити Чифс», — предлагает он. — Она начинает свой игровой сезон в этот уик-энд.

Букс — фанатичный футбольный болельщик. Это один-единственный его недостаток.

— Ну ладно, — Букс поднимает руки в знак того, что сдается. — Мы будем говорить о данном деле. Может, нам и придет в голову какая-нибудь идея.

Наша маленькая группа заходит в бистро, находящееся в отеле «Чикаго Марриотт», в котором мы поселились. Это бистро называется «Уголок жуликов», и оно с самого начала вызвало восторг у Букса, потому что там подают бочковое пиво из здешних небольших пивоварен. Букс всегда любил лакомиться местными блюдами и напитками, когда ездил куда-нибудь в командировку (а в его бытность агентом ФБР это происходило довольно часто).

Бистро тускло освещено. Сиденья здесь из темного дуба, на них желтые подушки, пол тоже из очень твердой древесины. Вдоль стен тянутся отдельные кабинки, а перед длинной стойкой бара расставлены в произвольном порядке столы. На экранах телевизоров, прикрепленных к стенам, транслируется футбол. Букс заказывает «Домен Ду-Пейдж», не зная толком, что это такое (думаю, что это пиво, и вдруг вспоминаю, что «Ду-Пейдж» — это название округа, в котором была убита Джоэль Свэнсон). Денни заказывает какой-то прохладительный напиток, а Софи — ягодный мохито.

Все рады тому, что наконец-то поедят. Букс отдает предпочтение гамбургеру, Денни решает съесть бутерброд «Клаб сэндвич», я заказываю французский луковый суп, а Софи выбирает себе грушу и салат с орехами пекан. Интересно, а хорошенькие молодые женщины все генетически запрограммированы заказывать себе напитки с фруктовым вкусом и довольствоваться кроличьей пищей вроде салатов с нежирной приправой из уксуса и оливкового масла? Неужели Софи не может как-то порвать с этим стереотипом хотя бы сейчас? Неужели она не может выпить здесь, в бистро, кружку пива «Гиннесс» и налопаться начос,^[15] да так, чтобы соус капал с подбородка?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вышеупомянутая Софи, я замечаю, сидит за нашим квадратным столом рядом с Буксом, причем она придвинула свой стул поближе к нему. Она ловит каждое его слово, а он развлекает нас всех, рассказывая об опаснейших ситуациях, в которых ему доводилось оказываться. У специальных агентов всегда много захватывающих историй про их подвиги — историй, где фигурируют изворотливые свидетели преступления и харизматические преступники, которых они, несмотря на досадные промахи, в конце концов поймали. Я уже слышала большинство из этих его рассказов. Мой любимый из них — о том, как лет десять тому назад Букс помогал федеральным маршалам^[16] ловить сбежавшего преступника. Он вломился через входную дверь в один дом в штате Мэриленд, случайно зацепился за тяжелую вешалку и упал на пол без сознания после того, как эта вешалка долбанула его по голове. Другим агентам, чтобы попасть внутрь дома, пришлось через него, Букса, перебираться. Позднее они в шутку говорили ему, что он, по крайней мере, неплохо блокировал выход из дома, чтобы преступник не смог из него выбежать.

Софи спрашивает его:

— А вы когда-нибудь выслеживали серийного убийцу?

— О-о, — говорит он и делает резкий выдох. — Да, я проводил несколько расследований такого рода.

Он как раз занимался одним из них, когда я разорвала нашу помолвку. Он поймал убийцу, за которым охотился, а затем уволился из ФБР. Этим убийцей был некто Реджинальд Трейгер, который изнасиловал и прикончил несколько молодых женщин в

Портленде. Преступник каждый раз отрезал жертве голову.

— Фредди Мачете, — говорю я, так как знаю, что Букс этого не скажет.

Денни Сассер касается пальцами своего подбородка.

— Вы занимались делом Фредди Мачете?

— Это было вовсе не так впечатляюще, как представляется, поверьте мне.

Хотя Букс и любит рассказывать о различных эпизодах своей жизни, при этом он обычно изображает себя в комических ситуациях. Букс не из тех, кто станет хвастаться своими достижениями. Это одна из его черт, которую я сразу отметила, когда мы впервые встретились с ним четыре года назад. Он определил стиль деятельности шайки преступников, занимающихся ограблением банков в штате Виргиния, причем с такой точностью, что, когда эти преступники явились грабить Федеральный кредитный союз в Арлингтоне, его группа уже ждала их там. Все аналитики в этой группе знали, что поймать и разоблачить шайку удалось исключительно благодаря умственным способностям Букса, однако он заявил, что это заслуга всей группы, и даже обошел весь офис и оставил на столе каждого аналитика открытку, в которой благодарил всех за оказанную помощь и отмечал индивидуальные заслуги каждого из них. Аналитикам такие поступки запоминаются надолго, поскольку большинство специальных агентов забывают о нас сразу же после того, как им удается разгадать — при нашей помощи — возникшие в ходе расследования загадки.

Реджинальд Трейгер, названный портлендской прессой Фредди Мачете, был безработным маляром, который, лишившись своей квартиры в результате утраты им права выкупа заложенного недвижимого имущества, похоже, не на шутку озлобился. Он начал зверствовать, и его жертвами стали пять или шесть человек — я не помню точную цифру. Впоследствии выяснилось, что у него уже давно не все в порядке с психикой и что он уже привлекался к уголовной ответственности за попытку изнасилования.

— Он придумал себе такое прозвище сам? — спрашивает Софи. — Он оставлял какие-нибудь записки или что-нибудь в этом роде? Он хотел прославиться?

Я не могу понять, флиртует она с Буксом или же это у нее профессиональный интерес, в силу которого она пытается впитывать, как губка, весь опыт и всю мудрость других людей, с которыми ей доводится общаться. У меня, впрочем, возникает и другой вопрос: а какое мне до этого дело?

Букс качает головой.

— Реджи Трейгер даже и не думал оставлять какие-либо записки и вовсе не стремился к славе. Он был душевнобольным — эдакий классический сексуальный психопат-садист. Он избивал женщин, отрезал им голову и совершал половые акты с этими женщинами.

Софи удивленно поднимает брови:

— Именно в такой последовательности?

— Да, именно в такой. Он совершал половые акты с обезглавленными телами. Этот тип был настоящим монстром.

— Каким именно образом он совершал половые акты, рассказывать не надо, — говорит Софи. — Я этого знать не хочу.

— Да уж, вам это знать совсем не нужно.

А я вот знаю. Я, наверное, единственный человек, кто это знает, если не считать членов группы, поймавших этого монстра. Подробности преступной деятельности Реджи Трейгера не разглашались, и, более того, суд над ним еще не состоялся, а потому информация о его преступлениях пока не подлежит разглашению.

Половой акт был вагинального характера. Но он не использовал при этом свой половой член. Он использовал мачете. Клинок мачете проходил сквозь матку и толстую кишку и выходил наружу между ягодицами. Единственным небольшим утешением было то, что эти женщины к тому моменту были уже мертвыми и даже обезглавленными.

Букс делает глоток из своей полулитровой кружки с пивом цвета карамели. Судя по всему, он не может сейчас отказать себе в удовольствии быть в центре внимания. Я его в этом не виню. Если вы собрались уволиться из ФБР, то это уголовное дело очень подходит для того, чтобы стать последним в вашей карьере фэбээровца.

Я делаю большой глоток воды, поскольку мне сейчас не до алкоголя, и позволяю Буксу еще минутку наслаждаться всеобщим вниманием. Однако ему, похоже, это уже надоело, и когда я бросаю взгляд в его сторону, то замечаю, что он посматривает на меня.

— Эмми хочет поговорить о деле, которым мы сейчас занимаемся, — говорит он. — Итак, с чего начнем?

— С психологического портрета преступника, — говорю я. — Мне хочется услышать, какой психологический портрет нашего субъекта ты составил.

Букс причмокивает, сделав еще один глоток из кружки.

— Я пока не могу составить никакого психологического портрета, — говорит он, и я слышу эти слова уж в который раз. Под словосочетанием «в который раз» я подразумеваю каждый божий день с того момента, как я привлекла его к этому делу. Он поворачивается к Софи, играющей роль ученицы. — Прежде чем вы сможете составить некий психологический портрет, вам, конечно же, сначала необходимо как-то квалифицировать совершенное...

— ...преступление, — подхватываю я. — Слушай, Букс, давай считать, что это были убийства. Убийства, замаскированные под поджог. Так все-таки: какой же психологический портрет ты составил? Я знаю, что он у тебя уже есть.

Взглянув на меня, он пожимает плечами и снова поворачивается к Софи.

— Составление психологических портретов преступников — это искусство, а не наука, — говорит он. — Тут не получается просто ввести данные о преступнике в какое-нибудь умное электронное устройство и вскоре получить готовый психологический портрет. Вам необходимо тщательно проанализировать все данные о месте совершения преступления и, если есть такая возможность, побеседовать с пострадавшими — то есть сделать то, чего мы в данном случае не делали. И даже *после этого* вам может понадобиться немало времени для составления объективного психологического портрета преступника.

— А вы были далеко от составления объективного психологического портрета, когда пытались поймать Реджи Трейгера — Фредди Мачете? — спрашивает Софи чуть ли не воркующим голосом.

Если она будет стараться сблизиться с Буксом, я, возможно, найду себе мачете.

— Знаете, а это хороший пример, Софи, — говорит Букс с таким видом, как будто собирается сейчас погладить ее по голове. Он не слепой. Ему вполне может нравиться эта женщина, похожая на куклу Барби, и он не может не заметить, *как* она смотрит на него. — У нас была возможность тщательно осмотреть места совершения преступлений и самих жертв. Нам стало ясно, что он, можно сказать, и не планировал свои преступления: он не проявлял ни осторожности, ни логики в выборе жертв и не пытался скрывать следы преступлений или хотя бы совершать их в разных местах. Его жертвы были зверски изувечены, изнасилованы и обезглавлены. Они все были белые, в возрасте двадцати с лишним лет, блондинки. Исходя из этого, мы составили психологический портрет преступника. Мы решили, что он — классический неорганизованный убийца с расстройством психики. Белый мужчина в возрасте двадцати или тридцати с лишним лет. Социально пассивный. У него нет друзей, он не общается с соседями и не проявляет интереса ни к каким видам социальной активности. С детства его воспитывали в строгости и сурово наказывали, и делала это, возможно, его мать. Среднюю школу он, вероятно, не окончил. У него нет сколько-нибудь значимых отношений с женщинами. Вполне возможно, что он импотент. Он либо безработный, либо занимается физическим трудом. Недавно пережил какой-то сильный стресс — например, вызванный принудительным увольнением с работы или разрывом отношений с женщиной. У него имеется тяга к насилию над женщинами, и он не в состоянии с ней совладать. Он живет, скорее всего, в радиусе одной мили от своих жертв. И зовут его, возможно, совсем не Фредди.

Софи улыбается ему своей самой широкой улыбкой. Ох уж этот Букс — что-то он стал слишком словоохотливым.

— Почему вы решили, что он живет так близко от своих жертв? — спрашивает Софи.

— Неорганизованные убийцы обычно никуда не ездят на автомобилях. Уж слишком глубоко они погружены в свои фантазии. С ними не бывает такого, чтобы они тщательно выбрали жертву, подъехали к ее дому на автомобиле, совершили преступление и затем тихонько уехали домой. Нет, они действуют исключительно импульсивно.

— Ага, понятно. — Софи зачарованно смотрит на своего учителя. — И в чем же вы ошиблись?

— Ну, во-первых, он брал с собой оружие убийства. Большинство неорганизованных убийц используют то, что попадает под руку: они не планируют, что пойдут куда-то с оружием и кого-то прикончат. А вот Реджи носил мачете под своим длинным черным плащом и забирал его с собой после каждого убийства. Кроме того, он хранил кое-что на память о каждой жертве. Такое поведение нехарактерно для неорганизованных убийц, поскольку они обычно просто совершают преступление и дают деру. Однако самое существенное заключается в том, — продолжает Букс, — что его последняя жертва была вовсе не случайной. Его последней жертвой была та самая женщина, на которую он напал несколькими годами раньше, за что и был обвинен в попытке изнасилования. Значит, он явно спланировал свое последнее преступление. По правде говоря, те признаки, которые отличали его от типичного неорганизованного убийцы, и дали нам возможность его поймать. После того как было совершено нападение на последнюю жертву, самая обычная проверка фактов, имевших место в прошлом, вывела нас на человека, который нападал на нее раньше и который жил всего лишь через семь домов от нее. Как только мы его арестовали, обнаружили у него и мачете, и все те сувениры.

— А что это были за сувениры? — спрашивает Софи, снова расплываясь в лучезарной улыбке.

— Вот это вам тоже знать нежелательно, — говорит Букс.

— А я хочу знать. Расскажите.

— Он забирал их языки, — говорю я. — Он отрезал их и хранил в обувной коробке под своей кроватью.

По-видимому, аппетит у нее теперь пропал. А ведь она еще не съела свой салат.

— Как бы то ни было, — говорит Букс, прокашлявшись, — моя главная мысль заключается в том, что мы поймали Реджи Трейгера вовсе не потому, что составили идеальный психологический портрет этого преступника. Нам просто повезло. Он совершил большую ошибку, снова напав на одну из своих жертв. С таким же успехом он мог бы прислать нам приглашение на почтовой открытке.

— Это вовсе не означает, что от психологических портретов нет никакого толка, — говорю я. — И это не означает, что у тебя еще нет психологического портрета нашего субъекта.

— У меня его нет, Эмми. Мне необходимо собрать больше информации.

— Тогда поведай мне хотя бы об одной характерной особенности нашего субъекта, Букс, — прошу я. — Всего лишь об одной. И не говори, что он высокоорганизованный, потому что, я думаю, это мы все и так понимаем.

Букс растерянно качает головой.

— Всего лишь одна особенность, — не унимаюсь я.

— Он совершенствуется, — говорит Букс. — Организованные убийцы совершенствуют свои методы и оттачивают свое мастерство с каждым новым убийством. Наш субъект, пожалуй, всегда действовал довольно умело. Но если он существует на самом деле, то есть если на самом деле существует некий человек, который совершает убийства в различных населенных пунктах, устраивает при этом пожары и делает это так, чтобы пожары выглядели возникшими случайно, то тогда он превратил это свое, так сказать, хобби в хорошо отлаженный механизм. — Букс громко выдыхает. — Он не станет сдавать нам самого себя так, как это сделал Реджи Трейгер, — говорит Букс. — Конечно же, мы должны как следует поработать, но при этом нам еще необходимо везение.

— О господи! — говорю я, отодвигая свой стул от стола. — Ты прав, Букс.

— В чем я прав? Тебя вдохновили мои слова о том, что нам понадобится везение? Ну да, я знал, что я хорош, но чтобы до *такой* степени...

Я уже вышла из-за стола. Я быстро шагаю, иногда переходя на бег, пока не останавливаю первое подвернувшееся такси.

Я снова сижу в здании на Рузвельт-роуд, стучу пальцами по клавиатуре и просматриваю собранные данные, когда в офис заглядывает Букс.

— Эмми, ты всегда склонна все драматизировать, — говорит он. — Ну какая муха тебя укусила? Ну что такого я сказал? Я ведь просто отметил, что наш субъект совершенствуется.

— Это все, что тебе нужно было сказать.

Мой взгляд устремляется к большой карте Соединенных Штатов. На ней уже насчитывается пятьдесят пять звездочек, обозначающих те места, в которых произошли пожары. Тридцать две из них — красные. Они символизируют серию пожаров, начавшуюся около года назад и закончившуюся в начале января тем пожаром, в результате которого погибла Марта.

— Где произошел первый пожар? — спрашиваю я.

— Первый?.. Не уверен, что помню, — признается он.

Эти сведения не запечатлелись у него в мозгу так, как у меня.

— Атлантик-Бич, штат Флорида, — говорю я. — Восьмое сентября две тысячи одиннадцатого года. Это был первый эпизод активной преступной деятельности нашего субъекта по всей стране, которая началась в сентябре и закончилась в январе. Затем он вернулся на Средний Запад.

— Ну и что? — говорит Букс.

— Скажи, а мы уверены, что это и в самом деле было его первое убийство?

— Нет, не уверены, — соглашается Букс. — Но ты ведь анализировала информацию, относящуюся к более ранним периодам, и не обнаружила сведений о каких-либо пожарах, которые соответствовали бы известным нам характерным признакам. Одна-единственная жертва, обнаруженная возле места воспламенения в спальне, вроде бы случайно начавшийся пожар...

— Именно так, — говорю я. — Пожар, начавшийся случайно. Ничего из того, что не было признано возникшим случайно, я не анализировала. Я такое попросту пропускала. Потому что оно не соответствовало стилю совершаемых нашим субъектом преступлений.

— Ну и что дальше?

Я все еще стучу пальцами по клавиатуре, роясь в Национальной системе учета происшествий — базе данных, к которой я еще совсем недавно не имела доступа, поскольку была отстранена от работы. Тогда я рыскала по интернету, сидя дома. Сведения едва ли не прыгают на меня прямо с экрана. Мне нужно быть осторожной и не спешить. Когда информации очень много, это похоже на тысячу отдельных кусочков одного огромного пазла, который мне нужно сложить, чтобы получить интересующий меня ответ.

— Итак, — говорю я, — ты был прав, когда сказал, что он, по-видимому, совершенствуется. Возможно, он не был таким ловким в самом начале, когда только начинал карьеру серийного убийцы.

— Ага, понятно. Возможно, свой первый пожар он не подстроил так умело, как все последующие. Возможно, его первый пожар был классифицирован как *поджог*.

— Совершенно верно, Букс. Вот почему это замечательно, что у нас есть Национальная система учета происшествий, в которой собраны сведения о поджогах и подозрительных пожарах. Готова поспорить, что он что-нибудь напортачил, устраивая свой первый пожар. А

может, и не только первый.

— И ты что, собираешься охватить всю страну в поисках поджогов, совершенных до того пожара в городке Атлантик-Бич?

— Не всю страну. Мы полагаем, что он живет здесь, на Среднем Западе, верно? Поэтому я начинаю со Среднего Запада.

Букс молча сидит позади меня. Я в конце концов оглядываюсь на него.

— Это огромная работа, Эм. Даже если сузить сферу поиска до Среднего Запада придется обработать целую гору информации. Ты собираешься начать прямо сейчас? Уже одиннадцать часов.

— Я выплюсь на том свете, — говорю я. — Или когда мы поймем этого типа.

Я уже начала поиски, а Букс все еще стоит в дверном проеме.

— Что еще? — спрашиваю я.

— Мы... мы собирались пойти чего-нибудь выпить.

Я слышу, как в моем животе заурчало. В Буксе что-то изменилось. Раньше, когда он был штатным сотрудником ФБР и участвовал в охоте на преступника, когда время ценилось очень высоко и приходилось рисковать жизнью, самое последнее, за чем его можно было бы застать, — так это за распитием спиртных напитков. Он все время был как на иголках, все время размышлял, анализируя выявленные улики. Бывали случаи, когда мы находились рядом, когда он сидел со мной плечом к плечу или же по другую сторону стола за ужином, но мне казалось, что он где-то далеко и пытается найти путь внутрь головы какого-нибудь монстра, мысленно оспаривает выдвинутые предположения, снова и снова сопоставляет различные аспекты, смотрит на полученные им сведения то с одной, то с другой стороны, стараясь понять, меняется ли от этого общая картина. Мне вспоминается, как однажды мы с Буксом пошли в кинотеатр и я по какой-то причине повернулась к нему во время сеанса. По мере того как сцены на экране менялись, лицо Букса освещалось по-разному — то так, то эдак. Его глаза были широко раскрыты, они блестели, но я осознала, что, если бы можно было увидеть то, что они видят сейчас, стало бы ясно, что они вообще не смотрят на экран, а видят какое-то место преступления где-нибудь в Аламиде, Новом Орлеане или Терре-Хоте.

И вот теперь мы опять всю охотимся на преступника, а Букс хочет пойти чего-нибудь выпить. Нетрудно понять, *что* теперь изменилось.

«Мы собирались пойти чего-нибудь выпить», — сказал он. *Мы*. Но это «мы» не включает меня. И хотя я уже прониклась некоторой симпатией к Денни Сассеру, сомневаюсь, что его физическое состояние позволяет ему немного покутить в одиннадцать часов вечера.

«У Букса есть полное право поступать так, — напоминаю я себе. — Он — одинокий мужчина, а Софи — одинокая женщина... Ты его отвергла. Ты — последний человек на Земле, который в данной ситуации имеет право на какие-либо комментарии. И разве тебе нечем заняться? Разве ты здесь не для того, чтобы остановить убийцу, пусть даже только ты одна твердо уверена в том, что этот убийца действительно существует?»

— Ну, тогда вам следует пойти в какое-нибудь заведение, — говорю я, не прекращая стучать пальцами по клавиатуре. — А я буду продолжать заниматься вот этим.

— Ты уверена, что не хочешь пойти с нами? Или я мог бы остаться здесь с тобой...

— Нет, я поработаю одна, — отвечаю я. — Иногда мне даже лучше остаться одной: тогда я могу всецело отдаться работе.

На этот раз я говорю правду. Мне лучше, когда я остаюсь одна. В одиночестве я чувствую себя психологически комфортно. Одиночество — это мое привычное состояние. Цифры и статистические данные, стили преступной деятельности и перекрестные ссылки — вот и вся компания, в которой я нуждаюсь, когда идет охота на преступника.

Я поворачиваюсь и слушаю, как удаляются шаги Букса, идущего по коридору с ковровым покрытием, пока эти шаги не стихают. Затем я снова берусь за работу.

Добрый день всем. Я с удовольствием ем гамбургер — очень вкусный, конечно, — и целую тарелку картофеля фри, наблюдая за каким-то давнишним футбольным матчем по телеканалу И-эс-пи-эн. Я использую свой диктофон в качестве мнимого сотового телефона — как я всегда поступаю в общественных местах вроде этой таверны. Я не планировал проводить сегодня вечером с вами занятие, но, по мере того как я смотрел этот футбольный матч, мне как учителю пришли в голову кое-какие мысли.

Некоторое время я размышлял над тем, насколько мое мастерство похоже на мастерство куортербека.^[17] Знаю, знаю — при слове «куортербек» вы тут же представили одного из запечатленных на плакатах крепких парней вроде Пейтона Мэннинга или Тома Брэди^[18] и думаете: «Что, черт возьми, у них общего с таким артистичным убийцей, как Грэм?»

Кто угодно может играть в футбол в качестве куортербека кое-как — точно так же кто угодно может зарезать ножом пару человек, или нажать на спусковой крючок пистолета, или утопить кого-нибудь. А вот для того, чтобы быть безупречным, чтобы достичь совершенства, требуются самопожертвование, дисциплина, сдержанность и тщательная подготовка. Вам необходимо давить на самого себя, ругать самого себя, анализировать свои действия, признавать свои слабости и пытаться от них избавиться. Те слабости, от которых избавиться невозможно, вы должны минимизировать. Вам нужно составить план, который позволит использовать ваши сильные стороны и скрыть недостатки. Вам недостаточно просто хотеть одержать победу. Все, черт возьми, хотят одержать победу, но лишь очень немногие из нас действительно горят желанием *тщательно подготовиться* ради того, чтобы победить. Вы должны делать нечто трудное для вас, неприятное и болезненное.

Вам необходимо сегодня сделать то, чего никто другой не захочет делать, и тогда завтра вы сможете сделать то, чего другие сделать попросту не смогут.

Кроме того, конечно же, существует самая серьезная проверка мастерства куортербека — одибл.^[19] Отклонение от плана игры. Оценка сложившейся ситуации и принятие по ходу дела такого решения, которое кардинально изменит ситуацию. Именно так я сейчас и собираюсь поступить.

Так как я только что имел удовольствие увидеть Лютера. Лютер Фигли сидит лишь через два стула от меня у стойки бара в компании хорошенькой девчонки по имени Тэмми. Лютер явно не блещет ни интеллектом, ни широтой кругозора. Да и выглядит он далеко не блестяще. На нем серая футболка с надписью «Не трахайтесь с жителями Небраски» и мешковатые шорты. Но он пространно рассуждает со своей подружкой Тэмми о фундаментальных правилах футбола. Тэмми, похоже, не очень-то разбирается в этом виде спорта, а потому воспринимает все, что он ей говорит, как абсолютную истину. Однако такие осведомленные в этой игре парни, как я, осознают, что Лютер зачастую говорит ерунду.

Имейте в виду, что мое единственное изначальное намерение сегодня вечером заключалось в том, чтобы съесть в свое удовольствие гамбургер и посмотреть футбольный матч, поскольку я пока не занят следующим проектом. Я вообще ничего не замыслил по

отношению к Лютеру, или Тэмми, или кому-либо еще из тех, кто находится сейчас в этом баре. Однако хороший куортербек решает прибегнуть к одиблу, если ему предоставляется такая возможность. Когда корнербеки ^[20] действуют неуклюже и противник не обеспечивает глубокую оборону, куортербек резко меняет тактику и передает мяч таким образом, чтобы заработать тачдаун, ^[21] хотя изначально план у него был другой. Разве не так?

Ну конечно так! Кроме того, Лютер с Тэмми, возможно, уж слишком подходящие кандидатуры, чтобы я прошел мимо. Лютер — потому что он без умолку болтает о том, в чем разбирается отнюдь не так хорошо, как ему кажется, и потому что у него замечательные, большущие коленные чашечки, которые, наверное, очень чувствительны к прикосновению. Тэмми — потому что под рыжими локонами у нее милая кругленькая головка. А еще у нее зычный, гортанный голос, который будет звучать просто восхитительно, когда она станет о чем-то умолять.

Итак, одибл.

Мне уже пора, ребята. Пришло время стать общительным.

В кухне, где я сижу, — а дело происходит в городе Орора, штат Иллинойс, — так тихо, что можно услышать, как гудит холодильник и капает из крана в раковину вода. Гретхен Свэнсон — миниатюрная женщина с покатыми плечами, морщинистым лицом и копной белоснежных, как у Санта-Клауса, и тщательно причесанных вьющихся волос. Она всматривается через окно куда-то вдаль, за задний дворик площадью в четверть акра. Я не знаю, размышляет она над тем, что я ей только что сказала, или же думает о своей дочери, которая, возможно, когда-то каталась вон там на уже обветшавших подвесных качелях и раскачивалась на шине, которая все еще висит на большом дубе.

Кухня ярко освещена, но создается впечатление, что все здесь какое-то потемневшее — как будто гниль покрыла все в этом некогда кипевшем жизнью доме, придав яично-желтым стенам тускло-бежевый оттенок и превратив сияющее обаяние Гретхен в унылую сдержанность. Я помню, что испытывала подобные чувства после того, как погибла Марта. Мне тогда каждый красивый объект казался неуместным. «Как что-то *осмеливается* быть ярким и красивым, — думала я, — среди такой боли и таких страданий?! Как идущие по улице люди осмеливаются улыбаться и смеяться?! Как небо осмеливается быть таким изумительно голубым?!»

Я снова бросаю взгляд на кухонный стол и вздрагиваю при виде огромного таракана. Только резко отодвинув свой стул назад, я осознаю, что таракан этот ненастоящий. Это всего лишь безделушка, фарфоровая фигурка. Как кому-то могло прийти в голову приобрести себе фарфорового таракана?

— Извините, — говорит Гретхен. — Эта штучка у нас уже много лет. Джоэль ее обожала. Она... — Гретхен снова смотрит куда-то вдаль. — Когда она была ребенком, она слышала песенку «Кукарача».^[22] Вы знаете эту песенку? «Ла кукара-ча, ла кукара-ча»?

— Ну конечно знаю, — говорю я с улыбкой.

— Так вот, она как-то раз услышала ее по радио, когда была еще совсем маленькой — где-то в возрасте трех или четырех лет. Она начала танцевать и попыталась щелкать своими пальчиками в такт музыке. Ее маленькие светлые локоны разлетались во все стороны. — Гретхен позволяет себе улыбнуться. — После этого мой муж Эрл все время называл ее «моя маленькая кукарача». Она, будучи ребенком, не могла произнести это слово и поэтому говорила про саму себя, что она — его маленькая кукушечка.

Гретхен морщится при этом воспоминании — одновременно и приятном, и болезненном. Я стараюсь подавить свои собственные воспоминания о том, как через несколько часов после получения известия о гибели Марты мы вдвоем с мамой уже сидели в ожидании посадки в самолет в аэропорту Финикса. Наш рейс задерживался, и мама, нервничая, пила в баре аэропорта один бокал «Кровавой Мэри»^[23] за другим. Все это время, не веря в случившееся, я надеялась, что произошла какая-то ошибка, что кто-то что-то перепутал, что моя сестра уехала еще вчера и попросила кого-то переночевать в ее доме, чтобы присмотреть за ним, что обнаруженное в доме обгоревшее тело — это не ее тело, что мы подойдем к ее дому в Пеории и увидим, как Марта идет к нам в спортивном костюме и с рюкзаком, и она спросит: «А что это вы тут делаете? Что-то случилось?»

Я не осмеливаюсь сейчас даже пошевелиться — не говоря уже о том, чтобы погонять туда-сюда лед в стакане с лимонадом, стоящим передо мной. Я даже почти не дышу.

Гретхен закрывает глаза и тихонько качает головой — вполне адекватная реакция, судя по моему собственному опыту, на такое горе. Несчастье подобного рода настолько ужасное, настолько невообразимое, что любая попытка увидеть в произошедшем хотя бы какой-нибудь смысл обречена на провал. Можно лишь покачать головой и заплакать.

— Ну ладно, Эмми, — говорит она.

Я даже не вижу, как шевелятся ее губы.

Я закрываю глаза и молча молюсь. Затем пододвигаю к ней бумаги, которые попросила ее подписать, и подаю ручку. В знак благодарности крепко ее обнимаю и долго не размыкаю объятий, и у нас обеих на глаза наворачиваются слезы.

Выйдя на улицу, я достаю свой смартфон и звоню заместителю атторнея^[24] округа Ду-Пейдж. Я с ним уже общалась. Его фамилия Феллер.

— Мать Джоэль Свэнсон только что дала согласие на проведение эксгумации, — говорю я, тут же смутившись из-за того энтузиазма, который прозвучал в моем голосе.

Я наседала на этого Феллера в течение последних двух дней и вчера в конце рабочего дня добила его от такого обещания: «Если мать погибшей согласится на проведение эксгумации, мы поручим нашему судебно-медицинскому эксперту провести аутопсию».

Закончив разговор с Феллером, я тут же звоню прокурору округа Шампейн — женщине, которую зовут Лоис Роуз и которая рада моему звонку примерно так же, как человек будет рад сообщению о том, что у него есть камни в почках.

— В округе Ду-Пейдж будут проводить эксгумацию тела Джоэль Свэнсон, чтобы затем провести аутопсию, — говорю я ей. — А того парня — Кёртиса Валентайна — еще ведь даже не похоронили.

— Благодаря вам, Эмми, — напоминает она мне.

Вчера все семейство Валентайн присутствовало на панихиде по Кёртису в Шампейне — с уже закрытым гробом, конечно же, — но, по моему настоянию, они согласились отложить погребение на несколько дней.

— Да ладно вам, Лоис. Если в Ду-Пейдже разрешили извлечь погребенное тело из земли, то почему бы вам не перевезти тело из помещения, где проводят гражданскую панихиду, в морг?

Я делаю паузу, смутившись из-за того, что упомянула слово «тело». Моя сестра тоже была «телом».

На том конце телефонной линии слышен какой-то шум — похоже, Лоис Роуз громко вздыхает.

— Вам кто-нибудь когда-нибудь говорил, что вы очень назойливая?

— Раз или два говорили.

— Если я направлю нашего судмедэксперта для проведения аутопсии, вы перестанете мне звонить?

В ответ я смеюсь. Когда и этот телефонный разговор заканчивается, я останавливаю автомобиль, взятый напрокат, и сжимаю кулаки так сильно, что тут же пугаюсь, как бы не треснули кости моих пальцев.

— Наконец-то! — шепчу я.

«Наконец-то» — это я про аутопсию (а точнее, две аутопсии). Может, теперь мне удастся получить улики, на основании которых мы добьемся от ребятишек, сидящих в здании Эдгара Гувера,^[25] выделения нам группы сотрудников — а лучше целой армии сотрудников, — что позволит поймать этого монстра.

Ну что ж, сегодня вечером я должен обсудить с вами нечто очень важное. Думал, что это можно сделать и попозже, но получается, что нет. Итак, когда мы общались последний раз вчера вечером, я находился в баре в городе Гранд-Айленд и смотрел футбольный матч двухлетней давности по телеканалу И-эс-пи-эн. Играла команда «Хьюстон Кугарз». Вы, возможно, помните, что я упомянул человека по имени Лютер — Лютер Фигли, — он сидел через два стула от меня с девушкой, на которую пытался произвести впечатление, — настоящей красоткой по имени Тэмми Даффи? В общем, после того как я закончил наш сеанс, Лютер начал разглагольствовать о той изощренной тактике нападения, которую сейчас применяет команда «Хьюстон Кугарз» и которая называется «беги и бросай». Строя из себя прямо-таки профессора, да нет, академика и великого теоретика, он рассказывал красотке Тэмми, что при такой тактике задействуются четыре ресивера,^[26] и куортербек делает пас при каждой попытке продвинуть мяч на десять ярдов^[27] вперед, в сторону очковой зоны соперника.

В общем, как вы догадываетесь, меня это слегка рассердило.

Да, рассердило, потому что команда «Хьюстон Кугарз» вовсе не использовала такую тактику. Она использовала тактику, которая называется «широкое нападение». А это не одно и то же. Различий тут много.

Тактика «беги и бросай» была разработана с целью максимально расширить возможности куортербека за счет того, что он сначала бежит, а затем уже бросает мяч. Куортербек обычно делает полуоборот или же совершает стремительный рывок, атакуя корнербека и — при необходимости — продолжая бежать, а ресиверы обычно сами определяют направление своего движения в зависимости от той тактики обороны противника, с которой они сталкиваются. Поэтому это очень динамичная тактика нападения, и бегать при ней приходится немало.

[Редакторское примечание: приглушенные звуки мужского голоса — такие, как будто мужчина пытается что-то крикнуть, но во рту у него кляп.]

Помолчи, Лютер. Я разговариваю не с тобой. Неужели похоже на то, что я разговариваю с тобой? Нет, я говорю *о тебе*. Это не то же самое, что разговаривать *с тобой*. Ты понимаешь, что тут есть разница, а, Лютер?

Приношу свои извинения: моему другу еще нужно поучиться хорошим манерам. Что касается тактики «широкое нападение», то в ней нет ничего экстраординарного. Вы просто размещаете своих ресиверов по всему полю, чтобы заставить противника растянуть линию обороны и чтобы благодаря этому у вашей команды появилось больше возможностей для прорыва. Импровизации тут уже меньше.

Итак, в данной ситуации я пытался вести себя вежливо. Пытался указать мистеру Лютеру Фигли, что «Хьюстон» использовал тактику «широкое нападение», но этот стипендиат Родса,^[28] этот высококультурный представитель интеллигенции, этот многоуважаемый мудрец, который идет по планете, сея величайшую мудрость, решает разговаривать со мной таким высокопарным тоном, как будто я какой-нибудь

одноклеточный организм. Знаешь, в чем заключалась твоя ошибка, Лютер? Знаешь? Если ты догадаешься, я отдам тебе твои зубы. По крайней мере, некоторые из них. Верхние.

Нет, не догадываешься? Это печально. Твоя ошибка заключалась в том, что ты оскорбил человека, которого не знал. Я выглядел как любезный, нормальный, безбидный парень, не так ли?

Мне придется выключить диктофон. Хотя нет, подождите, я прикреплю его к своей ветровке... Ну вот, хорошо, вы все еще можете слышать меня... Иди сюда, любовь моя...

[Редакторское примечание: звуки приглушенных криков женщины продолжают раздаваться до самого конца этой записи.]

Ты... тяжелее, чем... я думал... Уф!

Итак, мисс Тэмми Даффи, мы собираемся поразвлечься. Давай-ка я первым делом... расположу тебя... поудобнее. Ну-ну, не сопротивляйся... *[Неразборчиво]* будет удобнее...

Могу сказать тебе, Лютер, что я ну никак не ожидал такого развития событий. Вчера вечером я собирался съесть в баре гамбургер, посмотреть какую-нибудь показательную игру и вообще повеселиться. Но я решил прибегнуть к одиблу, потому что ты такой вот болван.

И я собираюсь дать тебе право выбора, профессор тактики «беги и бросай». Я могу убить тебя первым, или же ты можешь сначала посмотреть с места в первом ряду на то, что я сделаю с Тэмми, прежде чем займусь тобой.

Нелегкий выбор, да? Ну ладно, тогда занимай место в первом ряду. Если говорить о плюсах этого варианта, то следует отметить, что он даст тебе еще тридцать минут жизни. А вы ведь, ребята, отчаянно цепляетесь за жизнь, не так ли? До последнего вздоха, да?

Ну что ж, когда закончишь смотреть на то, что я делаю с Тэмми, ты станешь сомневаться в правильности такого выбора.

Я отодвигаюсь от компьютера и перевожу взгляд на часы. Сейчас пять часов. Ну и где они? Мои ступни тарабоят по полу. Мой мозг теряет способность на чем-либо концентрироваться. Вообще-то я должна сейчас плыть на всех парах по морю данных, собранных в Национальной системе учета происшествий, выискивая сведения о нераскрытых делах о поджогах и подозрительных пожарах, но я не могу сосредоточиться — и это в ситуации, когда мы так близки к разгадке. В обоих округах — и в Шампейне, и в Дупейдже — мне пообещали сообщить результаты аутопсии к пяти часам. Ребята, сейчас уже шестой час. Где обещанные результаты?

Я иду в помещение, в котором расположился Букс. Софи Таламас сидит на стуле у противоположной стороны его рабочего стола, подавшись вперед так, чтобы они с Буксом могли разговаривать вполголоса. Оба уперлись локтями в крышку стола, и между их головами всего лишь несколько дюймов. В их общении друг с другом чувствуется некоторая фамильярность, а в их жестах и положении тел — стремление сблизиться. Мне не нужно давать подзатыльник, чтобы я заметила это. Слепая обезьянка и та почувствовала бы их взаимную симпатию.

Увидев меня, они отстраняются друг от друга. Оба теперь сидят, откинувшись на спинки стульев, и по выражению их лиц понятно, что меня тут совсем не ждали. У меня возникает желание просто дать задний ход и выйти из комнаты, но это делает данную ситуацию еще более неловкой.

— Тебе уже прислали результаты аутопсии? — спрашивает Букс, оправившись от смущения.

Я отрицательно качаю головой и достаю смартфон:

— Думаю, пришлют с минуты на минуту.

— Проходи. Присаживайся.

Софи отодвигает свой стул немного в сторону и освобождает на столе место, сдвигая свои вещи.

— Ты проработала пожары, произошедшие прошлой ночью? — спрашиваю я ее.

Я дала ей работенку, которой сама занималась на протяжении последнего года и которая заключается в том, чтобы просматривать веб-сайты и подписываться на рассылки новостей по электронной почте, что позволяет отслеживать все пожары, происходящие в течение суток. Это нужно для того, чтобы выявить следующее убийство, совершенное нашим субъектом.

— Да, — говорит Софи. — Ни вчера, ни прошлой ночью ничего не было.

Я неохотно киваю. Я не могу быть уверенной в том, что она уже поднаторела в подобной работе. Я бы перепроверила то, что она сделала, если бы у меня было на это время. А его у меня нет. Мы ведь группа из четырех человек, которая делает то, на что требуется вообще-то человек десять-двенадцать.

— Я тут как раз рассказывал Софи о наших проблемах с юрисдикцией, — говорит Букс, хотя я его ни о чем не спрашиваю. Он, похоже, просто прочел мои мысли по выражению моего лица.

Я киваю с таким видом, как будто поверила его словам. Судя по тому, как близко друг к другу они сидели и как отпрянули, когда увидели меня, вряд ли наши проблемы с

юрисдикцией были темой их разговора.

Такое уголовное дело не может быть отнесено под юрисдикцию ФБР, пока оно в юрисдикции штата, и даже если мы сможем установить, что в Шампейне и Лайле, штат Иллинойс, совершены убийства, то получится, что убийства эти были совершены на территории одного штата, и заниматься их дальнейшим расследованием следует полиции штата, а не ФБР. Поэтому, если местная полиция не обратится к нам за помощью, мы уже ничего больше сделать не сможем. Это для нас серьезное препятствие, однако сейчас мы все время наталкиваемся на всякие препятствия, а потому это всего лишь одно из них.

— Я не хотела вам мешать, — говорю я.

— Не говори глупостей, — отвечает мне Букс с уж слишком большим энтузиазмом. —

Проходи.

Ситуацию спасает сигнал — сигнал моего телефона, информирующий о том, что пришло сообщение по электронной почте. Я смотрю, что это за сообщение.

— Результаты аутопсии Джоэль Свэнсон, — говорю я.

Я перетаскиваю электронное письмо на рабочий стол своего компьютера, чтобы его было легче прочесть. Это отчет коронера^[29] округа Ду-Пейдж. За свою жизнь я прочла только один отчет судмедэксперта, да и то совсем иного характера, а потому не очень-то в таких вопросах разбираюсь. Но, как и в отчете, который я когда-то читала (и, возможно, как и во всех ему подобных), в данном отчете в самом конце имеется краткое изложение его содержания и выводы, в которых по возможности максимально понятным для непосвященного человека языком сообщается, что же выяснил коронер относительно смерти Джоэль Свэнсон, жившей в городке Лайл, штат Иллинойс. Затаив дыхание, я начинаю читать.

Следователи не обнаружили никаких признаков умышленных действий, приводящих к возникновению пожара, и пришли к заключению, что данный пожар был вызван свечой, которая горела в спальне погибшей и от которой воспламенились шторы, а затем огонь распространился по всему верхнему этажу ее городского многоквартирного дома.

— Хорошо, — бормочу я.

Мы и раньше знали это. Наш субъект подстроил все так, как будто пожар начался случайно. Это не новость. А что показала судебно-медицинская экспертиза?

Наличие отчетливых отложений копоти на слизистой оболочке трахеи и спинке языка свидетельствует о том, что погибшая была во время пожара жива и надыхалась дыма и ядовитых химических веществ. Мягкие ткани и кровь в ее несгоревших частях тела были красно-вишневого цвета, что обычно имеет место при уровне карбоксигемоглобина, превышающем 30 %, и поэтому свидетельствует о вдыхании угарного газа и цианида в объеме, опасном для жизни.

— Вот это не может быть правдой, — говорю я.

Они утверждают, что Джоэль вдыхала дым. Получается, она была жива, когда начался пожар?

Данные заключения подтверждает отсутствие у погибшей признаков телесных повреждений, вызванных физическим воздействием или другими внешними факторами, кроме жара, исходящего от огня.

Никаких признаков колотых ран, огнестрельных ранений или чего-либо подобного. Ничего такого, что нельзя было бы объяснить воздействием пламени или сильного жара, исходящего от этого пламени.

— Нет, — говорю я.

На основании указанных выше заключений сделан вывод, что смерть носила СЛУЧАЙНЫЙ характер и была вызвана удушьем вследствие вдыхания дыма во время пожара.

— Нет! — кричу я, ударяя рукой по краю клавиатуры, отчего та взлетает в воздух, затем летит вниз рядом со столом и висит над полом, болтаясь на проводе.

— Плохие новости? — спрашивает Букс, появляясь в дверном проеме.

— Тут все не так, — говорю я. — Это не может быть правдой. Не может.

Я встаю, отхожу, пошатываясь, от своего стула и, прислонившись головой к стене, таращусь на пол. Букс подходит к моему столу и читает отчет на экране монитора.

— Да уж... Очень жаль, Эмми.

Мой телефон снова издает звуковой сигнал. Еще одно письмо пришло по электронной почте. Я не шевелюсь. Моя голова упирается в стену, глаза смотрят на пол.

— В моей папке входящей корреспонденции должно быть новое электронное письмо, — говорю я. — Думаю, это отчет коронера из округа Шампейн.

— Сейчас посмотрим. — Букс кладет клавиатуру на место и берется за мышь. — Ага. Да, это отчет.

— Прочти его, хорошо, Букс?

Я закрываю глаза, и мне тут же вспоминается наш с мамой разговор после смерти Марты.

«Тут что-то не так, — сказала я ей. — Нам следовало бы попросить их провести аутопсию».

«Зачем, Эмми? Только потому, что, как ты полагаешь, ее кровать оказалась не там, где она стояла месяц назад, когда ты приезжала к Марте?»

«Я не просто полагаю — я знаю это наверняка. Как бы то ни было, мама, мне это кажется подозрительным. Я думаю, нам следовало бы...»

«Ты считаешь, что нам следовало бы попросить их разрезать мою малышку и вытащить все ее органы? А тебе не кажется, что она и так уже достаточно намучилась во время того пожара? Ты хочешь, чтобы они кромсали ее ножами, как при проведении какого-то научного эксперимента? Я не соглашусь на это...»

— Черт побери, — спокойно произносит Букс. — Черт бы их побрал.

— И не говори, — бурчу я.

— Мне жаль, Эм. Это почти такой же отчет, как и тот, который поступил из округа Дупейдж. Коронер округа Шампейн считает, что смерть Кёртиса Валентайна имела случайный характер и была вызвана удушьем вследствие вдыхания дыма.

Я чувствую его прикосновение: он кладет руки мне на плечи.

— Нет, не прикасайся ко мне. — Я высвобождаюсь и отхожу от него подальше. — Они ошибаются. Неужели ты этого не видишь? Они оба ошибаются!

Букс отводит взгляд в сторону и засовывает руки в карманы брюк. Он этого, конечно же, не видит. Что он видит — так это женщину, упрямо цепляющуюся за правду, которая совсем не является правдой. Женщину, похожую на маленькую девочку, утверждающую, что Зубная фея^[30] существует на самом деле.

— Мне жаль, — снова говорит он. — Очень жаль.

Я смотрю на этого мальчика. Ему лет пять или шесть. У него карие глаза, растрепанные, давно не мытые волосы. Он в голубых джинсах, без обуви, но они здесь все без обуви: такое требование в этой детской игровой зоне под названием «Роки маунтин плей парк», расположенной внутри торгово-развлекательного центра. Родители сидят по периметру, разговаривая друг с другом, или же попивая кофе «Старбакс» с молоком, или крича своим детям, чтобы те не баловались, не бегали слишком быстро и присматривали за своей маленькой сестренкой или своим маленьким братиком.

Около полусотни детей бегают по полу с покрытием из пеноматериалов, карабкаются по конструкции для лазания, скатываются с горки вместе с поросенком Порки или же плывут на речном плоту вместе с котом Сильвестром и птичкой Твити. ^[31] Большинство из них, похоже, друг с другом не знакомы, но тем не менее они активно общаются — так, как это обычно делают маленькие дети: ведут себя то вежливо, то не очень вежливо и даже грубо. Иногда в их конфликты приходится вмешиваться взрослым, но бывает, что они улаживают их сами. Некоторые собираются группами и кочуют вместе с одного участка игровой зоны на другой, а некоторые перемещаются в одиночку и присоединяются к тому, на кого они наталкиваются.

Но только не этот мальчик. Он сидит на полу в сторонке и ни с кем не играет, а просто наблюдает за другими детьми, поспешно проходящими мимо и не обращающими на него никакого внимания. Минуту назад к нему подкатился мяч, и он отдал его какой-то девочке, которая, взяв мяч, даже не взглянула на самого мальчика.

Ему хочется заниматься всем этим вместе с ними. Я это вижу. Вижу это желание в его глазах, когда он наблюдает за тем, как запыхавшиеся дети бегают, кричат и смеются. Ему тоже хочется бегать, кричать и смеяться. Однако что-то удерживает его, что-то заставляет его продолжать сидеть в сторонке. Он чувствует себя так, как будто он здесь чужой.

Но ему хочется, чтобы он стал для них своим. Очень хочется. Если бы только они дали ему шанс, если бы они увидели, что он такой же, как и они: ребенок, который просто хочет чувствовать себя в безопасности, понимать, где он находится, быть частью сообщества. Ему хочется того же, чего хочется им. Он боится того же, чего боятся они.

Встань, малыш. Не бойся. Ты им понравишься — да-да, еще как понравишься!

Кто-нибудь, пожалуйста, дайте ему шанс! Протяните руку или позовите его. Это вам ничего не будет стоить. Просто проявите хоть сколько-нибудь доброты — и он с радостью присоединится к другим ребяташкам. Ему ведь много не нужно. Заверяю вас, ему много не нужно. Ему всего лишь нужен человек — один-единственный человек, который будет немного добр к нему, прежде чем станет слишком поздно...

[Редакторское примечание: пауза длительностью семнадцать секунд.]

Встань, малыш. Встань и иди играй.

Букс открывает дверь и придерживает ее для меня — эдакий джентльмен! — а потому я первая, кто видит самодовольное выражение лица человека, сидящего в кожаном кресле, — и это не кто иной, как заместитель директора ФБР Джулиус У. Дикинсон.

(«У» в данном случае означает «ублюдок». Даже его родители знали, что он будет ублюдком.)

— Да-да...

Дикинсон всегда умудряется быть чем-то занят, когда вы входите в его кабинет, и делает он это исключительно для того, чтобы подчеркнуть, как мало значите вы и как много значит он. Сегодня он делает вид, что что-то читает — какой-то буклет или брошюру.

— Садитесь вам обоим нет необходимости, — говорит он, тем самым останавливая Букса и меня уже почти перед своим столом. — Нам много времени не потребуется.

Заставив нас стоять в томительном ожидании, пока он листает лежащую перед ним брошюру, он затем смотрит на нас поверх очков.

— Похоже, вы провели в Чикаго насыщенную событиями неделю, — говорит он. — Давайте разберемся, правильно ли я все понял. Эмми нас здесь уверяла, что некий убийца совершает одно за другим преступления по всей стране и, проявляя незаурядные способности, умудряется оставаться незамеченным, поскольку весьма умело осуществляет поджоги. Такая его тактика, возможно, предусматривает изменение местоположения кровати в спальне таким образом, чтобы обеспечивался максимальный приток воздуха в комнату и благодаря этому усиливалось пламя.

Дикинсон буквально слово в слово цитирует фразы из отчета, который он потребовал от нас и который мы вчера составили.

Значит, по крайней мере, он читал его.

— За эту плодотворную неделю, — продолжает Дикинсон, — вы смогли установить, что из пятидесяти пяти пожаров, относящихся к этой так называемой активной преступной деятельности, примерно в половине случаев можно утверждать, что кровать на месте происшествия стояла как раз напротив открытой двери. — Он перелистывает страницу то ли буклета, то ли брошюры. — Но вам не известно, находились ли кровати именно в таком положении и раньше или же их поставил так наш предполагаемый серийный убийца.

«Кроме кровати Марты, — хочется мне сказать. — Кровать Марты была явно передвинута со своего обычного места».

— Что касается второй половины пожаров, то вы не знаете, где именно стояла кровать. За давностью событий это выяснить не удастся. Я все правильно изложил?

— Да, правильно, — говорит Букс.

— Итак, — продолжает Дикинсон, — примерно в половине из этих спален кровати стояли прямо напротив открытой двери, да? Я счел бы это *очень* важным фактом... — он смотрит на меня и еле заметно улыбается, — ...если бы работал редактором журнала «Беттер хоумс энд гарденс»,^[32] — договаривает он. — Но я им не работаю. Я — заместитель директора ФБР, и я считаю данную информацию несущественной. Кстати, а вы знаете, *что* я считаю *весьма* существенным?

Я кусаю нижнюю губу, едва сдерживая нарастающий гнев.

— Я считаю весьма и весьма существенными заключения двух независимых друг от

друга судебно-медицинских экспертов, которые исследовали останки двух интересующих вас жертв и пришли к выводу, что смерть этих людей была случайной. Их никто не убивал.

Он берет трубку телефона, а другой рукой поднимает лежащую перед ним брошюру. Только тут я осознаю, что это меню. Этот мерзавец сейчас выбирает, что заказать себе на обед.

— Лидия, — говорит он в телефонную трубку, — мне бутерброд с жареной свининой и немного картофельного салата. А еще два соленых огурчика или помидорчика. Не один. Два.

Дикинсон прижимает телефонную трубку к своей груди и смотрит на нас.

— Данное расследование теперь официально закрыто. Букс, ваша временная работа в ФБР прекращается прямо сейчас.

Букс молчит, держа руки за спиной.

— А вы, Эмми, — добавляет Дикинсон, и выражение его лица меняется, — приходите сюда снова сегодня вечером, в шесть часов, и мы обсудим, что нам дальше с вами делать, отстранять ли снова вас от работы.

Я собираюсь вступить в пререкания, но Букс берет меня за руку и ведет к выходу. Дикинсон тем временем продолжает телефонный разговор с секретаршей по поводу того, что он хочет съесть на обед.

— Ты мог бы, по крайней мере, побороться за нас, — говорю я в лифте Буксу. — Ты гораздо более влиятельный человек, чем я.

— На Джулиуса я повлиять не могу, — качает головой Букс. — Да и на директора, наверное, тоже. Больше не могу.

— Как бы то ни было, ты мог бы побороться за правое дело, — говорю я.

— Да? — Он поворачивается ко мне. — А что является правым делом? Пожалуйста, расскажи мне, Эмми.

И только тут я вдруг осознаю, что Букс в течение последних тридцати шести часов был уж чересчур молчалив. Он стал таким с того момента, как мы получили отчеты об аутопсии. А я-то думала, что мы с ним придерживаемся одинакового мнения и что он разделяет мой гнев, мое разочарование и мою упрямую уверенность в своей правоте!

— Ты мне больше не веришь, — говорю я. — Ты не согласен с тем, что это были убийства.

— Понимаешь, Эмми, — кашлянув и поднимая руки, говорит он, — в данной ситуации *имеются* некоторые факты, с которыми нам необходимо считаться.

Я отступаю от него на шаг.

— Я не верю в это.

— Ну-ну... — говорит он, протягивая ко мне руку.

— Не *нукай*, Букс. Просто скажи то, что намереваешься сказать.

Он вздыхает.

— Эмми, вопрос состоит не в том, верю я *тебе* или нет. У *тебя* не больше оснований считать это убийствами, чем у *меня*. Вопрос состоит в том, что необходимо верить фактам. А *факты* свидетельствуют о том, что преступлений не было.

— Нет, — возражаю я, — факты свидетельствуют о том, что наш субъект очень умело эти преступления скрывает.

— Ах, простите, пожалуйста! — Букс вскидывает руки. — Это верно. Во-первых, отсутствие каких-либо доказательств совершения поджога означает, что он умелый поджигатель. Кроме того, отсутствие каких-либо доказательств совершения убийства подтверждает то, что он умелый убийца. Что там следующее? Полное отсутствие доказательств того, что он убийца с планеты Марс, подтверждает то, что он *умелый* марсианский убийца. Отсутствие доказательств того, что он пасхальный заяц, ^[33] подтверждает то, что пасхальный заяц — самый умелый убийца-поджигатель за всю историю мира!

— Прекрасно! — кричу я. — Ты такой же, как Дикинсон! Ты об этом знаешь? Мне очень жаль, что я заставила тебя впустую потратить свое время, Букс.

Он быстро нажимает на кнопку аварийной остановки на панели управления лифтом, в результате чего лифт останавливается так резко, что я едва не теряю равновесие. Шея у Букса становится темно-малиновой, а брови начинают нервно подергиваться.

— Не объединяй меня в одну компанию с Джулиусом, — говорит он, показывая на меня пальцем. — Я всячески стремился подавлять возникающие у меня сомнения, если они были не в твою пользу. Я хотел, чтобы ты оказалась права. Я знаю, как это важно для тебя. Но ты *не* права, Эмми. И настало время с этим смириться. Храни память о Марте, которая была

замечательным человеком, и делай то, что делают все люди, когда теряют любимого человека, — горюй. А затем постепенно приди в себя. Этот твой крестовый поход является угрозой для психики, и он положит конец твоей карьере в ФБР, если ты не будешь проявлять осторожность. Даже в разговорах на данную тему.

Он нажимает на кнопку, и лифт снова приходит в движение. По ошибке он нажал на кнопку ближайшего этажа, хотя это не наш этаж.

— Ты уж в шесть часов веди себя вежливо по отношению к Дикинсону, — говорит он, — а иначе ты больше никогда не будешь работать в ФБР.

Я иду без какой-либо цели, убивая время до судьбоносной для меня встречи с «нашим Диком», которая назначена на шесть часов. Шагая по северо-западному участку Пенсильвания-авеню, я прохожу мимо здания Национального архива США. Вспоминаю, как приходила сюда в детстве во время летних каникул. Мой отец обожал экскурсии в здании ФБР — наверное, они возвращали его в собственное детство, в котором он играл с приятелями в полицейских и преступников. Он с удовольствием разглядывал там экспонаты, связанные с громкими уголовными делами и знаменитыми преступниками: вещи Келли по прозвищу Пулемет, Флойда по прозвищу Красавчик и Нельсона по прозвищу Малыш, пулеметы, замаскированные под зонтики, кольт Джона Диллинджера, записки с требованием выкупа, фигурировавшие в деле о похищении Линдберга. А вот Марта и наша мама с наибольшим удовольствием посещали музеи Смитсоновского института.^[34] Особой популярностью у них пользовался музей воздухоплавания и астронавтики.

Ну а лично мне больше всего нравилось здесь, в архивах. Меня привлекали документы, составленные не одно столетие назад, манили идеи воссоздания прошлого ради того, чтобы лучше понимать и даже предсказывать будущее, зачаровывало ощущение взаимосвязанности исторических событий, удивляла схожесть прошлого и настоящего. Когда я была ребенком, мой отец предсказывал, что я стану археологом, но мне не захотелось копаться в уж слишком далеком прошлом. Меня никогда не интересовали ни иероглифы, ни пирамиды, ни кости динозавров. Меня притягивали к себе цифры — цифры и факты, которые можно легко систематизировать: просмотри цифры, угадай формулу и предскажи результат. Математика была моей первой любовью. Я частенько играла с цифрами в своей голове. Как-то раз один учитель сказал мне, что, если сложить цифры, составляющие какое-либо число, и получить сумму, которая делится на три, значит, и это число делится на три. После этого, сталкиваясь с каким-либо числом, я неизменно пыталась сложить в уме составляющие его цифры и разделить получившуюся сумму на три. Адрес «1535 Линскотт» становился для меня операцией сложения « $1 + 5 + 3 + 5 = 14$ », результат которой не делится на три, а потому на три не делится и число 1535. Глядя на номерной знак «KLT 438», я складывала $4 + 3 + 8$ и получала число 15, которое делится на три — а значит, на три делится и число 438.

«Жизнь — это не только цифры и формулы, — говаривала Марта мне — своей заумной сестре-близняшке. — Тебе нужно *жить*, Эмми. Тебе нужно встречаться с людьми, пускать их в свою жизнь».

Правильно. Именно так я и поступила с Буксом. Я пустила его в свою жизнь. Но теперь это закончилось, и огонек заново уже не зажечь — не потому, что нет искры, а потому, что я не способна поддерживать огонь бесконечно долго. Я знала, что рано или поздно разочарую его. Это было неизбежно. Мы с ним наладили бы нашу жизнь, а затем он осознал бы, что я совсем не тот человек, каким он меня считал, и что я не тот человек, какой ему *нужен*. Он слишком благородный для того, чтобы открыто об этом заявить. Он не бросил бы меня, а потому был бы обречен мучиться всю оставшуюся жизнь рядом с женой, с которой ему тоскливо и которая для него в большей степени друг и товарищ, чем любовница. Возможно, он никогда не осознает, от чего я его спасла и какая пуля пролетела мимо. Он никогда не поймет, что я разорвала наши отношения ради его же блага.

Был ли он прав в том, что сказал в лифте? Неужели мои действия на самом деле своего

рода крестовый поход, не имеющий ничего общего с действительностью? Решила ли я так действовать только для того, чтобы как-то пережить смерть Марты? Девушка, которая на протяжении детства и юности обожала статистические данные и полагалась только на них, вдруг повернулась спиной ко всем фактам и стала верить в жутких монстров, прячущихся в шкафах?

Возможно, мне уже пора повзрослеть.

Возможно, мне пора попытаться спасти свою карьеру в ФБР.

Я смотрю на свои часы. Уже пять. Мне лучше повернуть назад. Не хочу опоздать на назначенную мне встречу.

Пришло время укротить гордость и выяснить, могу ли я сохранить свою работу.

Не успеваю я дойти до здания Эдгара Гувера, как звонит мой сотовый телефон. Это Софи Таламас.

— Вы были правы, Эмми, — говорит она мне, тяжело дыша. — Вы были абсолютно правы!

Я останавливаюсь в тени деревьев, растущих вдоль северо-западного участка Пенсильвания-авеню. Ветер слегка шевелит мои волосы. По тротуарам бредут туристы, которых проворно обгоняют спешащие домой рабочие и служащие. Я прижимаю ладонь к правому уху, чтобы лучше слышать левым ухом то, что говорит Софи Таламас, сообщающая мне о своем открытии.

— Это произошло в пятницу, — рассказывает она. — Имя жертвы — Чарльз Дэйли. Он был продавцом обуви, а жил в городе Лейквуд, неподалеку от Денвера. Его обнаружили мертвым в спальне, в которой возник пожар. Я знаю, что вы спросите меня, как стояла кровать в его спальне, но такой информации у меня пока нет.

Я киваю, хотя она и не может меня видеть.

— Это похоже на почерк нашего субъекта, — соглашаюсь я. — Но...

— Что «но»?..

— Но обычно он убивает двух человек в каждом населенном пункте, в который он приезжает, — говорю я. — А в этом вашем Лейквуде был убит только кто-то один?

— Э-э... Есть один нюанс, — говорит она. — Короткий ответ — да, только один. Но я предполагала, что обнаружу и второй пожар, как вы говорили, где-нибудь поблизости. Поэтому я немного расширила сферу поиска и, как мне кажется, нашла его. Но он немного отличается от остальных.

— Отличается чем?

— Он привел к гибели двух человек, а не одного, — говорит Софи. — Все остальное — точно такое же. Пожар в спальне, признанный начавшимся случайно... Но две жертвы. Лютер Фигли и Тэмми Даффи. Они жили вместе в доме в Гранд-Айленде, штат Небраска.

— Небраска? А насколько это далеко от Лейквуда, штат Колорадо?

— Около четырехсот миль. Шесть часов езды на автомобиле. Но тут многое сходится, Эмми. Лютер и Тэмми были найдены мертвыми в Небраске за два дня до убийства совершенного в Денвере, — в среду, пятого сентября. Если ваше предположение относительно того, что наш субъект живет на Среднем Западе, верно, тогда он вполне мог поехать по межштатной автомагистрали I-80 на запад от Денвера. Гранд-Айленд, штат Небраска, оказывается как раз по дороге, чуть в стороне от I-80.

Я начинаю размышлять.

— То есть он поехал, скажем, из Иллинойса — или где он там живет — по автомагистрали I-80. В среду он делает остановку в Гранд-Айленде, штат Небраска, и убивает этих двоих — Лютера и Тэмми. Тогда у него остается еще уйма времени для того, чтобы добраться до Денвера к пятнице и убить там продавца обуви.

— Точно. Вы были правы, Эмми. Он опять принялся за дело после Дня труда. Вы были абсолютно правы.

Может, и так, но никто из власть имущих мне не верит. Не так давно два независимых судмедэксперта и один из заместителей директора ФБР сообщили мне, что я ошибаюсь. Все мои усилия были напрасными, а мои полномочия аннулировали.

— Как прошла сегодня встреча с Дикинсоном? — спрашивает Софи.

Я пытаюсь подобрать правильные слова.

— Наше с ним общение еще не закончилось.

— Как бы то ни было, теперь мы уже не можем остановиться, Эмми. Нам необходимо поймать этого типа.

Ее бы слова да Богу в уши. Или в уши Дикинсону. Она, конечно же, права. Теперь я не могу остановиться. Потому что этот тип даже и не думал останавливаться. Но что мне делать?

Каким образом я смогу добиться продолжения данного расследования?

Я решила зайти на свое рабочее место, прежде чем подняться на несколько этажей выше, где находится кабинет Дикинсона. Шагая по коридору, я вижу Букса в помещении, которое выделили персонально ему, когда он на некоторое время вернулся в ФБР, чтобы выполнить одно конкретное задание. Вот такие в ФБР строгие иерархические правила: человек, который уже даже не является штатным сотрудником, получает индивидуальное помещение только потому, что когда-то он был не кем иным, как специальным агентом.

Те несколько предметов, которые Букс принес на это свое временное рабочее место, чтобы чувствовать себя там комфортнее, — фотография его родителей, футбольный мяч с надписью «Канзас-Сити Чифс, 1995 год» и его личные документы, — уже лежат в коробке в ожидании, когда их увезут обратно в Александрию. Букс выглядит измученным. Его глаза — уставшие, взгляд — мрачный. Узел на его галстук сильно ослаблен. А может, он даже и рад, что эта работенка уже закончилась. Может, ему не терпится вернуться в свой книжный магазин.

Я подхожу к его рабочему месту.

— Я была с тобой немного резкой, — говорю я ему. — Я знаю, что ты сделал немало для того, чтобы мы хоть чего-то добились.

Он слегка улыбается и машет рукой — мол, не стоит об этом говорить.

— Недавно было совершено еще два убийства, — сообщаю я. — Одно в Небраске, второе — в Колорадо, в пределах двух суток. Он опять взялся за дело. Точно такой же психологический портрет, точно такой же образ действий.

Букс качает головой:

— И, готов поспорить, точно такими же будут результаты аутопсии, если дело когда-нибудь дойдет до нее. Смерть от удушья в результате вдыхания дыма при начавшемся случайно пожаре.

Вероятно, в данном случае он прав. Невозможно раскрыть преступление, если никто совершенно не горит желанием признать, что это было именно преступление, а не простое стечение обстоятельств.

Букс кивает мне.

— Знаешь, в ФБР говорят, что нельзя получить настоящую закалку, если у тебя не будет хотя бы одного такого случая.

— Какого случая?

— А такого, когда не удастся найти преступника. Нераскрытое преступление.

Правильно. У Букса такой случай был. Он частенько о нем рассказывал.

— «Убийца девушек-ковбоев», — говорю я.

Он поджмает губы и кивает. Семь убийств в течение шести лет на юго-западе страны — в штатах Техас, Нью-Мексико и Аризона. Все жертвы — привлекательные девушки из семей зажиточных скотоводов. Убийца, прежде чем их изнасиловать, отрубал им руки и ноги. Эти жуткие подробности активно мусолились в тамошней прессе.

Не сообщали в прессе, однако, об одной детали — что он отрезал им пальцы на ногах и запихивал их им в рот.

Букс присоединился к этому расследованию на поздней стадии, но, как он мне рассказывал, это уголовное дело увлекло его. Он трудился над ним не один год, однако не

добился никаких результатов. Неформально среди сотрудников ФБР — которые любят давать клички своим субъектам — этого преступника стали называть «убийца девушек-ковбоев». Последнее убийство из этой серии было совершено лет пять назад. С тех пор Букс, можно сказать, живет затаив дыхание.

— Остается только надеяться, что он был задержан за какое-нибудь другое преступление или, возможно, умер, — говорит Букс. — Каждый день спрашиваешь себя: он все еще жив и здоров, а значит, может взяться за старое? Убьет ли он именно сегодня еще кого-нибудь — то есть еще один человек расстанется с жизнью — только потому, что ты не смог выполнить свою работу достаточно хорошо?

Вот именно этого я допустить не могу. Я не хочу, чтобы наш субъект стал примером того, как я не справилась со своей работой. Я не хочу, чтобы он стал моим «убийцей девушек-ковбоев».

Букс резко поднимается со стула и подходит ко мне.

— Что бы ни произошло там, у Дикинсона, постарайся не потерять работу, Эмми. Он очевидно, будет оскорблять и унижать тебя и наслаждаться этим. Ты просто проглоти это, хорошо? Просто стерпи его издевательства, если это потребуется для того, чтобы ты осталась в ФБР. Потому что в таком случае ты сможешь быть гораздо более эффективной.

— Более эффективной...

Он кладет руку мне на плечо.

— Более эффективной в смысле поиска этого твоего поджигателя-убийцы. Если ты и в самом деле полагаешь, что этот тип существует и что все это происходит, не слушай, что говорят другие. Не слушай ни меня, ни Дикинсона, ни какого-либо окружного коронера. Даже если тебе придется действовать исключительно в одиночку, не сдавайся.

Наши взгляды встречаются на одно краткое, но полное глубокого смысла мгновение, а затем мы оба отводим глаза в сторону. Он, конечно же, прав. Я вообще-то так и намеревалась поступить. Я отнюдь не собираюсь отказываться от проведения данного расследования.

Единственный вопрос заключается в том, чем я готова пожертвовать ради того, чтобы его продолжать.

— Эмми, заходите, — говорит Дикинсон.

Его секретарша Лидия уже ушла. Этот этаж, на котором работают лица, занимающие руководящие посты, наполовину пуст, и здесь очень тихо. Теперь мне кажется, что кабинет Дикинсона уменьшился в размерах.

Дикинсон впервые не делает вид, что чем-то занят, и не заставляет меня ждать, пока он дочитает какой-то отчет, или просмотрит меню ужина, или поболтает по телефону, чтобы подчеркнуть, насколько я ничтожна. На этот раз Дикинсон, похоже, горит желанием пообщаться со мной, и он смотрит на меня с хищным выражением лица. Он чем-то похож на акулу, учувшую в воде запах крови. Теперь я у него в руках. Я принадлежу ему. Мы оба знаем это. Я проиграла. Он выиграл.

Я подхожу к стулу, стоящему возле его рабочего стола, и останавливаюсь.

— Вы можете присесть, если хотите, — говорит он.

— Я постою.

Он щелкает языком.

— Эмми, Эмми, Эмми... Все время выбираете более трудный путь, когда имеется более легкий.

Мы оба знаем, *что* он подразумевает под «более легким путем». Я узнала об этом чуть больше года назад, когда он в первый раз фамильярно положил свою ладонь на мою талию, делая вид, что рассматривает что-то через мое плечо на экране компьютера. Затем последовали предложения пойти вдвоем выпить чего-нибудь или поужинать после работы. Наконец, в один прекрасный день, он предложил мне поехать с ним на субботу и воскресенье в Манхэттен. Я помню, что поначалу ничего не поняла — я была далека от того, чтобы рассматривать возможность романтических отношений с этим мужчиной, мне даже в голову не пришло, что он имеет в виду любовную историю, и я подумала, что речь идет о чисто деловой поездке. «А зачем нам ехать в Манхэттен?» — спросила я. Он пару раз моргнул и уставился на меня с таким выражением лица, как будто ответ на этот вопрос был очевидным. «Чтобы побыть наедине друг с другом», — сказал он.

И тут я рассмеялась. Это было лишь коротеньким хихиканьем, не более, но этого вполне хватило, чтобы дать понять этому типу, что уже сама мысль о том, что мы с ним ляжем в постель, была для меня прямо-таки комической.

После того как я его так высмеяла, у меня сразу возникло ощущение, что это моя серьезная оплошность. Я искренне вознамерилась обсудить это с ним на следующее утро. Но сделать мне этого так и не удалось, поскольку на следующее утро мне сказали, что заместитель директора Джулиус Дикинсон написал на меня жалобу, обвинив в сексуальном домогательстве и неподобающем поведении...

— Что представляет собой более легкий путь? — спрашиваю я.

Дикинсон подмигивает, и меня от этого чуть ли не тошнит. Затем он поднимается со своего кресла и, обойдя стол, подходит ко мне. Он показывает мне маленькое карманное устройство, которое похоже на устаревшую портативную радиостанцию; на ней имеются лампочки и маленькая антенна.

— Это то, что ты назвала бы детектором подслушивающих устройств, — говорит он.

Он нажимает на какую-то кнопку, и устройство начинает тихонько жужжать. Одна

лампочка на нем загорается оранжевым светом, а на его маленьком экране начинает дергаться вверх-вниз, как на кардиомониторе, движущаяся линия, показывающая радиочастотные волны.

— Эта штучка обнаружит любое подслушивающее устройство, передатчик GPS, скрытую видеокамеру.

Он водит этой штучкой вокруг меня — и спереди, и со спины. Жужжание не прекращается, но оно ровное, без всплесков.

— Записывающие устройства отсутствуют, — объявляет он. Я чувствую его дыхание на своем ухе, и у меня встают дыбом волоски на шее. — А теперь мне необходимо обыскать вас. Поднимите руки.

— Зачем?

— А затем, что это мое маленькое устройство не сможет обнаружить обычный старомодный диктофон. Или просто потому, что мне так хочется.

Я поднимаю руки. Он ощупывает меня. При этом он не спешит, а, наоборот, ощупывает различные части моего тела так тщательно, что ему даже становится известно, какое на мне нижнее белье. Обследовав каждую выпуклость и впадину моего тела, он забирает мой смартфон — базовая модель айфона — и, осмотрев его, возвращает.

— Очень хорошо, — говорит он и выключает свой «детектор подслушивающих устройств». Жужжание резко обрывается.

— К чему эти шпионские страсти? — спрашиваю я.

— К чему? — Он прислоняется задницей к столу и пристально смотрит на меня. — А к тому, что я хочу кое о чем поговорить с вами, Эмми, причем наедине — только вы и я.

Стоя все в той же позе, Дикинсон скрещивает руки на груди и качает головой с таким видом, как будто он общается с непослушным ребенком.

— Ага, частный разговор, — говорю я. — Вы собираетесь объяснить мне, в чем заключается «более легкий путь», по которому мне следует пойти?

— Вам и самой понятно, в чем заключается «легкий путь», — говорит Джулиус и затем разводит руки в стороны. — Неужели это было бы так плохо, Эмми?

Неужели было бы так плохо вступить с ним в сексуальную связь? Да пусть мне лучше вырвут плоскогубцами зуб без каких-либо обезболивающих средств! Или же пусть я лучше искупаюсь в вулканической лаве.

Звонит мой сотовый. Я смотрю на его экран. Звонит моя мама.

— А-а, это мамочка, — говорит Дикинсон, наклоняясь и бросая взгляд на экран моего телефона.

В это время суток мама частенько мне звонит. Она к этому часу уже поужинала, причем не без алкоголя. Слегка растягивая слова, она говорит слова любви своему теперь уже единственному ребенку. Алкоголь сильно, как ничто другое, высвобождает эмоции, которые она сдерживала в себе год за годом, и она выплескивает их в виде сентиментальных фраз, полных любви и сожаления, а когда начинает трезветь, снова прячет свои чувства в потайную комнату.

— Я сейчас выключу телефон, — говорю я.

Я нажимаю на пару кнопок, и гудки прекращаются. Затем я кладу телефон на стул рядом с собой.

— Итак, речь шла... — Дикинсон криво усмехается.

— Вы для меня непривлекательны, — говорю я. — Не обижайтесь.

Дикинсон тихонько смеется.

— А я и не обижаюсь, Эмми. Не обижаюсь. — Он смотрит на меня, наклонив голову набок. — Я вам не нравлюсь, не так ли? Это только доставит мне еще больше удовольствия.

Это все равно как бросить кубик льда мне за шиворот. Единственное, на что я могу согласиться, так это поговорить с ним с глазу на глаз. А ему, оказывается, будет еще приятнее, если я стану спать с ним против своей воли. Моя неприязнь к нему будет его только еще больше возбуждать.

«Чем я готова пожертвовать?»

«Постарайся не потерять работу, — сказал Букс. — Ты сможешь быть гораздо более эффективной, если останешься в ФБР».

— А... если я скажу «да»? — спрашиваю я, повернув голову в сторону, чтобы не встречаться с ним взглядом.

— Если вы скажете «да», Эмми, то будете восстановлены на работе. Начиная с этого момента.

Я закрываю глаза.

— А как насчет нашей группы? Мы сможем продолжить расследование тех пожаров?

Дикинсон ничего не отвечает. Его глаза заблестели. Он высовывает язык и облизывает губы. По-видимому, он уже представляет себе это. Он живо представляет себе, как займется со мной сексом прямо сейчас.

У меня к горлу подступает тошнота. Я не хочу даже представлять, как со мной в постель ляжет, полностью раздевшись, этот невысокий плотный мужчина с загорелой кожей и зачесом, кое-как прикрывающим лысину.

— Итак, — говорю я, — если я пересплю с вами...

— И сделаешь *все то*, что я при этом захочу. Я — мужчина, у которого очень много желаний.

Я опускаю голову и щипаю себя за переносицу. Воцаряется молчание. Затем я поднимаю взгляд на него и говорю:

— Нет, этого я сделать не могу.

Дикинсон, пользуясь тем, что он начальник (а уж ощущать себя начальником он любит), пытается лишить меня удовольствия от этой моей моральной победы над ним. Для этого он просто пожимает плечами и говорит:

— Тогда сегодня последний день вашей работы в ФБР.

— Вы не можете уволить меня только потому, что я отказываюсь с вами переспать.

— Я увольняю вас совсем по другой причине. Я увольняю вас потому, что по-прежнему считаю вас человеком с неустойчивой психикой. Может, вы станете утверждать, что я склонял вас к интимным отношениям? — Он подается ко мне. — В этом случае, поскольку свидетелей тут нет, мое слово будет против вашего, не так ли, Эмми?

— Может, и так, — говорю я. — А может, и нет.

— Видите ли, я слышал сейчас все то, что слышала Эмми, — раздается из моего смартфона голос Букса.

Дикинсон соскакивает со стола. Его лицо становится пепельно-серым — таким, как будто он только что увидел крысу, пробежавшую перед ним по полу.

— Что... что это?

— Это Букс, — говорю я. — Похоже, вместо того чтобы выключить свой телефон, я случайно нажала на кнопку ответа на звонок и включила режим громкой связи, и Букс, по-видимому, все это время слушал наш разговор.

Дикинсон явно потрясен таким поворотом событий. Кровь отхлынула от его лица (и от его мошонки, наверное, тоже). Запинаясь, он говорит:

— Но это же... вроде бы звонила... ваша *мать*...

О-о, возможно, я заменила в списке контактов в своем телефоне слово «Букс» на слово «мама». Это могло произойти, скажем, в течение последнего получаса — то есть незадолго до того, как я сюда пришла.

— Вы нехорошо выглядите, Джулиус, — говорю я. — Наверное, вам лучше присесть.

Дикинсон делает шаг назад, подальше от моего телефона и меня, и снова упирается задницей в свой стол. Он напряженно о чем-то размышляет — видимо, анализирует наш разговор, выискивает то компрометирующее его, что мог услышать Букс, пытается понять, сможет ли он истолковать этот разговор подходящим для него образом и выйти сухим из воды, если станет попросту все отрицать.

Наконец ему, похоже, становится понятно, что этот раунд он проиграл. Он сказал уж слишком много такого, что может его дискредитировать. Он вполне смог бы выйти сухим из воды, попросту все отрицая в ответ на обвинения какого-то там аналитика, но в данной ситуации ему придется иметь дело с Буксом, а тот — любимчик директора. Приняв все эти обстоятельства во внимание, Дикинсон, видимо, решил, что такое противостояние ему не по плечу.

— Вы не можете так поступить, — бормочет он, но, похоже, сам себе не верит.

— Мы уже так поступили, — говорю я. — А теперь присаживайтесь, Джулиус, и я объясню вам, что теперь будет происходить.

Мы с Буксом выходим из здания Эдгара Гувера. Улица затянута легким туманом. Мы молча направляемся к его автомобилю, все еще находясь под впечатлением от нашей небольшой шалости. Буксу не очень-то понравилась идея организовать подслушивание разговора заместителя директора ФБР, но я убедила его в том, что если Дикинсон собирается приставать ко мне с неприличными предложениями — а я была уверена, что собирается, раз он назначил мне встречу в самом конце рабочего дня, — то единственным выходом было попытаться действовать по принципу «клин клином вышибают».

— Ну и ублюдок же он!.. — говорит Букс после того, как мы отошли довольно далеко от здания Эдгара Гувера. — Я, конечно, знал, что он мерзавец, но что до такой степени... Ну и ну!

— Нам, наверное, следовало попросить большего, — говорю я. — Наверное, мы могли добиться большего.

Мы сворачиваем к парковке на северо-западном участке Десятой улицы, радуясь тому, что скоро укроемся в автомобиле от усиливающегося дождя. Букс не любит дождь. Никогда не любил. Снег — это для него не проблема. Жара, когда пот градом, или же холод, от которого стучат зубы, — и то и другое он вполне может выдержать. А вот попадать под дождь он очень не любит. Ему не нравятся мокрая одежда и влажные волосы. Он воспринимает это как какой-то бардак. Я же, наоборот, обожаю запах и вкус дождя и ощущение капель на своем лице, люблю запах тумана, появляющегося после дождя, мне нравится чувствовать, как между пальцами ног проскальзывают мокрые травинки, когда я иду босиком по влажному от дождя лугу. Возможно, природа-мать пыталась указать нам с Буксом на нашу с ним несовместимость.

— Мы вообще-то порядочные люди, ты помнишь об этом? — говорит он. — Что мы попросили, так это только то, чего на данном этапе вполне заслуживаем. И не более того. Я не меньший, чем Дикинсон, противник растраниживания ресурсов ФБР, Эмми. Твое расследование будет проводиться имеющимися силами, и если оно не даст вообще никакого результата, мы не сможем заставить Дикинсона продолжать выполнять наши условия.

Он прав, но... но для меня было огромным удовольствием накинуть аркан Дикинсону на шею и смотреть, как этот тип извивается. Меня подмывало потребовать у него много чего: помещения получше, более высокую зарплату, премии, но рядом со мной находился Букс — голос разума, способный умерить мои аппетиты.

«Он всегда так поступал, — мысленно напоминаю я себе. — Он всегда сглаживал твои острые углы. Он был якорем, брошенным в воду, когда ты качалась вверх-вниз на волнах».

— Возможно, это твой последний шанс, — говорит мне Букс. — Поэтому давай надеяться на то, что это сработает.

Мы садимся в его машину — а это новенькая «хонда» седан — и едем в Вашингтонский национальный аэропорт имени Рональда Рейгана, чтобы опять вылететь в Чикаго.

Этим вечером я за рулем — возвращаюсь к себе домой. Это долгая и скучная поездка с бесконечными участками, где нет ничего интересного, — просто хорошо освещенное шоссе и темнота с обеих сторон. От этого можно впасть в уныние, скажу я вам.

Вы... вы знаете, почему я делаю это? Почему я записываю свои мысли для вас? Я делаю это потому, что вы думаете, что знаете меня, но на самом деле это не так. По-настоящему вы не знаете никого. И я могу вам это доказать.

Возьмите в качестве примера себя. У вас есть мысли, о которых никто не знает, не так ли? Мысли, которыми вы не делились ни с одним человеком — даже с вашим близким другом или вашим отпрыском. В общем, ни с кем. И иногда это даже больше, чем просто мысли. Это действия, которые вы совершаете.

Вы можете быть самым щедрым и любящим отцом и самым доброжелательным из людей, но если ваши приятели узнают про фотографии развратных азиатских девушек, которые вы скачивали на свой компьютер, то они будут помнить о вас прежде всего то, что вы сексуальный извращенец, а потому вам лучше держать это в секрете. Вы можете быть верной женой, которая никогда не обманывает своего мужа, но если он узнает, что вы гладите себя, стоя под душем, и при этом думаете об одном известном вам директоре школы или какой-нибудь кинозвезде, его мнение о вас изменится — а потому скрывайте это.

Вы не делитесь ни с кем такими мыслями, потому что боитесь, что ваши крайности станут для окружающих вашими главными характерными особенностями и что люди позволят этим маленьким слиткам перевесить все, что помимо этого они знают о вас, — то есть тот имидж пристойного человека, который вы себе так старательно создавали. Поэтому вы прячетесь. Вы надеваете маску. Но разве вы не понимаете, что ни один человек по-настоящему вас не узнает, если ему не будет известно о ваших крайностях? Если все то, что знают о вас люди, представляет собой лишь хлипкую, гладкую массу без острых краев, являющихся проявлением сильных сторон вашей личности, то у людей не может сложиться целостное представление о вас — им будут видны лишь отдельные штрихи.

Вы, наверное, думаете, что вы уникальный, не так ли? Вы думаете, что вы единственный, кто скрывает какие-то свои особенности, да? Нет, вы, конечно же, не единственный. Все скрывают какие-то свои особенности. Всем окружающим вас людям присущи либо садистские наклонности, либо повышенное сексуальное влечение, либо они поддаются тем или иным слабостям. Они скрывают все это внутри себя, они прячут все это за своими костюмами «Армани», изысканной косметикой, теплыми улыбками и вежливым смехом. По-настоящему вы не знаете никого в этом мире, кроме, возможно, самого себя.

Вот почему я рассказываю вам все о себе. Я хочу, чтобы вы знали, какой я. Хочу, чтобы вы знали все. Вам ведь известно о моих крайностях, не так ли? Вам известны мои секреты. Являются ли они моими главными характерными особенностями? Может, вы так считаете, но это неправильно. Я — нечто большее, чем все то, что вы про меня знаете. Это еще не весь я.

Например, знали ли вы, что я никогда-никогда-никогда не обижу ни одно животное?

Знали ли вы, что я помогаю одному из детей в стране третьего мира, отсылая ему по тридцать долларов в месяц? Знали ли вы, что однажды я оплатил похороны своего соседа и установку ему надгробного памятника, потому что у его вдовы не было на это денег?

Ага, после этих моих слов мысли у вас в голове начинают путаться, не так ли? Вы хотите видеть во мне эдакого злонамеренного персонажа, потому что так вам легче меня понимать. Вы не хотите знать, что я могу быть щедрым и сострадательным. Это не вписывается в ваше представление обо мне, использовать которое вам легко и удобно. Это кажется вам очень странным, потому что вы нарисовали меня лишь одной кисточкой, одним цветом, и в вашей умственной палитре нет места для каких-либо других кисточек, цветов и оттенков.

А я вот считаю, что это несправедливо — только и всего. Я отнюдь не рассчитываю, что кто-то станет меня канонизировать, но хотя бы признайте, что я такая же многогранная личность, как и все остальные люди. Я ведь, по крайней мере, снял с себя маску перед вами. И вам нечего сказать мне в ответ, не правда ли?

Офис судебно-медицинского эксперта округа Кук находится в большом бежевом бетонном здании с окнами, которые какой-то архитектор попытался украсить по краям одним или же двумя уголками. Поток холодного воздуха, в который мы попадаем, когда входим внутрь, — это просто прелесть. Я никогда бы не подумала, что так обрадуюсь, заходя в морг: во время нашей короткой поездки сюда от здания чикагского отделения ФБР кондиционер взятого напрокат автомобиля кашлял на нас четверых не прохладным, а теплым воздухом. И если Софи Таламас лишь слегка вспотела и порозовела, то Денни Сассер, Букс и я измучились от духоты и даже стали из-за этого раздражительными.

Дежурный администратор, с виду уставший, приводит нас в маленький конференц-зал без окон. Мы садимся на стулья со слегка потертой обивкой. Я беру журнал «Вог», как будто есть какая-то вероятность того, что я стану его читать.

— Итак, он убил пару человек в Небраске, — говорит Букс. — А затем продавца обуви в Денвере.

— Совершенно верно.

— Куда он направляется на этой неделе, Эмми?

Если бы я знала! Сиэтл? Остин, штат Техас? Берлингтон, штат Вермонт?

Наконец в конференц-зал заходит доктор Олимпия Джейнус. Она симпатичная женщина. Высокая, с хорошей осанкой и самоуверенным взглядом. У нее короткие черные волосы, кое-где с сединой. Она надела простенькие, квадратные черные очки, от которых за шею тянется цепочка со звеньями в виде бусинок. На ней удобные туфли (производства компании «Данско»^[35]), серые брюки классического покроя и голубая хлопковая кофточка.

— Привет, Лия, — говорит Букс.

Денни Сассер встает и тоже здоровается с Олимпией.

— Букс и Денни! Рада вас видеть, — говорит она.

Ее знакомят с теми, кого она еще не знает, все пожимают ей руку. Доктор Олимпия Джейнус — специальный агент ФБР и судебно-медицинский эксперт в одном лице. ФБР не очень-то часто проводит аутопсию самостоятельно, но когда оно это делает, то обычно этим занимается Лия Джейнус. Ей поручали проводить аутопсию после разрушения террористами башен-близнецов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, событий возле Уэйко^[36] и инцидента в Руби-Ридж^[37] — да и вообще во всех случаях, когда проводилось расследование, которому в ФБР придавали большое значение.

Это был мой последний шанс, и это была еще одна уступка Дикинсона — он дал согласие на то, что Лия Джейнус проведет аутопсию двух наших жертв из штата Иллинойс — Джоэль Свэнсон и Кёртиса Валентайна. «Если она заявит, что признаков насильственной смерти нет, — сказала я Дикинсону, — я тихо удалюсь».

Мое сердце начинает биться быстрее по мере того, как она занимает свое место во главе стола и кладет две толстые папки с документами в его центр. Она сосредоточена на деле. Профессионал. Самоуверенная, но совсем не агрессивная.

— Благодарю вас, Денни, за все те дополнительные сведения, которые вы предоставили мне относительно этих двух жертв, — говорит она. — Они мне помогли.

— Я как раз для этого здесь и нахожусь.

В последнее время Денни занимался тем, что собирал всевозможную информацию о

Кёртисе Валентайне и Джоэль Свэнсон, связываясь для этого с различными представителями местных властей и умудряясь находить с ними общий язык.

Лия Джейнус окидывает комнату взглядом и тяжело вздыхает.

— Ну что ж, — говорит она, — кое-какие нюансы этого дела, прямо скажем, сбили с толку некоторых коронеров с безупречной репутацией.

Это хорошо или плохо? Похоже, что хорошо, но...

— За время своей работы я провела более тысячи аутопсий, — говорит она. — Я видела тела людей, которых калечили, терзали, пытали, били, резали и жгли. Я видела всякое, друзья мои, а потому удивить меня невозможно.

Ну и что дальше?

— Однако после осмотра тел Джоэль Свэнсон и Кёртиса Валентайна я испытала чувство, которое вполне можно назвать удивлением, — говорит она.

— Они умерли не от того, что вдыхали дым? — спрашиваю я, будучи уже не в силах сдерживать себя.

— Вообще-то они умерли именно от этого, — говорит она, поворачиваясь ко мне.

Это, конечно же, самое последнее, что мне хотелось бы услышать, но в ее голосе и блеске ее глаз чувствуется что-то такое, что подсказывает мне: игра для меня еще не закончена.

— Однако погибли они не в результате случайности, — говорит она. — Их убили умышленно, причем это были самые хитроумные, тщательно подготовленные и хладнокровные из всех убийств, с которыми я когда-либо сталкивалась.

— Хочу обратить ваше внимание на следующее обстоятельство, — говорит доктор Джейнус. — Если бы я получила эти тела в обычном порядке, не поговорив предварительно о них с вами, вполне возможно, что я пришла бы к такому же выводу, к какому пришли раньше местные судмедэксперты, — то есть решила бы, что смерть носила случайный характер.

Она открывает первую папку и раздает присутствующим копии фотографий и заполненных бланков.

— Тут у нас Кёртис Валентайн, мужчина в возрасте тридцати девяти лет, проживавший в городе Шампейн, штат Иллинойс, и Джозель Свэнсон, женщина в возрасте двадцати трех лет, проживавшая в городке Лайл, штат Иллинойс. — Доктор Джейнус говорит сухим тоном, хриплым голосом — так, как будто она читает что-то такое, что читала уже тысячу раз. — У обоих отчетливые отложения копоти на слизистой оболочке трахеи и спинке языка. Мягкие ткани и кровь в органах красно-вишневого цвета, что обычно наблюдается при уровне карбоксигемоглобина, превышающего 30 процентов, и поэтому свидетельствует о вдыхании угарного газа и цианида в объеме, опасном для жизни. Все эти признаки, как вам известно, позволяют сделать вывод, что погибшие были во время пожара живы и надышались дыма и ядовитых химических веществ, — и это как раз тот вывод, к какому пришли судмедэксперты в округах Шампейн и Ду-Пейдж.

Мы все в знак согласия киваем.

Она делает паузу и смотрит поочередно на каждого из нас так подолгу, что мы начинаем чувствовать себя весьма некомфортно. А ведь заставить нас четверых испытывать такие ощущения после того, что произошло за последнюю неделю, не так-то просто. Она смотрит на нас с таким видом, как будто оценивает выдержку каждого.

— Но вы попросили меня копнуть поглубже, — говорит она. — Поэтому я сделала то, что судмедэксперты обычно не делают. Например, я осмотрела копоть у них во рту, в горле и легких более тщательно. Проанализировала, воздействию каких ядовитых веществ подверглись погибшие. Обычно это, конечно же, угарный газ и синильная кислота. Именно они чаще всего являются главными виновниками смерти, и любой ущерб, причиненный другими отравляющими веществами, трудно отделить от общего нанесенного ущерба. Это вполне логично. Но когда я копнула поглубже, что, как вы думаете, я обнаружила?

— Что? — поспешно спрашиваю я, как очень любознательный студент на лекции, и чувствую при этом, что, с одной стороны, мне очень хочется знать эти жуткие подробности, которые, возможно, подтвердят мое изначальное предположение, но, с другой стороны, мне не хочется это знать, потому что одной из жертв этого монстра была моя сестра. Я не знаю, желание или нежелание заставляет мою голову гудеть, а конечности — дрожать.

— Химический остаток в их легких и горле совсем не такой, какой можно было бы там обнаружить исходя из того, что они лежали на своих кроватях, а вокруг них находились тканевые покрытия, полиуретан, ковры и книги. Что я обнаружила — так это необычно высокую концентрацию сернистого газа, — говорит она. — Гораздо более высокую, чем можно было бы ожидать при обычном пожаре в жилом доме. Похоже на то, что...

Она издает смешок, словно бы извиняясь за то, что сейчас скажет.

— Похоже на что? — спрашиваю я.

Она качает головой.

— На то, что они вдыхали дым, исходящий от горящей шины.

— Горящей шины? — переспрашиваю я.

— Именно. — Она мрачно усмехается. — А я ведь не видела ни в отчетах, ни в дополнительных сведениях ничего такого, что свидетельствовало бы о наличии на месте происшествия горелой резины.

— Совершенно верно. Там ничего подобного не упоминается, — кивает Денни Сассер.

— Но это еще не все, — говорит доктор Джейнус. — Нет никаких признаков ожога трахеи и легких. Дым, который они вдыхали, не был горячим. — Она стучит по столу накрашенным ногтем. — Если бы они вдыхали дым, исходящий от пламени, он обжег бы им трахею и легкие.

— И... и что вы думаете по этому поводу? — спрашивает Букс.

Доктор Джейнус пожимает плечами.

— Неофициально — не для протокола — я сказала бы, что кто-то, по-видимому, имея источник такого дыма, заставил их вдыхать его, чтобы создать иллюзию того, что во время пожара они были живыми, и чтобы благодаря этому любой судмедэксперт пришел бы к выводу, что смерть была вызвана удушьем в результате вдыхания дыма. Однако эти люди вдыхали не тот дым, который образовывался во время пожара. Дым, который они вдыхали, исходил из какого-то другого источника. К тому времени, когда в их домах начинался пожар, они уже были мертвы.

Мы все четверо делаем вдох и выдох так громко, как будто до этого очень долго сидели затаив дыхание. Получается, что химический состав дыма и то, что он не был горячим, исключают всякую возможность того, что Кёртис Валентайн и Джоэль Свэнсон вдыхали дым, образовывавшийся во время пожара. Уже одно это опровергает заключения коронеров в округах Шампейн и Ду-Пейдж.

Я впервые замечаю, что тарабаню пальцами по крышке стола, причем не от нечего делать, по рассеянности, а потому, что все сильнее нервничаю. «Держи себя в руках, — говорю я самой себе. — Тебе необходимо это выслушать. Не думай о ней. Это не про Марту. Это про то, как поймать убийцу».

— Полагаю, это еще не все, что вы можете нам сообщить, — говорит Букс.

Лия Джейнус нервно хихикает.

— Да, это еще не все, — соглашается она. — Если бы это было все, то вчера ночью меня не мучили бы кошмарные сны, имеющие отношение к моей работе. Такие сны я видела впервые за последние двадцать лет.

Мы очень внимательно слушаем, к каким еще выводам пришла доктор Олимпия Джейнус. Но всем понятно, что мы можем записать на свой счет великую победу. Выводы, сделанные коронерами штата Иллинойс, можно вышвырнуть в окно.

Почему же тогда я не испытываю радости? Да потому, что доктор Джейнус сейчас сообщит нам какие-то умопомрачительные (как говорится, слабонервным не слушать!) подробности того, как умирали Кёртис Валентайн и Джоэль Свэнсон — а значит, и того, как была убита моя сестра.

Остальные три члена нашей группы, хотя у них и нет родственников среди жертв этого монстра, реагируют на рассказ доктора Джейнуса примерно так же, как и я: они смотрят куда-то вниз, ссутулились, легонько постукивают ступнями по полу. Нам уже известно, каких высот достигло мастерство этого преступника, теперь же мы узнаем, до каких глубин он опустился в своей порочности.

Джейнус раздает глянцевые фотографии, на которых, объясняет она, запечатлены крупным планом верхняя часть бедра Кёртиса Валентайна и участки вокруг локтей и коленей Джоэль Свэнсон.

— Посмотрите вот здесь на разрывы тканей, — говорит Джейнус. — Разрывы как таковые являются обычным делом при смерти такого рода. Жар, исходящий от огня, приводит к образованию разрывов кожи, поскольку пламя заставляет ее верхние слои высыхать и отслаиваться, а затем более толстый подкожный слой начинает обезвоживаться, сжиматься и разрываться. Разрывы при этом образуются параллельно мышечным волокнам. Вы это видите?

Думаю, что вижу. Человеку в моем положении очень трудно заставить себя внимательно разглядывать подобные фотографии, однако и в самом деле похоже на то, что кожа разрывалась вертикально, обнажая мышечные волокна, тянущиеся в том же направлении. Точно так, если сдирать оболочку с кукурузного початка, становятся видны вертикальные ряды зерен кукурузы.

— Это ключевой момент, — продолжает Джейнус. — Разрывы кожи, вызванные жаром, исходящим от пламени, всегда тянутся *параллельно* мышечным волокнам. Когда разрывы образовались в результате разрезания ножом или каким-либо другим острым предметом, они обычно проходят поперек мышечных волокон. Это главный признак, при помощи которого аутопсия позволяет определить насильственный характер смерти. Нужно просто сравнивать направление разрывов с направлением мышечных волокон. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Да, — кивает Букс. — Итак, вот эти разрывы на коже тянутся параллельно мышцам. Они выглядят так, как будто возникли естественным путем, в результате воздействия жара, исходящего от пламени.

— Правильно. Но если присмотреться, видно, что эти разрывы довольно аккуратные. Под словом «аккуратные» я имею в виду хирургическое качество. Они ровные и симметричные. Попросту говоря, слишком уж они идеальные для того, чтобы можно было считать их возникшими естественным путем. Этот тип действовал умело, — добавляет она. — Он выбирал нужные места с пониманием дела. Эти разрывы находятся на участках тела, которые были почти полностью уничтожены огнем, и не осталось почти ничего, кроме

жирного слоя плоти на обгорелой кости. Или же на участках, на которых на коже полно разрывов, образовавшихся естественным путем. Тот, кто это сделал, имеет глубокие познания в области медицины и твердую руку. Ваш субъект разрезал плоть своих жертв чем-то острым, и он делал это как раз там, где, как ему известно, мы ничего не заметили бы.

Я чувствую, что мои руки опять начали дрожать, и сжожу пальцы вместе, чтобы это не было заметно. Монотонный тихий гул у меня в ушах становится более громким. Я ощущаю себя батареей высокого напряжения.

— Вы слышали, что тело принимает позу боксера, когда его охватывает огонь, да? — спрашивает доктор Джейнус.

Мои мысли опять возвращаются к Марте, сгоревшей в «позе боксера»: ноги и руки согнуты, голова и верхняя часть туловища слегка наклонены вперед. Я закрываю глаза и глубоко дышу.

— При смерти, вызванной пожаром, такое сжатие тела в результате исходящего от огня жара приводит к тому, что вперед выставляются некоторые суставы — такие как запястные, локтевые и коленные, — и частенько происходит обугливание поверхности костей, примыкающих к суставу. В повреждении костей в таких местах не было бы ничего необычного. Однако посмотрите сюда, — говорит она, показывая на локтевой сустав Джоэль. — Я заметила, что вот в этом месте отсутствует часть кости, тогда как глубина обугливания совпадает с глубиной обугливания на близлежащих участках. Складывается впечатление, что часть кости была удалена еще до начала пожара. Окружающая ткань на этом участке сильно обгорела, но при этом видны следы глубоких — до кости — разрывов кожи.

— Объясните более доходчиво, пожалуйста, — говорит Букс.

— Извините. Я хочу сказать, что ваш субъект разрезал кожу, отодвинул в сторону мышечную ткань — или же сделал в ней аккуратные вертикальные разрезы — и отделил кусочек кости еще до того, как они умерли. Короче говоря, он кромсал их плоть на локтях, запястьях и коленях: он разрезал кожу и отделял часть кости. Вообразите себе, что кто-то делает вам хирургическую операцию на колене без применения обезболивающих средств, а вы при этом пребываете в сознании — и вы получите какое-то представление о том, что пришлось вынести этим людям. Причем это было не одно колено, а *оба*, да еще и *оба* локтя и *оба* запястья — так что пережитые ими ощущения следует умножить на шесть.

— Боже мой, боже мой... — шепчет Денни Сассер.

— И он знал, что обнаружить все это будет практически невозможно, потому что эти части тела — из тех, которые больше всего обгорают, когда тело охватывает пламя.

Мои сжатые ладони каким-то образом рассоединились, и руки снова начали судорожно трястись. Только в этот момент я замечаю, что освещение в комнате почему-то стало ослепительно белым, гул в моей голове достиг умопомрачительной громкости, а в воздухе мерзко воняет какой-то гнилью...

— С вами все в порядке? — спрашивает доктор Джейнус — по-видимому, у меня.

Мое лицо становится горячим, в животе у меня урчит...

— Эмми, — окликает меня Букс.

— Я забыла, — говорит доктор Джейнус. — Тут есть родственник одной из жертв...

— Это не важно, — слышу я свой голос. — Продо... продолжайте... Это ведь еще... еще не все... не так ли?

— Да, это еще не все. Дальше пойдет речь о том, чем эти смерти отличаются одна от

другой, — произносит Джейнус. — Хотите верьте, хотите нет, но тут все еще ужаснее.

— Значит, он проделывал не одни и те же манипуляции с этими двумя жертвами? — спрашивает Денни Сассер.

— Не совсем одинаково, — отвечает Олимпия. — Они *оба* вдыхали дым, хотя и неясно, каким образом он заставлял их это делать. Очень болезненные порезы и перепиливание костей возле суставов конечностей тоже имело место по отношению к *обеим* жертвам. Однако на этом сходство заканчивается. Давайте начнем с Кёртиса Валентайна.

Она достает из своей папки два комплекта фотографий.

— Я выявила признаки того, что были повреждены его височные кости, то есть череп. Вы видите, что в черепе в двух местах имеются скопления трещин — вот здесь и вот здесь, — говорит она, показывая на боковые части черепа непосредственно позади виска. — В этом есть что-то необычное? Вовсе нет — такое нередко случается с теми, кто сгорел в результате пожара. Трещины, вызванные исходящим от пламени жаром, очень часто наблюдаются в височной кости непосредственно позади или ниже висков. Они обычно имеют неровные края, расходятся лучами из одной точки, представляющей собой сквозное отверстие, и могут пересекать вот эти черепные швы. Трещины на этом черепе, с какой стороны на них ни смотри, выглядят как самые обычные трещины, вызванные жаром, исходящим от огня, и образовавшиеся уже после смерти этого человека: у них неровные края, и они расходятся лучами из одной центральной точки. Однако, — продолжает она, проводя вдоль трещин незаточенным концом карандаша, — посмотрите на центральные точки этих двух скоплений трещин. Они одинакового диаметра. Одинакового. Какова вероятность того, что два вызванные жаром пламени скопления трещин у одного и того же индивида будут иметь центральные точки одинакового размера? Их диаметр, кстати, совпадает с диаметром обычного пестика для колки льда.

— То есть вы полагаете, что он дважды пробил череп Кёртиса Валентайна пестиком для колки льда? — уточняет Букс. — Причем в тех местах, применительно к которым любой коронер объяснил бы причину их образования жаром, исходящим от пламени.

— Совершенно верно. И в местах, в которых предполагается наличие разрывов кожи. И раз уж мы говорим о разрывах кожи, следует заметить, что точно так же, как он поступал с коленями, локтями и запястьями, он и на черепе делал разрезы на коже параллельно волокнам мышечной ткани, чтобы это было похоже на разрывы кожи, вызванные жаром.

На некоторое время в комнате воцаряется тишина. Все члены нашей группы размышляют над тем, что им только что сообщила премудрая доктор, причем стараются переварить данную информацию так, чтобы их не стошнило.

— С Кёртиса Валентайна сняли скальп, — говорю я упавшим голосом.

— Да, — кивает Олимпия. — Наш субъект проткнул череп мистера Валентайна в двух местах, чтобы было удобно ухватиться за кожу. Затем он сдирал с черепа кожу участок за участком, дюйм за дюймом — так, как чистят апельсин. Куски кожи были оставлены висящими на черепе, и, воспламеняясь при пожаре, они сгорали до такой степени, что причиненный телу ущерб вполне можно было спутать с ущербом, причиненным обычным пожаром.

— Ладно, — говорю я, сама точно не зная, говорю я это Олимпии или же самой себе, чтобы держать себя в руках, заставить сосредоточиться на медицинском аспекте данного

дела и не думать о своей сестре. — И он был... когда это происходило... Кёртис был... Он был...

— Во время всего этого он был еще жив, — говорит Джейнус. — Гистологический анализ ткани показал, что при разрезании кожи на локтях, коленях и запястьях, перепиливании кости и снятии скальпа ткань рядом с местом воздействия набухала, а это происходит только в том случае, если человек жив.

«Не думай об этом. Не думай о ней. Думай об этом деле, об этой головоломке, о том, как ее разгадать. Это не касается лично тебя. Это не касается Марты... Марта. О-о, моя несчастная, моя милая Марта...»

— Действия, которые вы описываете, — это настоящие пытки, — произносит Денни Сассер.

— «Пытки» — это в данном случае недостаточно сильное слово, — говорит Джейнус. — Эмми? С вами все в порядке?

Я открываю глаза и вижу свои ладони. Я и не заметила, как закрыла ими лицо. Разведя руки в стороны, я невольно прищуриваюсь от яркого света.

— Эмми?

Я вращаю указательным пальцем в воздухе, надеясь, что она поймет, что я хочу, чтобы она продолжала, так как я вряд ли смогу произнести что-то членораздельное.

— А Джоэль Свэнсон? — спрашивает Букс. — С нее он скальп не снял?

— Нет, не снял. — Лия Джейнус вздыхает. — Я также заказала подробный гистологический анализ тех сохранившихся образцов ее кожи, которые еще можно было как-то исследовать. Ее кожа и мышечная ткань были почти полностью уничтожены жарким пламенем, но на ее бедрах имеется несколько участков ткани, по которым видно, что ожоги второй степени она получила в тех местах еще до смерти, причем воздействие было достаточно длительным для того, чтобы это вызвало такие виды реакции плоти, как отек, эритему, воспаление и кровотечение. Эти ожоги, по моему мнению, могли быть вызваны ошпариванием.

— Ошпариванием? — спрашивает Денни Сассер. — То есть поливанием кипящей жидкостью?

— Совершенно верно. — Доктор Джейнус прокашливается. — Возможно, он ошпаривал ее снова и снова, но только до уровня ожога второй степени.

— А зачем ему останавливаться на уровне ожога второй степени?

Олимпия удрученно вздыхает:

— Если бы это был ожог третьей степени, все ее нервные клетки погибли бы, и она уже не чувствовала бы боли. А вот ожог второй степени, охватывающий большой участок кожи, наоборот, является постоянным источником ужасной боли. Вы когда-нибудь бывали в ожоговом отделении больницы? Такая боль может отразиться на вашем психическом здоровье и поколебать желание жить. — Она качает головой. — Он точно знал, каким образом сделать боль максимальной.

Теперь прокашливается Букс.

— Значит... он лил на нее кипяток. Разрезал ее плоть возле суставов. Наполнял ее легкие дымом от горячей резины, чтобы вызывать удушье. А затем сжег ее, устроив для этого пожар.

«Только не с Мартой... не с Мартой... Этого с ней не происходило...»

— Пожар позволяет скрыть все то, что он вытворял, — говорит Лия Джейнус. —

Послушайте, я не уверена, что вы понимаете все, что я говорю об объединяющих характеристиках этих телесных повреждений. Прежде всего, каждое из телесных повреждений, которое он причинил, — буквально каждое из них — вполне могло быть результатом воздействия высокой температуры во время случайно начавшегося пожара. Сможем ли мы добиться в суде признания его виновным на основании того, что у нас имеется сегодня? Нет. Слишком много слабых мест. Я твердо убеждена, что мои выводы верны, но толковый адвокат завяжет меня в узел, потому что я никак не смогу доказать, что эти смерти не носили случайный характер... Более того, — продолжает она, — каждое из этих... из этих телесных повреждений причинялось с одной конкретной целью — чтобы вызывать невообразимую боль, но при этом *не* приводило к смерти. Он резал их плоть с мастерством хирурга, не задевая при этом ни одной значимой артерии. Они не истекали кровью, потому что он *не хотел*, чтобы они истекали кровью.

Она обводит всех взглядом.

— Я не знаю, каким образом вам удалось выявить этого монстра и связать эти два убийства. Как бы вы это ни сделали, я аплодирую вам за отличную работу, потому что эти деяния гораздо ближе к идеальному преступлению, чем все аналогичные, с которыми я когда-либо сталкивалась. А еще они — одни из самых омерзительных из всего того, с чем мне приходилось иметь дело. Наш субъект совершил чудовищные зверства и сумел остаться при этом, так сказать, невидимкой.

Доктор Олимпия Джейнус ударяет ладонями по столу и встает.

— Поймите его, — говорит она. — И желательно до того, как он сделает нечто подобное еще раз.

— Сегодня какой день? Среда, двенадцатое сентября? — уточняет Денни. — Он — в середине второй недели очередного периода своей преступной деятельности.

— Именно, — говорит Букс. — И это означает, что, пока мы тут разговариваем, он, возможно, уже наблюдает за своей следующей жертвой.

Привет! Эй, как дела? У меня все хорошо. Да, хорошо.

Я сейчас опять делаю вид, что разговариваю по телефону. Нахожусь я в баре, занимаюсь своим любимым делом: наблюдаю за людьми. А вам нравится такое занятие? Думаю, оно нравится всем, не так ли? Не забавно ли то, что почти каждый из них кажется вам каким-то странным? Но если представить себе, что это не вы наблюдаете за ними, а они за вами, то как, по-вашему, вы показались бы им нормальными?

Как бы то ни было, я снова отправляюсь в поездку завтра, и поэтому сегодня вечером я свободен, но я намерен привести вам пример того, как я делаю то, что делаю, — как я схожусь с людьми, как втираюсь к ним в доверие, как...

[Редакторское примечание: женский голос:]

— Вы писатель?

— Извините. Эй, вы можете повисеть на линии секунду-другую? Со мной кто-то разговаривает. Повисите пару секунд... Извините, что вы сказали?

[Женщина:]

— Я спросила: вы писатель?

— Писатель ли я? А почему вы задаете мне такой вопрос?

[Женщина:]

— Потому что, похоже, вы наблюдаете за людьми и что-то примечаете для себя. Пусть даже вы и делаете вид, что разговариваете по телефону.

— Я не делаю вид, что разговариваю по телефону. Я и в самом деле разговариваю по телефону.

[Женщина:]

— Ну ладно. Извините, что побеспокоила вас.

— Эй, я вам перезвоню, хорошо? Ладно... Ладно, спасибо... До свидания.

[Женщина:]

— Извините, с моей стороны это было бестактно.

— Вы считаете, что я вовсе не разговаривал по телефону?

[Женщина:]

— Телефон у вас какой-то странный, хотя в нынешнее время телефоны могут быть какие угодно. Просто... просто мне не следовало совать свой нос в ваши дела. Да-да.

— Нет, все в порядке, все в порядке. Меня, кстати, зовут Грэм.

[Женщина:]

— А меня — Мэри.

— Мэри-крошка, упрямая немножко.

[Женщина:]

— Бываю и упрямой. А Грэм — это что, английское имя?

— Да, совершенно верно. Что вы пьете, Мэри?

[Женщина:]

— Газированную воду. Так вы писатель или нет?

— Нет, я не писатель. Попробуйте угадать?

[Женщина:]

— Может, вы полицейский?

— Не-а. А что, я похож на полицейского?

[Женщина:]

— Не очень, но вы так рассматриваете людей, что вас вполне можно принять за тайного агента. Вы как будто выслеживаете кого-то.

— А может, я выслеживаю вас, Мэри. Вы совершали что-то такое предосудительное, о чем мне следовало бы знать?

[Женщина (смеясь):]

— Это интересный вопрос.

— О-о, вы меня заинтриговали. Расскажите.

[Женщина:]

— Я пошутила.

— А что вам терять, Мэри? Вы ведь меня не знаете. Я для вас всего лишь какой-то парень из бара. А может, я священник. Исповедуйтесь в своих грехах.

[Женщина:]

— Извините, но я ничего не буду рассказывать о себе. Имею на то право согласно пятой поправке к Конституции США. Извините.

— О-о, с вами становится скучновато. А может, вы станете откровеннее, если я первым исповедаюсь в своих грехах?

[Женщина:]

— Ну конечно.

— Я — серийный убийца. Я записываю свои мысли на псевдотелефон, чтобы сохранить их для последующих поколений. Знаете, чтобы мою деятельность когда-нибудь смогли изучать в ФБР.

[Женщина:]

— Сколько человек вы убили?

— Сотни, Мэри.

[Женщина:]

— Хм... Что-то по вам этого не скажешь. Вид у вас довольно безобидный.

— Именно поэтому я так эффективен в том, чем я занимаюсь. Я обманываю людей. Как, например, вас.

[Женщина:]

— То есть вы одурачиваете меня? Пытаетесь втереться ко мне в доверие?

— Совершенно верно.

[Женщина:]

— А вам не пришло в голову, что это я серийный убийца и что это я одурачиваю вас?

— Думаю, мне лучше быть поосторожнее. Расскажите мне, Мэри, что вы здесь делаете?

[Женщина (хихикая):]

— Такая симпатичная девушка, как я, в таком месте, как это?

— Да, именно это я и имею в виду.

[Женщина:]

— Ну... вы и в самом деле хотите это знать? У меня здесь было свидание. С абсолютно незнакомым мужчиной. Мои друзья захотели свести меня с одним мужчиной, и я

встретилась с ним здесь. Вообще-то я работаю в этом баре, а потому мне показалось, что это подходящее место. Мы с ним выпили, и он ушел.

— Что-то пошло не так?

[Женщина:]

— Нет, все было прекрасно. Он вел себя прилично, это славный парень.

— Вы говорите это так, как будто вы разочарованы, Мэри.

[Женщина:]

— Наверное, немного. Хотя я вроде бы должна искать именно славного парня, не правда ли? По крайней мере, мне все так говорят.

— А вы ищете совсем не такого?

[Женщина:]

— Ну конечно же я хочу, чтобы он был славным парнем. Однако для меня очень важно, чтобы мужчина был... хм, не нахожу более подходящего слова, чем «интересный». И он должен быть не слишком примитивным. Ну, вы понимаете: немного темного, немного остроты.

— Вы ищете эдакого «плохого мальчика»?

[Женщина:]

— Я бы не сказала, что такого уж плохого.

— Но не такого безобидного парня, как я.

[Женщина:]

— Вы, может, и безобидный, но при этом интересный.

— А, ну да. Ну и что же во мне такого интересного?

[Женщина:]

— Давайте просто... оставим эту тему.

— Но мне очень любопытно. Почему вы считаете меня интересным? Поймите, я вовсе не цепляюсь к вам. Нет, не цепляюсь. Давайте договоримся, что не будет никакого флирта. Но, признаюсь, мне хотелось бы это услышать.

[Редакторское примечание: пауза длительностью двадцать семь секунд.]

— Значит, вы собираетесь оставить меня в подвешенном состоянии, да? Вы собираетесь уйти, так и не...

[Женщина:]

— Я просто... Мне просто завтра рано вставать. Но общаться с вами мне было очень приятно, Грэм. Удачи вам как писателю... или как серийному убийце.

— Мэри, Мэри, а вы и в самом деле крошка, упрямая немножко.

[Редакторское примечание: пауза длительностью одиннадцать секунд.]

[Женщина:]

— Ну ладно, так и быть. Вы действительно хотите знать, что я нахожу в вас интересного?

— Да, очень хочу.

[Женщина:]

— Вам это не понравится.

— Ничего, я сейчас морально подготовлюсь к чему угодно.

[Женщина:]

— Ну... Думаю, это что-то в ваших глазах. Вы как будто жаждете чего-то такого, чего у вас нет. Вы, похоже... Ну да, вы, похоже, чем-то встревожены. Надеюсь, что я ошибаюсь...

Мне уже и в самом деле нужно идти. Было приятно познакомиться с вами, Грэм.

[Редакторское примечание: пауза длительностью сорок одна секунда.]

— Мэри, Мэри. Мэри, Мэри. Боже мой!

«Все хорошо... Все хорошо».

Букс снова и снова произносит эти слова мне на ухо таким успокаивающим тоном, каким обычно говорят с ребенком. Я выхожу — молча и пошатываясь — из офиса судебно-медицинского эксперта округа Кук. Букс крепко держит меня за предплечье и тем самым помогает мне сохранять вертикальное положение. Когда мы доходим до нашего автомобиля, я вдруг бросаюсь мимо него к кустам и начинаю блевать. У меня очень сильные, возникающие где-то в глубине горла позывы к рвоте, и я, упершись руками в колени, снова и снова наклоняюсь и извергаю из себя блевотину.

Когда рвота прекращается, Букс дает мне несколько салфеток, и я вытираю губы. Затем он помогает мне дойти до автомобиля и усесться на заднее сиденье.

— Я... прошу прощения. — Это единственные слова, которые я выдавливаю из себя на обратном пути в отель.

Букс, Денни и Софи дружно заверяют меня, что это пустяки.

Но я знаю, что это *никакие не пустяки*. Все изменилось. Я изменилась. Я ведь, можно сказать, увидела вблизи то, что он сделал. Я увидела то, что он сделал с Мартой.

Букс идет вслед за мной в мой гостиничный номер и, не произнося ни слова, заходит туда. Он укладывает меня на кровать и садится на ее край возле меня, положив на нее одну ногу. Его ладонь лежит на моей руке.

— Хочешь чего-нибудь? — спрашивает он. — Может, воды?

Я ничего не отвечаю. Я таращусь на яркие обои и издаю тихий стон.

— Ну давай, скажи это, — шепчу я. Мой голос дребезжит из-за того, что во рту у меня полно мокроты.

— Я не собираюсь этого говорить. — Он идет к раковине и, наполнив стакан водой, ставит его на прикроватный столик возле меня. — По крайней мере до завтра.

«Вот почему нельзя допускать к расследованию человека, который лично в нем заинтересован».

Он предупреждал меня. И он был прав.

— Тебе бы лучше залезть под одеяло, Эмми. Ты вся дрожишь.

— Я дрожу не потому, что мне холодно.

— Я знаю, знаю.

Его ладонь гладит мою руку — гладит почти нежно, почти так, как мужчина гладит руку любимой женщины. Когда-то *давным-давно* он много раз гладил меня подобным образом, но только чуть медленнее и чуть сексуальнее.

— Все хорошо, — повторяет он еще раз. — Думай о том, что все хорошо.

Я закрываю глаза в знак признательности. Мои мысли переключаются на то, что сообщила нам Олимпия Джейнус. На нашем расследовании, можно сказать, поставили штамп «УТВЕРЖДАЮ».

— То, что сказала там Лия, — это правда, Эмми. Работу, которую ты выполнила ради того, чтобы раскрыть эти преступления, вполне можно назвать блестящей. Ты проделала всю ее сама. Ты боролась с течением, плыла против него. Да нет, ты боролась с целым водопадом. Даже я сомневался в твоей правоте. А ты была абсолютно права. И вот теперь мы можем задействовать все наши ресурсы, чтобы поймать этого типа. Мы обязательно его

поймаем, Эм.

Я привстаю и сажусь на кровати, чувствуя при этом легкую тошноту и головокружение.

— Где мой лэптоп?

Букс выставляет в мою сторону руку.

— Не сегодня вечером, Эмми. Тебе нужно отдохнуть.

— Нет...

— Послушай меня, Эмили Джин. Ты всего лишь человек. Ты довольствовалась несколькими часами сна в сутки на протяжении нескольких недель — а может, и месяцев, — а сегодня вечером ты получила настоящую психическую травму. Устрой себе перерыв. Ради успешного продолжения нашего расследования ложись сегодня спать пораньше. Завтра я пригоню сюда с десятков агентов. Теперь в нашем распоряжении будут все ресурсы ФБР. Если ты и в самом деле хочешь поймать этого субъекта, сначала тебе необходимо позаботиться о себе самой.

Букс, как обычно, понимает меня лучше, чем понимаю себя я сама. Я резко опускаю голову на подушку и начинаю таращиться на потолок.

Букс приглушает свет.

— Я буду спать здесь, в этом кресле, — говорит он. — Я проведу рядом с тобой всю ночь, хорошо?

— Спасибо тебе, — соглашаюсь я.

Он больше ничего не говорит. У меня возникает ощущение, что какое-то течение несет меня вдаль. Мои отяжелевшие веки плотно смыкаются. Я знаю, что сон у меня сегодня будет тревожным. И я знаю, *что* мне приснится.

— Мы обязательно его поймаем, Эм, — слышу я слова Букса. — Просто помни об этом.

Перед моим мысленным взором возникает Марта. Я снова вижу все то, что пыталась отогнать от себя с того момента, когда Лия Джейнус стала подробно рассказывать о зверствах нашего субъекта. Теперь, засыпая, я уже не могу отогнать эти видения. Нож в ее коленную чашку, пестик для колки льда в ее череп, кипяток из чайника на ее тело...

— Я хочу... не просто поймать его, — бормочу я. — Я хочу его убить.

На меня смотрят не отрываясь девятнадцать пар глаз — двенадцать агентов и семь аналитиков. Я уже заканчиваю свое выступление, в ходе которого продемонстрировала карты с синими и красными звездочками и изложила свое понимание стиля преступной деятельности нашего субъекта: два убийства каждую неделю начиная с Дня труда и где-то до Нового года. В весенние и летние месяцы — меньшая интенсивность.

— Вопросы? — спрашиваю я. — Комментарии?

Я обвожу аудиторию взглядом. Я знаю лишь немногих из этих агентов. Одни прибыли сюда из здания Эдгара Гувера, а другие — из чикагского отделения ФБР. Букс же не знает вообще никого из вновь прибывших, хотя он сам был агентом на протяжении более десяти лет.

Теперь Букс руководит расследованием. Он разделил этих агентов на группы, назначил в каждой из них старшего и вменил в обязанность докладывать ему, Буксу, каждый вечер о том, что сделано за день. Одна группа занимается новыми пожарами, о которых нам становится известно, и отвечает за быстрое реагирование на них — ведь чем раньше мы побываем на месте очередного преступления, тем эффективнее будет вестись расследование (есть еще и прямо-таки фантастическое предположение, что мы, возможно, явимся на место какого-нибудь очередного преступления так быстро, что сумеем схватить нашего субъекта еще до того, как он уедет из города). Еще одна группа займется уже произошедшими пожарами: она проанализирует совершенные убийства, расспросит различных людей и проведет исследования, чтобы получить характеристики подозреваемого и определить стиль его преступной деятельности.

Кроме того, две группы будут заниматься последними пожарами, после которых еще, так сказать, не остыли обгоревшие трупы, а имеющиеся улики пока свежи. Группа «Небраска/Колорадо» подключится к расследованию убийства Лютера Фигли и Тэмми Даффи, совершенного на прошлой неделе в Гранд-Айленде, штат Небраска, и убийства Чарльза Дэйли в Лейквуде, штат Колорадо, произошедшего двумя днями позже.

Тем временем группа «Иллинойс» проведет расследование убийства Кёртиса Валентайна в Шампейне и Джоэль Свэнсон в Лайле. В эту группу входит наша четверка, с самого начала занимающаяся данным делом, — Букс, Денни, Софи и я, — и еще несколько человек.

Один из агентов, сидящих в дальней части комнаты, встает со стула. Это мужчина с волосами песочного цвета, одетый в темно-серый костюм. Даже когда я просто двигаю глазами, чтобы посмотреть на него, я морщусь от боли. То ли малюсенькие гномики долбят мои глазные яблоки изнутри отбойными молоточками, то ли у меня сейчас просто самая ужасная головная боль за всю мою жизнь. Я едва пережила эту ночь беспокойного сна, жутких кошмаров и не отпускающей меня тошноты.

— Итак, мы предполагаем, что он живет здесь, на Среднем Западе, и что этой осенью он разъезжает по стране.

— Совершенно верно.

— Какой вид работы позволяет человеку находиться дома весной и летом, но вынуждает его куда-то ездить практически каждую неделю осенью, причем все время в разные места?

Я пожимаю плечами.

— Не уверена, что его поездки обязательно связаны с работой. Более того, я думаю, что они никак с ней не связаны.

— А почему? — Агент с вызывающим видом смотрит на меня. — Ведь это самое логичное предположение. Он — водитель-дальнобойщик, или коммивояжер, или что-то в этом роде. В таком случае у него имеется вполне понятное всем объяснение того, почему он разъезжает по стране. Разве это не самое логичное предположение? Именно так я поступил бы на его месте. На тот случай, если бы я попал на допрос в полицию, я хотел бы иметь возможность доказать, что у меня было основание побывать в этих городах.

— Он не стал бы так делать, — говорю я.

— Неужели? Хм, он не стал бы так делать. А, собственно говоря, почему?

Агент поджимает губы с таким видом, как будто пытается подавить улыбку, и смотрит по сторонам. Типичная бравада специального агента: «Вы только посмотрите на этого глупенького аналитика, пытающегося изображать из себя спецагента. Ну, давайте, барышня, поделитесь с нами своей мудростью!»

— А вы подумайте о том, насколько наш субъект педантичен, — отвечаю я. — Вспомните о медицинских нюансах, которые обнаружила Лия Джейнус. Вспомните с хирургической точности, с какой он пытал людей, стараясь сделать все так, чтобы никто даже не заподозрил, что это было убийство. Он ни за что не захочет быть привязанным к документальным уликам, по которым можно отследить его перемещения неделя за неделей, всего лишь просмотрев заказы на выполнение работы или уведомления об отправке. — Я качаю головой и начинаю расхаживать туда-сюда. — Проанализировав стиль убийств, совершенных в период со Дня труда две тысячи одиннадцатого года и до конца этого года, мы знаем, что преступник ездил каждую неделю в какой-то город, убивал двух человек и обязательно возвращался в свое логово, находящееся где-то на Среднем Западе, прежде чем снова отправиться куда-то на следующей неделе. По всей видимости, он совершал свои поездки на автомобиле. Это вполне обоснованно, поскольку вряд ли ему хотелось оставлять после себя след в виде билета на самолет. Он мог ездить и на поезде, но это медленнее. Не всегда можно напрямик попасть в желаемое место, да и, опять же, остается след. Готова поспорить, что он ездит на собственном автомобиле, а не на взятом напрокат, — опять же для того, чтобы не оставлять следов. Я даже осмелюсь предположить, что он платит наличными за все, за что ему приходится платить во время его поездок, — за бензин, еду, даже за проживание в отелях. Этот человек предпринимает столько усилий ради того, чтобы пытать людей и чтобы результаты его действий никому не показались потом результатами пыток. Он, например, каким-то образом наполняет их легкие дымом от горящей резины и причиняет им ужаснейшую боль так, чтобы все это выглядело как результат воздействия огня при пожаре. Так вот, такой человек не будет настолько беспечным, чтобы быть привязанным к какой-либо работе. Готова поспорить, — говорю я со вздохом, — что, даже если мы найдем этого субъекта, мы не сможем доказать, что он находился в одном из этих городов в то или иное время или хотя бы что он уезжал из своего дома.

Агент, смотревший на меня с усмешкой, уже больше не усмехается, но и так просто сдаваться ему не хочется.

— Вы предлагаете нам даже и не пытаться проводить расследование в данном направлении?

— Нет, я этого не предлагаю. Пожалуйста, проводите. Я всего лишь высказываю свое мнение.

— Но давайте все же начнем со сделанного Эмми предположения, — вступает в разговор Букс, — а именно предположения о том, что наш субъект принимает все возможные меры для того, чтобы не оставлять после себя документальных улик. Он не использует кредитные карточки, не берет напрокат автомобили и так далее. Но это еще не означает, что он не оставил никаких улик такого рода, не так ли? — Букс обводит взглядом комнату. — Что касается убийств, совершенных прошлой осенью, — говорит он, — в каждом городе, где он убивал людей, проверьте все близлежащие отели и выясните, кто в тот период рассчитывался за проживание наличными. Ведь при поселении в отель полагается показывать какой-то документ, не правда ли? Проверьте штрафные талоны, выписанные в тот период на автомобили с номерными знаками других штатов. Он вообще-то должен был иметь при себе довольно толстую пачку налички, не так ли? Поэтому, прежде чем покинуть свой город, он, возможно, каждую неделю снимал большую сумму в каком-нибудь банке или банкомате. Давайте поищем это применительно к каждой неделе прошлой осени — снятие в середине недели больших сумм (по-видимому, более тысячи долларов).

Я чувствую, что у всех у нас прилив энергии. Хорошо. Очень хорошо. Так много умных и одаренных людей, объединяющих свое усилия, — ну конечно же, мы до чего-нибудь додумаемся.

Наконец-то. Мы уже не тратим свое время на то, чтобы оглядываться назад и пытаться доказать, что было совершено преступление. Теперь мы смотрим только вперед и стараемся раскрыть каждое преступление.

— Мы надеемся, что скоро составим психологический портрет преступника, — говорит Букс. — А пока что... Каждый вечер руководители групп в шесть часов по центральному стандартному времени участвуют в нашей видеоконференции. — Он хлопает в ладоши. — Давайте поймаем этого негодяя!

В 3 часа 57 минут таверна заполнена уже на три четверти. В одном углу здесь расположена стандартная — длиной во всю стену — стойка бара, рядом с которой есть свободное пространство с несколькими маленькими столиками для напитков посередине. У противоположной стены стоят обеденные столы. Посетители в основном молодые люди, многие из них лишь недавно достигли возраста, когда уже разрешается употреблять спиртные напитки (то есть двадцати одного года). Есть здесь и люди постарше — наверное, студенты, которые учатся в магистратуре. Официантки снуют туда-сюда сквозь толпу, держа в руках подносы с кружками пива и спиртными напитками покрепче. Возможно, звучит громкая и энергичная музыка, но у нас нет аудиозаписи, а имеется только не очень качественная черно-белая видеозапись со стандартной камеры видеонаблюдения, установленной в углу помещения. Эта запись была переписана на компакт-диск, который сейчас крутится в ноутбуке Софи Таламас.

Мы вчетвером — Букс, Денни, Софи и я — сгрудились возле экрана компьютера. Денни показывает ручкой на мужчину, идущего сквозь толпу к обеденным столам. На видеозаписи, сделанной неподвижной камерой, установленной почти под потолком в дальней части бара, довольно хорошо видно этого мужчину, который движется через центральную часть экрана в сторону его правого нижнего угла. Мужчина низкого роста, с широким тазом. Он в черной рубашке и черных джинсах, волосы собраны в хвост на затылке. Уже стареющий хиппи.

— Это Кёртис Валентайн, — говорит Денни.

Мое сердце трепещет. Есть что-то волнующее в наблюдении за этим человеком, движущимся с такой заурядной непринужденностью. Он идет вразвалочку, аккуратно держа в руке кружку пива и направляясь к какому-то столу. Он даже не подозревает, что жить ему осталось лишь несколько часов — часов, которые станут для него невероятно мучительными.

Данная запись поступила к нам из таверны «Беннис» в городе Эрбана, штат Иллинойс. Сделана она была двадцать девятого августа, то есть в тот день, когда Кёртис Валентайн был убит.

Валентайн продолжает двигаться к правому нижнему углу экрана, пока не исчезает из виду. Он направляется к столику в углу помещения — разумный выбор для того, кто пришел сюда с кем-то встретиться. К сожалению, камера видеонаблюдения не захватывает этот угол — она направлена на переднюю часть заведения, а именно вход и стойку бара, где находится кассир. Собственники бара хотят присматривать за барменами и — что более важно — за деньгами.

— Прощайте, мистер Валентайн, — говорит Денни, когда Валентайн исчезает из нашего поля зрения. — Софи, перекрутите, если вам не трудно, на шестнадцать ноль-четыре.

Софи, выполняя просьбу коллеги, перематывает видеозапись на семь минут вперед, то есть на 16:04.

— Обратите внимание на вход, — говорит Денни, показывая на верхний левый угол экрана.

В комнате становится тихо. Букс прокашливается.

— Вот, — говорит Денни, когда дверь бара открывается.

Заходит какой-то мужчина. Мы видим на экране его профиль справа. У правого уха он

держит телефон, который частично скрывает его лицо. На голове у мужчины бейсболка, от козырька которой на лицо падает тень. Очки являются уже третьим элементом, мешающим рассмотреть лицо. Зернистая видеозапись тоже этому отнюдь не способствует. Но кое-что разглядеть нам все же удастся: белый, возможно, лысый, среднего роста. Синяя ветровка не скрывает его довольно большого пуза.

— Это и есть наш субъект, — говорит Денни.

Больше никто ничего не говорит. Воздух будто наэлектризован. Вот он — тот субъект, который нам нужен. Я вижу человека, за которым охочусь уже несколько месяцев, причем вижу его, как мне кажется, так близко, что едва подавляю в себе желание протянуть руку к экрану и схватить этого мерзавца.

Вот он — человек, который снова и снова убивал и оставался безнаказанным. Вот он — человек, который совершил такие ужасные зверства, что даже выдавшие виды члены комиссии ООН по нарушению прав человека были бы потрясены, узнав о них.

Вот он — человек, который убил мою сестру.

— Привет, подонок, — говорит Букс экрану компьютера.

Этим словом Букс всегда называл преступников, которых пытался поймать — будь то грабитель банков, похититель людей или серийный убийца. В этом слове чувствуются отвращение и — что в данном случае более важно — пренебрежение и презрение. Букс этим словом как бы дает понять своим людям — сознательно или подсознательно, — что он, Букс, не боится этого человека, а потому и им не следует его бояться.

На экране видно, что этот мужчина — наш субъект, убийца, который, возможно, является самым злонамеренным типом из всех, кто ходит-бродит по этой планете, — продолжает разговаривать по телефону, слегка наклонив голову и время от времени прижимая левую ладонь к левому уху.

— Нам не повезло, что он разговаривает по телефону, — говорит Софи.

— Невезение тут ни при чем, — возражает Букс. — Он просто знает, где находится камера видеонаблюдения. Он маскируется как только может, но так, чтобы никто не заметил, что он это делает.

Наш субъект идет сквозь толпу, и в течение еще некоторого времени мы видим его профиль справа. Иногда на пару мгновений мы теряем его из виду, по мере того как он пробирается сквозь толпу. Наконец он поворачивается, и на секунду его лицо оказывается обращенным почти прямо к камере. Затем он направляется в дальнюю часть таверны — то есть к нижней части экрана.

— Пауза, — говорю я, но Софи и сама уже нажимает на кнопку.

Экран застывает и лишь иногда подергивается. Это самый лучший стоп-кадр с его лицом, который у нас имеется, но он не очень-то качественный. Наш субъект стоит лицом к нам, но его голова слегка наклонена вперед. Он разговаривает по телефону (или просто делает вид, что разговаривает). Козырек его бейсболки скрывает глаза, оставляя видимыми для нас нос, рот и подбородок.

— Да, он знает, где находится видеокамера, — снова говорит Букс. — Давайте посмотрим, что там дальше, Соф.

«Соф, — мимоходом мысленно отмечаю я. — Соф, а не Софи».

Когда экран снова оживает, наш субъект, все еще держа голову слегка наклоненной, идет туда, где находится Кёртис Валентайн. Мы впервые отчетливо видим, что наш субъект несет сумку, которую он повесил на левое плечо. В ней, несомненно, лежат его орудия преступления. Мы уже вполне обоснованно можем предположить, что это пестик для колки льда, хирургические инструменты, емкость с бензином, противогаз. Возможно, еще «Тазер».^[38] Возможно, еще и огнестрельное оружие.

Как только наш субъект доходит до правого угла экрана, он поднимает голову и, насколько я могу видеть, заканчивает телефонный разговор и начинает разговаривать с Кёртисом.

Но к этому моменту он оказывается уже вне поля зрения, обеспечиваемого камерой.

— Черт побери! — говорю я.

— Можете смотреть и дальше, если хотите, — говорит Денни, — но он не появится в поле зрения до того момента, когда они уже будут уходить в семнадцать ноль-три. И не надейтесь увидеть многое.

Софи перематывает видеозапись на большой скорости на этот момент. Когда Кёртис Валентайн и наш субъект уходят вместе из бара, Кёртис находится справа от него. Наш субъект теперь удаляется от нас. Кроме того, он повернул голову направо, чтобы было удобнее разговаривать с Кёртисом. Все, что мы теперь видим, — это заднюю часть его головы, бейсболку и ветровку. По мере того как эти два человека идут через бар к входной двери — то есть к верхнему левому углу экрана, — наш субъект все время умудряется не поворачиваться лицом к камере видеонаблюдения, причем делает это вполне естественно.

— Он неплохо действует, — говорит Букс.

— Об этом мы уже знаем. Софи, вы можете вернуться к тому стоп-кадру, на котором более-менее видно его лицо?

Все изображаемые на экране люди начинают двигаться назад с неестественно большой скоростью. Это вызывает у меня воспоминания о видеозаписях из моего детства, на которых запечатлено, как мой отец учил меня и Марту ходить, когда нам было по году от роду. Это видео мы смотрели десятью годами позднее на Рождество. На нем мой папа уговаривает нас сделать несколько шагов, затем выпускает наши руки и предоставляет нас, двух сестер-близняшек, самим себе. Мы с Мартой шагаем вперед тяжело и неуклюже — так, как ходят пьяные матросы, — а затем обе падаем назад, на мягкое место. Я помню, как смотрела все это с папой, мамой и Мартой, и папа снова и снова перематывал пленку назад на высокой скорости, а потому на экране мы с Мартой вдруг резко поднимались с пола, а затем шли назад — к протянутым рукам нашего папочки. Мы громко смеялись, когда папа раз за разом прокручивал пленку на видеомagneтoфoне то назад, то вперед. Мы были детьми, и папа знал, на какие наши «кнопки» нужно нажать, чтобы нас развеселить. Свет в нашей общей комнате был тускловатым, отчего она казалась более уютной. Я попивала яичный коктейль (Марта ненавидела яичный коктейль, а я его обожала). От потрескивающего в камине огня исходило тепло. Возле камина в течение всего нашего детства висели чулки, в которые нам на Рождество клали подарки...

— Здесь, — говорит Букс.

Экран замирает. Софи пытается увеличить масштаб изображения, но при таком низком качестве слишком большой масштаб делает изображение еще более расплывчатым. Софи то увеличивает, то уменьшает масштаб, пока не находит наиболее подходящий вариант.

На нем практически невозможно рассмотреть глаза нашего субъекта, но кое-что все-таки видно: очертания лица, длинный тонкий нос. Даже под ветровкой можно примерно определить его телосложение: покатые плечи, узкое туловище. Это уже кое-что. Все мы стараемся запомнить то, что сейчас видим, и задаемся вопросом, сможем ли узнать этого человека, если где-нибудь столкнемся с ним.

«Да», — решаю я для себя, но это скорее говорит мое упрямство. Кто знает, действительно ли наш субъект лысый? Кто знает, действительно ли у него выступающий вперед живот? Те сведения, которые уже удалось собрать об этом человеке, подсказывают нам, что он наверняка прибегнет хоть к какой-то маскировке. Добавить на его голову немного светлых волос, снять с него очки, нацепить костюм и галстук, убрать верхнюю одежду, свободную в области живота, — и он, пожалуй, пройдет мимо каждого из нас незамеченным.

Впрочем — черт побери, давайте в этом признаемся! — он вполне мог бы пройти мимо нас и в той же самой одежде, в которой был тогда в баре, и все равно остаться незамеченным. Ибо он выглядит именно так, как и хочет выглядеть, — самый что ни на есть

обычный мужчина в возрасте тридцати с лишним лет. Неприметный, ничем не запоминающийся человек.

Человек, который абсолютно нормален. Человек, который безобиден.

Букс вместе со стулом отодвигается от рабочего стола, на котором стоит компьютер. В выражении его лица чувствуется легкое разочарование. Денни предупреждал нас, что на этой видеозаписи мы увидим немного, но тем не менее мы все же надеялись, что сможем разглядеть нашего субъекта. Теперь адреналин начинает постепенно убывать.

— Мы попросим технических спецов заняться этой записью прямо сейчас и попытаться улучшить ее качество, — говорит Букс, вздыхая и стараясь избавиться от охватившего его нервного напряжения. — Но я сомневаюсь, что они смогут добиться такого качества, которое позволит нам рассмотреть черты лица.

Он прав. Я не очень-то хорошо знакома с технологией распознавания лиц (аналитики, которые обрабатывают разведывательные данные, собираемые в целях обеспечения национальной безопасности, обладают гораздо бóльшим опытом в данном вопросе), но сталкивалась с ней достаточно часто для того, чтобы осознавать пределы ее возможностей. Фотография субъекта в профиль не даст нам много информации, и даже на таком вот снимке анфас мы не сможем определить цвет его глаз и рассмотреть основные черты его лица — разрез глаз, форму носа, скул. Невозможно также разглядеть, какая у него кожа — кремового цвета или темнее.

Он попросту не позволял видеокамере запечатлеть его достаточно хорошо.

Букс трет лицо ладонями.

— Сегодня утром мы получили ордер на обыск, чтобы можно было осмотреть компьютеры Кёртиса Валентайна, — говорит он. — К концу дня они будут уже в нашем распоряжении. Значит, очень скоро мы узнаем имя человека, с которым Кёртис договорился встретиться, — то есть имя, которое использовал наш субъект. Мы продвигаемся вперед, ребята!

Я хмыкаю, тем самым выражая пессимизм. Однако Букс прав: ФБР официально признало эти пожары убийствами только лишь два дня назад, а мы уже начинаем получать кое-какие результаты.

«Если бы мы только продвигались вперед побыстрее», — мысленно говорю я себе — говорю уже не в первый раз и даже не в десятый. Эта фраза, словно строчка из припева какой-нибудь популярной песни, снова и снова мелькает у меня в мозгу. Меня сильно удручает то, что все эти проволочки приводят к все новым и новым смертям.

Я снова смотрю на застывший экран — на расплывчатый черно-белый стоп-кадр, на котором изображен наш субъект. Пожалуй, он насмехается над нами, подходя довольно близко к камере видеонаблюдения, но не позволяя ей хорошо запечатлеть его анфас, поскольку он точно знает угол, под которым...

Подождите-ка!

— Он уже бывал здесь, — говорю я. — Ты сам сказал это, Букс. Ты сказал, что он знал, где находится видеокамера, когда заходил внутрь помещения.

— В тот день его там раньше не было, — говорит Денни. — Мы просмотрели запись за весь день.

— Значит, он приходил туда накануне, — говорю я.

— Могло быть и так, — говорит Букс, медленно кивая. — Ну да, конечно могло.

Я вскакиваю со стула и направляюсь к свободному от мебели пятачку. Когда я

волнуюсь, мне хочется ходить туда-сюда — как будто мой мозг не сможет выдавать идеи, способствующие продвижению вперед, если не станут идти вперед мои ноги.

— Он заходил и осматривал это помещение. Он, наверное, сел возле стойки бара и внимательно наблюдал за тем, что происходит вокруг. Возможно, при этом он был одет совсем по-другому.

Букс бросает взгляд на Денни.

— Да, этим занимался я, — говорит тот. — Не знаю, сохранилась ли у них видеозапись за предыдущий день. Вообще-то нам повезло, что у них сохранилась видеозапись от двадцать девятого августа. Я проверю прямо сейчас.

Денни достает свой сотовый телефон и выходит из комнаты. Букс ловит мой взгляд и с торжественным видом мне кивает.

— Мы продвигаемся вперед, — говорит он. — Еще немного времени — и выплывет что-нибудь крупненькое.

— Это хорошо, потому что еще немного времени — и он опять кого-нибудь убьет, — говорю я. — Может, сегодня или завтра.

Скажи это, Нэнси. Скажи это, чтобы слышали все мои друзья.

[Редакторское примечание: еле различимые звуки женского голоса.]

Ты поверила мне. Ты, когда я подошел к двери, и в самом деле поверила, что я продаю печенье «Герлскаут». Если это не является доказательством моего мастерства, то я тогда не знаю, что вообще может им являться!

Ну ладно, по правде говоря, я прибег к простенькой хитрости и сказал, что моя дочь болеет дома гриппом и что при этом сегодня последний день, когда она должна отчитаться о своих продажах, а потому не могу ли я продать вместо нее немного печенья? И у меня действительно имелась с собой коробка печенья с мятой.

Ох, ну что за день! Солнце светит, птицы щебечут, листья падают, воздух чистый и свежий, и мы с Нэнси постепенно узнаем друг друга все лучше и лучше. Ну как мне не почувствовать себя счастливым? Конечно же я счастлив.

С чего же та Мэри-крошка-упрямая-немножко взяла, что я чем-то встревожен, а? Она ведь ничего обо мне не знает. «Что-то в ваших глазах, — сказала она. — Вы как будто жаждете чего-то такого, чего у вас нет». Чего, черт побери, я жажду такого, чего у меня нет? Я, слава Богу, обладаю крепким здоровьем. Я обожаю этим заниматься. И делаю это идеально. Чего еще в жизни можно желать?

У тебя есть какие-нибудь мысли по этому поводу, Нэнси? Пожалуй, трудно что-то говорить, когда на тебе противогаз. Ну ладно, не переживай, для тебя это уже почти закончилось. Еще совсем немножко...

[Редакторское примечание: свистящий звук.]

О-о, эй! Ты слышишь этот звук, Нэнси? Не уходи никуда, я сейчас вернусь!

Она милая женщина, эта Нэнси. Очень приятная и любезная. Она родила, когда была еще совсем молодой, и поэтому, хотя ее сын уже учится в колледже, ей только-только перевалило за сорок. Разведена, ни с кем не встречается. Разведенка. Интересно, а в народе все еще используется это слово — «разведенка»?

Больше всего в своей жизни Нэнси боится, что ее сын — его зовут Джозеф — не встретит свою половинку. Она говорит, что у него проблемы в отношениях с девушками. Похоже, он пережил бурные времена, когда учился в средней школе. Тогда, наверное, не обошлось без наркотиков и задержания за мелкие кражи в магазине. Ее бывший муж тоже приложил руку к этой проблеме, поскольку он не выполнял своих обязанностей по материальному обеспечению ребенка и не очень-то часто общался с юным Джоуи. Однако теперь у Джоуи все складывается неплохо и он надеется стать когда-нибудь консультантом по избавлению от привязанности к наркотикам.

Кстати, не хочется, конечно, долдонить об одном и том же, но если кто-нибудь и *встревожен*, так это Мэри-крошка-упрямая-немножко. Когда я встретился с ней, у нее только что закончилось свидание с незнакомым мужчиной. Женщина, настолько одинокая, что соглашается на свидание с человеком, которого еще никогда даже не видела, вдруг говорит *мне*, что я, похоже, чем-то встревожен?

Я не встревожен.

Ну, давайте же, я почти слышу, как вы говорите это. «Он буквально излучает печаль. Ему становится легче, когда он причиняет страдания другим людям. Их боль — это его лекарство».

Извините, но это не так. Однако спасибо за то, что высказались! Что у нас есть для лузеров, Джонни? Во-первых, экземпляр Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам четвертого издания, предоставленный нашим спонсором — Американской психиатрической ассоциацией. В этой ассоциации, мне кажется, действует лозунг: «Если у вас есть какая-то проблема, мы придумаем для нее название».

И это еще не все! Затем они получают экземпляр книги доктора Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений», в которой изложены катартические откровения относительно зависти к пенису, страха кастрации и эдипова комплекса. Пусть доктор Фрейд решит вашу проблему уже сегодня! А если он не сможет этого сделать, то не переживайте! Он спишет все на ваши неудовлетворенные сексуальные желания по отношению к вашей матери.

Нэнси, Нэнси! Я вернулся. А вот и наш друг чайник! Теперь посиди спокойненько, дорогая. Боюсь, тебе будет больно.

Я слышу, как на другом конце телефонной линии кто-то стучит пальцами по компьютерной клавиатуре. Затем сержант Роджер Бурцос из полицейского управления Нью-Бритена говорит мне:

— Хорошо, госпожа Докери. Я вижу подтверждение, что у вас есть допуск. Скажите мне еще раз, что вам нужно?

— В вашем городе сегодня вечером произошел пожар.

— Да, ну и что?

— Я хочу, чтобы вы направили кого-нибудь на место происшествия...

— Мы уже направили туда несколько сотрудников.

— Прекрасно. Пусть они спросят у пожарных, сколько было жертв и где именно в доме находились эти жертвы.

Пауза. Не знаю, записывает ли он мою просьбу или выражает молчанием свое негодование по поводу этой самой просьбы.

— А еще пусть они поговорят с соседями и выяснят, сколько людей проживает в этом доме.

— Хорошо, госпожа Докери. Будет сделано.

— Мне необходимо получить от вас эту информацию сразу же, как только она у вас появится.

— Понял.

Сегодня вечером это уже мой третий телефонный звонок такого рода после того, как я узнавала о пожарах в жилых домах из электронных писем с экстренными сообщениями или на веб-сайтах, где публикуют самые свежие новости. Нам известно, что наш субъект устраивает по два пожара в неделю в каждом из регионов, которые он посещает во время своего «осеннего турне». Мы хотим идентифицировать первый из двух пожаров как можно быстрее, чтобы быть наготове, когда произойдет второй. Будет ли от этого какой-либо прок, это уже следующий вопрос, но попытаться стоит.

Поэтому я выясняю в режиме реального времени точное местоположение этих пожаров. Раньше, когда я действовала одна, я звонила в полицейские управления на следующий день, а то и через несколько дней. Теперь же я делаю это сразу, как только узнаю о пожаре.

Скоро уже полночь. Истекают последние минуты пятницы. Мне все труднее быть внимательной. Мои веки норовят сомкнуться. Руки и ноги ноют. Мое состояние усталости уже на три уровня превысило категорию «невыспавшаяся», и сейчас я где-то между категориями «оцепеневшая» и «похожая на зомби».

Но мне нужно продолжать эту игру. Потому что именно сегодня ночью *это* должно произойти. Проанализировав предыдущие события, мы пришли к такому выводу. Он, как нам известно, никогда не убивает по воскресеньям. Второе убийство в очередную неделю он обычно совершает в субботу. Это означает, что первое убийство совершается им в какой-то предыдущий день недели — как правило, в четверг, но иногда и в среду (как, например, убийство Лютера Фигли и Тэмми Даффи в штате Небраска), но не позднее пятницы. Поэтому *это* должно произойти сегодня.

Я отодвигаюсь вместе со стулом от своего рабочего стола, стоящего в одном из помещений на восьмом этаже в здании чикагского отделения ФБР. Я выгибаю спину и трясусь

кистями.

Затем иду в соседнюю комнату, где работает Букс. Он только что вернулся из Лайла, где находился дом Джоэль Свэнсон.

— Есть что-нибудь интересное? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— В дом никто не вламывался, — говорит он. — Значит, он каким-то образом проник туда с ее согласия. Точно так же, как он поступил с Кёртисом Валентайном. Этот тип, наверное, чародей.

Я содрогаюсь при этой мысли, но Букс, возможно, прав.

Звонит мой сотовый. Номер того, кто звонит, не определяется — значит, это представитель правоохранительных органов. Мне могут звонить из одного из трех мест: сегодня вечером я уже успела обзвонить полицейские управления в городах Нью-Бритен, штат Коннектикут, Фергус-Фолс, штат Миннесота, и Камбрия, штат Калифорния.

— Госпожа Докери, это звонит сержант Бурцос из полицейского управления Нью-Бритена.

Ого, довольно быстро!

— Какие-то новости, сержант?

— Оказывается, мои ребята там, на месте, уже располагают такой информацией. Вы готовы?

— Да, готова.

Я возвращаюсь к своему компьютеру. Мои руки висают над клавиатурой.

— Ее зовут Нэнси Мак-Кинли. Жила одна. Она разведена, у нее есть сын по имени Джозеф, который учится в колледже в Хартфорде.

— Ага... — говорю я и замираю, затаив дыхание.

— Она мертва, — говорит он. — Они прибыли туда слишком поздно. Ее тело очень сильно обгорело в результате пожара.

Это уже ближе...

— Ее нашли мертвой в спальне.

Еще ближе.

— Она лежала на кровати? — интересуюсь я.

— Э-э... Сейчас спрошу.

Я слышу в трубке, как сержант переговаривается по рации с полицейскими, находящимися на месте происшествия. Я даже слышу ответ, прозвучавший из рации. Затем сержант Бурцос повторяет мне по телефону этот ответ.

— Она лежала на своей кровати, — говорит он.

— А где начался пожар? — спрашиваю я.

— Они с этим до конца еще не разобрались, — отвечает сержант Бурцос. — Пожар все еще продолжается. Но они думают, что он начался в спальне.

Я убираю телефон подальше и кричу через плечо:

— Букс!

Затем снова подношу телефон к уху.

— Сержант, — говорю я, — мне нужно, чтобы вы сейчас слушали меня очень внимательно.

— Я сожалею, — раздается по громкой связи голос сержанта Бурцоса. — У нас и днем-то не хватает людей, а сейчас уже за полночь. Вряд ли я смогу найти для этого в ближайшее время хоть кого-нибудь.

Мы с Буксом смотрим друг на друга. Мы предполагали, что такое может произойти.

— Может, полиция штата?^[39] — предлагает Бурцос. — Обычно именно она блокирует дороги, если возникает такая необходимость.

Букс качает головой.

— Мы не смогли бы сделать это достаточно быстро, а ведь мы не ограничены пределами того или иного штата. Нам неизвестно, куда он теперь направляется. Ну ладно, — говорит он. — Послушайте, сержант, вы можете соединить нас с сотрудниками, работающими на месте происшествия?

— Да, я могу это сделать. Сообщите мне свой номер.

Тремя минутами позже мой телефон издает звуковой сигнал. Я включаю режим громкой связи и принимаю звонок.

— Говорит полицейский Джанет Доулинг, — слышим мы с Буксом женский голос.

— А это говорит специальный агент Харрисон Букмен. Тут со мной Эмми Докери аналитик ФБР. Вы меня хорошо слышите?

— Я сейчас в патрульной машине, поэтому слышу хорошо.

— Скажите, возле места происшествия собралась толпа?

— Уже не так много людей, как тогда, когда огонь бушевал всюду, но вообще-то можно сказать, что толпа есть. Может, пару десятков человек...

— Продиктуйте мне номер своего сотового телефона, хорошо? Я хочу вам кое-что прислать.

Переслать изображение по телефону — лет десять назад это было чем-то немыслимым. Сейчас же человек уже начинает изнывать, если такая пересылка затягивается более чем на десять секунд.

— Ага, получила. Вообще-то изображение не очень четкое.

— Да, оно не очень четкое. Это стоп-кадр из видеозаписи, снятой камерой видеонаблюдения. Самое лучшее изображение, какое только у нас пока есть. Субъект — мужчина, белый, ростом чуть ниже шести футов, возможно, лысый — по крайней мере, судя по этому изображению, среднего телосложения, в возрасте приблизительно тридцати пяти лет.

— Поняла.

— Присмотритесь к толпе. А еще кто-нибудь может сфотографировать эту толпу?

— Да, мы сможем. Значит, вы думаете, что он находится здесь и смотрит на дело своих рук?

— Вполне возможно.

Букс косится на меня. Мы не верим, что наш субъект сейчас там, но кто знает?

— Агент, наш начальник пожарной охраны говорит, что на поджог это не похоже. Я имею в виду, что, хотя расследование еще не проводилось, он имел дело с множеством пожаров и у него хорошее чутье на этот счет.

Букс смотрит на меня. Ошибочные выводы насчет причины возникновения пожара

делали уже несколько десятков начальников пожарной охраны и следователей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мы полагаем, что это поджог, — говорю я, — и что поджигатель очень хорошо умеет это скрывать.

— Понятно.

— Допросите там всех, — говорит Букс. — Считайте, что это место преступления.

— Хорошо.

— Но старайтесь делать это незаметно для людей, которые там толпятся, — говорит Букс. — Наш субъект пока не в курсе, что мы его уже разыскиваем, и незачем ему об этом знать. Пока еще рано.

Мы заканчиваем разговор. Букс проверяет свой телефон и видит, что пришло текстовое сообщение.

— Ага, группа быстрого реагирования уже направляется к самолету. Мне пора идти.

Я начинаю что-то говорить, но замолкаю на полуслове. Мой взгляд перемещается на мою большую спортивную сумку, стоящую в углу комнаты. Я упаковала в нее одежду и туалетные принадлежности из расчета на три дня — так, на всякий случай.

— Ты лучше оставайся, — говорит Букс. — У тебя и здесь очень много работы.

Если бы я все-таки захотела поехать вместе с Буксом, ему пришлось бы с этим согласиться. Но в данном случае он прав. Мы это уже обсуждали. Мы только что получили из полицейских управлений Лайла и Шампейна сообщения, в которых содержится подробная информация о Джоэль Свэнсон и Кёртисе Валентайне. Это как раз то, чем мы аналитики, должны заниматься, не так ли? Мы сидим и анализируем информацию, в то время как агенты где-то там мотаются.

Мы оба чувствуем себя неловко. Мы не знаем, что делать при расставании: обниматься или просто пожать друг другу руку. И то и другое кажется нам чем-то неуместным.

— Ты там поосторожнее, — говорю я ему. — И не пропадай, будь на связи.

На экране ноутбука появляется изображение Букса. Звучание слов слегка отстает от движения его губ.

— Вам меня видно? — спрашивает он.

— Да, видно, — отвечаю я.

Софи и Денни сидят рядом со мной.

— К сожалению, ничего особо интересного сообщить не могу, — говорит Букс. — Нью-Бритен — это маленький сонный городок. Жертва — Нэнси Мак-Кинли — работала бухгалтером в Хартфорде. Ее рабочий день закончился в пять пятнадцать, она заехала в бакалейный магазин, расположенный в ближнем пригороде Нью-Бритена, а затем отправилась домой. Это последнее из того, что о ней на данный момент известно.

— Мы ничего такого не заметили на видеозаписи, сделанной в бакалейном магазине, — говорит Денни. — Ничего не бросилось в глаза. Но мы будем продолжать просматривать.

— Вряд ли он настолько глуп, что стал бы засвечивать свою кредитную карточку в этом магазине, — говорю я. — Возможно, он вообще в него не заходил, а просто подождал, когда она оттуда выйдет.

— Ее сын — его зовут Джозеф — сказал, что она не собиралась ни с кем встречаться и не планировала ничего на этот уик-энд, — сообщает Букс. — Поэтому вполне вероятно, что наш субъект просто позвонил в дверь и, когда она ее открыла, ворвался в дом.

Я поворачиваюсь к Софи. Ее задача — проверить электронную почту и различные социальные сети, которыми могла пользоваться жертва и в которых, возможно, обнаружатся какие-нибудь подсказки для нас.

— Я все еще ищу, — говорит она, — но пока что ничего не нашла.

— Мы подняли на ноги полицию штата в Род-Айленде, Коннектикуте, Массачусетсе и штате Нью-Йорк, — говорит Букс. — А теперь расскажите мне, что вы узнали.

Я бросаю быстрый взгляд на свои записи, кратко отражающие результаты работы нашей группы.

— В тот день, когда погиб Кёртис Валентайн, в его календаре была сделана пометка о встрече в четыре часа дня с неким Джо Свэнсоном из Лайла, штат Иллинойс, — говорю я.

— Ты что, шутишь?

Нет, я не шучу. Наш субъект использовал мужской вариант имени Джоэль Свэнсон, когда назначал встречу со следующим человеком, которого вознамерился убить, то есть с Кёртисом Валентайном.

— Мы отследили звонок по одноразовому сотовому телефону из Лайла, штат Иллинойс, на офисный телефон Кёртиса Валентайна двадцать второго августа. Это тот самый день, когда была убита Джоэль Свэнсон.

— Значит, он убил Джоэль в Лайле и, все еще находясь там, уже подготавливал следующее убийство, которое совершит неделей позже.

— Да. — Я снова бросаю взгляд на свои записи. — По-видимому, этот «Джо Свэнсон» сказал, что он начинает новый бизнес, но отказался сообщать, какой именно, и заявил, что его обманул разработчик веб-сайтов, с которым он уже имел дело, и потому он хочет встретиться с Кёртисом лично.

— Ловко! — говорит Букс. — Очень ловко. Кёртис, вероятно, пригласил его к себе

домой, чтобы похвастаться своим оборудованием. А что удалось выяснить про Джоэль Свэнсон?

— Ничего, — говорю я. — У нее на компьютере ничего нет, да и вообще у нас нет никакой информации о том, что она намеревалась с кем-либо встречаться.

Букс на это ничего не говорит. Пока нельзя сказать определенно, каким образом действует наш субъект. Ему удастся запросто проникать в дома женщин, а вот в дома мужчин ему пробираться, видимо, сложнее. Единственное, что мы можем сказать, так это то, что он каким-то образом проник в дом Джоэль Свэнсон и дом Нэнси Мак-Кинли, но ему пришлось организовывать встречу с Кёртисом Валентайном в баре ради того, чтобы Кёртис пригласил его к себе домой.

Так ли это было в случае с Мартой? Она просто открыла дверь, приняв нашего субъекта за торгового агента, который ходит от дома к дому, или же за того, кто хочет узнать чей-то адрес, или за сотрудника энергетической компании, снимающего показания электросчетчика? Она вполне могла так поступить. Марта открыла бы дверь кому угодно. Она никогда не видела темной стороны чего бы то ни было — она видела только светлую сторону.

— Ну ладно, — говорит Букс.

На экране видно, что он смотрит на свои часы. Сейчас уже пятый час по центральному стандартному времени — то есть на час меньше, чем у Букса в Коннектикуте. Сегодня суббота, а это означает, что произойдет второе убийство и второй пожар. Ох, если бы мы только могли предупредить людей через средства массовой информации! Но что мы можем сказать им? Фотография нечеткая, имя и фамилия неизвестны, регион, в котором он намеревается совершить следующее преступление, неизвестен, и даже стиль его преступной деятельности еще толком не выяснен... «Эй, все, кто живет на северо-востоке Соединенных Штатов, остерегайтесь белого мужчину среднего роста: он может проникнуть в ваш дом, подвергнуть вас зверским пыткам и затем сжечь ваш дом дотла». Так, что ли?

— Мы разослали всем местным правоохранительным органам штатов Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут и Нью-Йорк бюллетень с просьбой немедленно сообщать нам обо всех пожарах в жилых домах, причем независимо от масштаба пожара, — говорит Букс. — Если хоть немножко повезет, то сегодня вечером нам сообщат о пожаре менее чем через час после того, как он произойдет.

— Мы здесь будем сидеть наготове, — говорю я, стараясь не тешить себя большими надеждами, но осознавая при этом, что игра продолжается и что сегодня вечером, возможно, в ней наступит тот переломный момент, которого мы так долго ждали.

Вот что я скажу о северо-восточной части нашей страны: тут смена времен года выглядит очень красиво. Нет ничего величественнее этой картины. Да, конечно, сейчас еще рановато, и поэтому мне придется вернуться сюда в октябре, чтобы увидеть осень во всей ее красе, но уже заметно ее приближение, и это похоже на взросление красивой девушки — полное тайн и надежд и такое трепетное и воодушевляющее. Это заставляет мужчин шагать более пружинистым шагом, не правда ли?

Знаете, иногда я испытываю подобные ощущения после того, как заканчиваю очередной сеанс: меня охватывают, можно сказать, сентиментальные чувства, и, по правде говоря, я даже начинаю мечтать и впадаю в эйфорию. Ведь так много любви в том, что я делаю, и особенно в том, как я делаю это в последнее время. Вы тоже видите в этом красоту? И стопроцентную честность?

Кто-то как-то сказал, что люди наиболее честны при рождении и перед своей смертью. Вы знаете, кто это сказал? Это сказал я! Вы, вероятно, думали, что я сошлюсь на Роберта Фроста^[40] или Филипа Рота,^[41] но вообще-то эти слова принадлежат мне. Вы, наверное, не раз читали какие-нибудь знаменитые высказывания в интернете или какой-нибудь книге и думали: «О господи, как бы мне хотелось, чтобы хотя бы одно из них принадлежало мне!» Уиллу Роджерсу^[42] принадлежит по меньшей мере десяток из них, а Уинстону Черчиллю — несколько десятков. Столько же — многим нашим знаменитым президентам. Мне же достаточно одного высказывания. Всего лишь одно-единственное высказывание, в котором содержалась бы такая разительная правда, что это высказывание запечатлелось бы в вашем сознании на всю оставшуюся жизнь.

«Замечание обычно ранит в соответствии со степенью его правдивости».

«Единственное, чего мы должны бояться, так это самого страха».

«Ложь распространяется на полмира еще до того, как правда успевает хотя бы надеть штаны».

«Люди наиболее честны, когда они рождаются и когда они умирают».

Да, именно так. Именно так! Осмелюсь заявить, что мое высказывание смотрится вполне достойно в этой компании.

Но это касается не меня, дорогие слушатели. Это касается вас. Что *вы* думаете о моем блистательном уме?

Ну ладно, хватит. Я неплохо пообщался сегодня вечером с этим прекрасным джентльменом — доктором Падманабханом. Приношу свои самые искренние извинения, если произнес его фамилию не совсем правильно. Впрочем, думаю, что, если бы спросили его самого, он сказал бы, что это отнюдь не самое худшее из того, что произошло с ним сегодня вечером.

А теперь пришло время мне откланяться. И прежде чем сделать это, я всего лишь спрошу вас: разве я разговариваю как человек, который чем-то встревожен? Конечно же нет. Затеянная мною игра в самом разгаре, и мне все еще интересно. О чем только думала эта женщина по имени Мэри?

Я снова пообщаюсь с вами завтра. Движение на межштатной автомагистрали I-95 к этому часу стало уже не таким интенсивным, и поэтому мне лучше отправиться в путь прямо сейчас.

— Соседи говорят, что доктор Падманабхан жил один, — сообщает полицейский.

— Спасибо. Пожалуйста, оставайтесь на линии. — Я отодвигаю телефон и нажимаю на кнопку на своей портативной рации, чтобы поговорить с Буксом. — Букс, ты меня слышишь?

— Слышу, Эмми.

— Сценарий номер два, — говорю я. — Сценарий номер два. Звонок поступил из города Провиденса, штат Род-Айленд.

— Понял, сценарий номер два. Разговор в режиме многосторонней связи.

Тридцатью секундами позже мы с Буксом уже общаемся по телефону в режиме многосторонней связи со старшим полицейским инспектором полиции штата Род-Айленд и начальником полиции штата Коннектикут. Они оба висели на линии, дожидаясь разговора с нами.

— Сценарий номер два, Род-Айленд и Коннектикут.

— Род-Айленд вас понял, — говорит старший полицейский инспектор Адам Вернон. — Наши бойцы на месте.

— Коннектикут вас понял, — раздается голос начальника полицейского управления штата Ингрид Швигель. — Наши бойцы тоже на месте.

— Нам и в самом деле целесообразно перекрыть именно межштатную автомагистраль I-95? — спрашиваю я. Спрашиваю просто для того, чтобы ослабить нервное напряжение. Это уже было темой обсуждения.

— Агент, — говорит старший полицейский инспектор Вернон, неправильно называя мой статус, — если подозреваемый направляется обратно на Средний Запад, то у него единственный маршрут — через Коннектикут, и единственное шоссе, по которому ему стоит ехать, — это I-95. Там сорок одна миля границы, но если он даже не подозревает, что его хотят перехватить, то будет балбесом, если не поедет по I-95.

— Очень хорошо, — говорю я. — Сообщение о пожаре поступило четырнадцать минут назад, и я только что получила подтверждение, что это как раз тот пожар, который нам нужен. Судя по моей карте, он произошел в Провиденсе, чуть севернее больницы «Мириам». Это означает, что ему необходимо проехать сорок миль по I-95, чтобы достичь границы между штатами Коннектикут и Род-Айленд.

— Даже если он с самого начала ехал на большой скорости, — говорит Вернон, — то еще не доехал до границы. Но я уже отдал соответствующее распоряжение, агент. Сейчас, когда мы с вами разговариваем, уже включаются мигалки.

— Говорит агент Букмен. Я на вертолете и должен оказаться возле границы через пятнадцать минут. Я буду руководить данной операцией, и мы позаботимся о том, чтобы к вам побыстрее присоединились агенты на земле. Еще раз уточняю задачу: транспортное средство с любым регистрационным и идентификационным номером, которым управляет мужчина, хотя бы приблизительно соответствующий имеющемуся у вас описанию. Обыски допускаются лишь в минимальном объеме. При выявлении чего-нибудь подозрительного — хотя бы *чего-нибудь* — ваши бойцы Национальной гвардии будут связываться непосредственно со мной.

— Коннектикут вас понял.

— Род-Айленд вас понял, — говорит Вернон. — Если сегодня вечером он едет по этой

дороге, мы его поймем.

Изображение, передаваемое с вертолета ФБР на мой лэптоп, очень четкое. Я имею возможность осматривать межштатную автомагистраль I-95 с большой высоты по мере того, как вертолет движется из Род-Айленда на юго-юго-запад, в сторону городка Норт-Стонингтона, штат Коннектикут. Дорога с разделенными встречными полосами движения, по две полосы в каждую сторону, плюс обочины.

На границе, под щитами, на которых написано «Добро пожаловать в Коннектикут!» и «Норт-Стонингтон, граница города», автомобили Национальной гвардии обоих штатов перегородили дорогу — их поставили перпендикулярно полосам движения. Предупредительные мигалки установлены настолько далеко от контрольно-пропускного пункта, насколько мне позволяет видеть экран — а значит, где-то за полмили, не меньше. Все согласно правилам, определяющим порядок блокирования автодороги.

Дорога забита автомобилями, стоящими в очереди. На контрольно-пропускном пункте полицейские и агенты ФБР светят фонариками на сидящих в автомобилях — и на передних, и на задних сиденьях — и иногда просят открыть багажник и осматривают его. Некоторые автомобили по их требованию сворачивают на обочину для более тщательного осмотра. Правоохранители неизменно записывают идентификационный номер транспортного средства, указанный на внутренней стороне передней дверцы, и его регистрационный номер. Получив разрешение ехать дальше, водители вынуждены огибать патрульные полицейские автомобили по крутой дуге, сворачивая на обочину, и лишь тогда они могут наконец-то продолжить свой путь в Коннектикут. Вот вам и «Добро пожаловать»! Не этого они ждали от Штата Конституции.^[43]

Шоссе заполнено автомобилями настолько, насколько я могу видеть, хотя сейчас уже довольно поздно — около полуночи по восточному стандартному времени. Водители, несомненно, полагают, что это просто выявление тех, кто едет пьяным за рулем в субботу вечером, и именно таков результат проверки для двух невезучих водителей: у них временно изымают автомобили, а их самих отвозят в полицейский участок в Норт-Стонингтоне.

Вертолет летит над шоссе, чтобы засечь те автомобили, которые попытаются повернуть назад, и я впервые замечаю, что еще один вертолет занимается тем же самым.

Букс по ходу дела сообщает мне имена, фамилии, регистрационные и идентификационные номера транспортных средств, а я тут же проверяю, не имеют ли их владельцы уголовного прошлого и не были ли эти автомобили угнаны. Впрочем, я не думаю, что наш субъект стал бы ездить на украденном автомобиле. А уголовное прошлое? Трудно сказать. Меня, конечно же, не удивило бы, если бы оно у него имелось, но я почему-то полагаю, что за ним ничего криминального не числится. Уж слишком он щепетильный.

Я стараюсь не питать особых надежд, но чего уж тут скрывать: сегодня у нас есть реальный шанс схватить нашего субъекта. Каждый автомобиль, который вызывает у правоохранителей хоть малейшее подозрение и желание заглянуть в его багажник или даже отогнать на обочину для более тщательного осмотра, заставляет волосы на моей шее вставать дыбом.

И происходит это довольно часто, потому что многие автомобили привлекают внимание агентов ФБР из нашей бригады и бойцов Национальной гвардии. Большинство водителей — мужчины, в основном белые, и очень трудно как-то сузить сферу поиска, если

все, что мы знаем о внешности нашего субъекта, — это «средний рост», «среднее телосложение» и непонятно какие волосы.

Но в конечном счете всем водителям позволяют ехать дальше.

«Я не ошибаюсь насчет этого. Он каждый раз приезжает на автомобиле в какое-то другое место, совершает два убийства и возвращается домой. Собранные нами сведения подтверждают это. И он наверняка живет на Среднем Западе. Наверняка. Стиль его поездок говорит о том, что он тяготеет к основным автомагистралям. Я не ошибаюсь. Он сейчас сидит за рулем и возвращается на Средний Запад».

Возможно, он поехал по какому-то другому маршруту. Как сказал старший полицейский инспектор, там сорок одна миля границы. Но ведь он не знает о том, что мы его ищем, а потому с какой стати ему ехать не по межштатной автомагистрали I-95?

Ну конечно, он поехал по ней.

Первые девяносто минут поисков текут очень медленно и, как в конце концов выясняется, не приводят ни к какому результату. А затем время как бы убыстряется, потому что количество автомобилей уменьшается. Автомобильная очередь исчезает уже ближе к двум часам ночи. Просто мало кто едет в Коннектикут в такое время суток.

После того как через контрольно-пропускной пункт проезжает какой-то минивэн «додж», уже не оказывается ни одного автомобиля, едущего по этой дороге на юго-запад. На межштатной автомагистрали I-95 пусто.

— Где он, черт его побери? — Букс в раздражении сплевывает. — Все вроде было правильно.

— Да, было, — киваю я. — Я даже думала, что ему от нас не уйти. А не могло получиться так, что он повернул назад, когда увидел, что проезд заблокирован?

— Не могло. Далеко за первой предупредительной мигалкой мы поставили на обочине бойца Национальной гвардии. Если какой-нибудь автомобиль попытался бы повернуть назад и пересек бы для этого разделительную полосу, нацгвардеец это заметил бы. Так что в данном отношении мы приняли надлежащие меры. Черт бы его побрал!

— А может, он сейчас просто где-нибудь отдыхает, — говорю я, — и отправится в путь рано утром.

Букс ничего не отвечает. Он то ли разочарован, то ли пытается сосредоточиться. Скорее всего, он сосредотачивается. Букс не позволяет эмоциям уж слишком им завладеть. Он всегда противопоставлял свое рациональное моему эмоциональному.

— Мне кажется, вполне возможно, что он *был* в одном из тех автомобилей, — говорю я. — Не забывай, с кем мы имеем дело.

— Возможно. Да, возможно. Впрочем, регистрационных номеров с Северо-Запада было не так много.

Это верно. И тем не менее я создам базу данных, в которую внесу все эти имена, фамилии и регистрационные номера.

— Этот контрольно-пропускной пункт будет функционировать по меньшей мере до рассвета, — говорит он. — Но мы не можем заниматься этим бесконечно долго. Давай немного отдохнем, а затем снова примемся за работу. Нормальный вариант?

— Я буду продолжать работать, — говорю я, пытаясь вести себя героически.

Но где-то в глубине души я не могу избавиться от ощущения, что мы его упустили. Мы раскинули паутину, но он каким-то образом ее обогнул. Наверное, не стоило так полагаться на свой собственный анализ и рассчитывать, что наш субъект будет вести себя в

соответствии с моделью, которую я создала на основе полученных нами сведений.

И поскольку я ошиблась, на следующей неделе он найдет себе еще две беспомощные жертвы в другой части страны.

Я сижу, склонившись над компьютером, и все перепроверяю. Мое сознание плывет, мои веки отяжелели, спина и шея уже вовсю бунтуют. Я упорно не смотрю на часы, висящие на стене, поскольку и так знаю, что маленькая стрелка вот-вот укажет на цифру восемь, а большая — на двенадцать. А еще я знаю, что контрольно-пропускной пункт функционирует уже в течение более десяти часов.

— Еще один час, — говорю я Буксу в микрофон.

— Ты говорила то же самое час назад, — звучит в моем ухе в ответ.

— Еще один час.

Изначально мы планировали убрать контрольно-пропускной пункт в восемь часов утра по восточному стандартному времени — то есть в семь часов по чикагскому времени. Затем я передвинула этот срок на девять часов по восточному стандартному времени, и вот уже эти девять часов почти наступили.

— Автотранспорта на шоссе немного, — говорю я. Небольшая очередь автомобилей скопилась в Род-Айленде на его границе с Коннектикутом, но серьезной пробки явно не будет. — Сейчас воскресное утро. Не похоже, что мы создаем для тамошних автомобилистов большие проблемы.

— Мы не можем заблокировать дорогу так долго, Эмми.

— Еще как можем. Мы ведь не кто-нибудь, а ФБР.

Пауза. Возможно, я уже почти выиграла еще один час. «Наш субъект обязательно проедет через этот контрольно-пропускной пункт, рано или поздно, — мысленно говорю я себе. — Обязательно». Но я уже почти готова признать, что в чем-то просчиталась.

— Нет, я снимаю контрольно-пропускной пункт, — говорит Букс таким голосом, как будто он сообщает нам о том, в какой именно момент времени мы умрем.

— Нет! Пожалуйста — еще всего лишь один...

— Нет. Я тебе скоро перезвоню.

— Букс! — кричу я, но связи уже нет. Букс отсоединился. Это правильное решение. Он ведь знает, каково это — спорить со мной. Черт бы его побрал!

Я рывком стаскиваю с себя наушники с микрофоном и швыряю их на свой рабочий стол. Поднявшись на ноги, я тут же чувствую острую режущую боль в спине. Мой взор затуманивается оттого, что я сидела и таращилась на экран компьютера всю ночь. Приходится признать, что мой мозг уже неработоспособен.

Я выхожу в коридор и направляюсь в «боевой штаб» — конференц-зал, откуда вынесли стоявший там длинный стол и где сейчас трудятся восемь аналитиков из нашей бригады. Они пришли сегодня утром, в семь часов, и с того самого момента неустанно наводят справки о людях, которых мы останавливали на контрольно-пропускном пункте, то есть о более чем пяти сотнях взрослых белых мужчин.

У меня кружится голова, я плохо соображаю. До меня доносятся звуки оживленного разговора, а затем смех. Смех! Я ускоряю шаг, и вот я уже возле «боевого штаба».

Внутри этого помещения один из двух аналитиков-мужчин стоит перед остальными и делает что-то комическое — похоже, имитирует какой-то дурацкий танец или что-то еще. Когда он замечает меня — а точнее, когда меня замечают все присутствующие в комнате, — улыбки исчезают с лиц и воцаряется неловкое молчание. Войдя в комнату, я смотрю

поочередно на каждого из них — смотрю на этих семерых новых аналитиков плюс Софи Таламас. Я чувствую себя каким-то угрюмым родителем, который взял да и приперся на вечеринку, устроенную подростками, вызвав тем самым всеобщее смущение, или же учителем, вошедшим в класс, где ученики стоят на головах, и мне очень не нравится такое ощущение, но я не могу сдержаться.

— Человек, которого мы хотим поймать, — медленно говорю я дрожащим голосом, — снимает скальпы со своих жертв, когда те еще живы. Вы это осознаете? Он ошпаривает их кипятком — опять же, пока они еще живы. Одерните меня, если я сказала что-то *смешное!*

Все стоят молча, потупив взгляд.

Наконец Софи говорит:

— Мы просто пытались немного выпустить пар, Эмми. Все работают очень напряженно.

— Все работают *недостаточно* напряженно, — возражаю я. — Он — здесь, — я указываю на один из ноутбуков. — Где-то во всех этих сведениях, в какой-то перекрестной ссылке, которую мы еще не проверили, в какой-то базе данных, на каком-нибудь блоге, или в социальной сети, или на веб-сайте фигурирует наш субъект. И найти его — это *наша с вами* задача. Задача всех тех, кто находится в этой комнате. Он не оставит отпечатков пальцев, чтобы их нашел кто-нибудь из наших знаменитых спецагентов. Он не обронит свой бумажник на месте преступления или где-нибудь по дороге и не сломает ногу, выходя из дома, который он поджег. Он не станет привлекать к себе внимание любопытных соседей. Его найдут отнюдь не агенты, работающие в районе места преступления. Его найдем мы — то есть люди, которые находятся в этой комнате. Аналитики. Поэтому напрягите свои мозги и покажите мне, на что вы способны, потому что этот мерзавец только что улизнул от нас еще на одну неделю!

Я стремительно выхожу из комнаты и направляюсь к лифту. Мне необходимо принять душ и чего-нибудь поесть, прежде чем я продолжу свою работу. Только оказавшись на свежем воздухе, я осознаю, что ключи от автомобиля остались на моем рабочем месте.

Вернувшись на свое рабочее место, я вижу Софи Таламас, которая держит в руке мои ключи от автомобиля.

— Думаю, вы забыли вот это, — говорит она.

Я хватаю ключи.

— Вы не имели права говорить нам такое, Эмми. Эти люди работают на износ. Им платят меньше всех в ФБР, но тем не менее они работают по пятнадцать часов в сутки. Они пришли сюда в семь утра в воскресенье...

— Знаете что, Софи? — Я вскидываю руки. — Если вы хотите работать с девяти до пяти, то устраивайтесь на работу в «Севен-Элевен»^[44] или какую-нибудь аналогичную контору. Мы пытаемся поймать настоящего монстра. Иногда для этого требуется приложить дополнительные усилия.

— Я думаю, что нам всем это понятно.

— В самом деле? Замечательно.

Я направляюсь к двери.

— Я не закончила, — говорит Софи.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь:

— Что вы сказали?

Софи — с ее шелковистыми волосами, с изящной небрежностью стянутыми на затылке в хвост, с ее облегающими джинсами, симпатичной вязаной кофточкой и идеальным овалом лица — вся буквально клокочет от возмущения. Когда женщина с такой привлекательной внешностью сильно сердится, ее лицо не становится некрасивым, нет — просто ее черты кажутся более четкими, глаза блестят сильнее, а румянец на щеках проявляется отчетливее.

— У нас с вами проблема, не так ли, Эмми? У нас двоих.

Я вздыхаю и отмахиваюсь от нее.

— Вы просто делайте свою работу, Софи, и...

— Я делаю свою работу. Я работаю не меньше остальных. Но у нас двоих есть проблема, не правда ли? Вы испытываете ко мне неприязнь с того самого дня, как я стала работать в этой группе.

— Мне от вас нужно только одно: чтобы вы концентрировались на этой работе, — говорю я.

— Я с ним не сплю, Эмми.

Я делаю шаг назад, как будто меня толкнули. Софи скрещивает руки на груди и ничего больше не говорит, чтобы ее последние слова как бы зависли между нами. Мне есть о чем задуматься и есть что сказать относительно того, что она только что заявила, причем мысли и слова эти не будут приятными. Тот факт, что она считает, будто данная проблема существует, означает, что какие-то мои действия, жесты, мимика или что-то еще обозначили наличие этой проблемы — по крайней мере, с ее точки зрения. Похоже, она чувствует себя рядом с Буксом психологически комфортно, раз уж решилась на подобное заявление. А еще странно, что, по ее мнению, я должна услышать от нее это, и что мы *разговариваем* об этом в ситуации, когда по стране рыщет злонамеренный психопат...

— Я с ним не сплю, — снова говорит она. — Букс все это время очень хорошо относился ко мне и всячески мне помогал. Мы с ним друзья — это верно. Но не более того.

Не могу не признаться себе, что от этих ее слов испытала некоторое облегчение. Я тут же подавила и изгнала из себя это чувство — уж это-то я хорошо умею делать. Да, я умею подавлять свои чувства, скрывать их. Мои чувства к Буксу (в той степени, в какой они еще существуют, — какие-то остаточные ощущения, какое-то примитивное сексуальное влечение, не более того) не имеют значения, потому что я вполне могу отодвинуть их в сторону ради того, чтобы сконцентрироваться на этом расследовании. Мое чувство утраты, не оставляющее меня после смерти Марты, не имеет значения, потому что я вполне могу отодвинуть и его тоже. Я щелкаю мышью на любых подобных чувствах и перетаскиваю их в корзину своего мозга, где им и место.

Я — женщина, стоящая в эпицентре урагана и делающая вид, что не ощущает даже легкого ветерка. Я могу посадить под замок все свои эмоции, выключить свое сердце и направить каждую каплю своей энергии в свой мозг. Я могу быть женщиной, которая думает только о важных сведениях, уликах, подсказках, головоломках и которая в состоянии заставить себя забыть все то, что делает ее человеком, а не роботом.

Я найду время на то, чтобы побыть человеком, попозже. «Попозже» — одно из моих любимых слов.

— Делайте свою работу, — шепчу я Софи. — Это все, что мне нужно.

Большую часть дня я провожу в «боевом штабе», присматривая за остальными аналитиками, проверяя их работу, выделяя все, что вселяет надежду, хотя такого очень мало. Я еще чувствую в себе остаточное напряжение от той вспышки гнева, которую пережила сегодня, но оно постепенно ослабевает по мере того, как мы сосредотачиваемся на текущей работе. В шесть часов кто-то заговаривает об ужине, и мы решаем заказать пиццу. Я иду в помещение, где работает Букс, где этот наш бесстрашный лидер принимает телефонные звонки от различных агентов, работающих на местах, с того момента, как он вернулся с северо-востока, а произошло это пару часов назад.

— Черт! — говорит он, качая головой, когда я вхожу.

Слышится какой-то фоновый шум — возможно, он раздается из его смартфона, на котором Букс просматривает какую-то видеозапись.

Букс выглядит ужасно, поскольку он провел всю ночь в вертолете, летая над границей между штатами Род-Айленд и Коннектикут. Его глаза красные и мутные, волосы растрепанные, лицо — помятое и небритое.

— Что-то произошло? — спрашиваю я.

— Нет, ничего. — Он машет рукой. — Моя любимая команда «Канзас-Сити Чифс» проигрывает уже вторую неделю подряд. Си Джей Спиллер, раннинбек^[45] команды «Баффало Биллс», пробежал, черт побери, через нашу линию обороны так, как будто вся наша команда — обычные школьники. — Он вздыхает. — А ведь Ромео — *играющий в обороне* тренер.

Я усаживаюсь на стул напротив него.

— Букс, ты прекрасно понимаешь, что я понятия не имею, кто такие эти Си Джей Спилман и Ромео.

— Спиллер, — поправляет он меня. — Си Джей Спиллер — это...

— А еще ты прекрасно понимаешь, что мне это неинтересно.

Букс трясет своим смартфоном.

— Сейчас счет ноль-два, и, похоже, нас отделяет целая вселенная от того титула, который мы завоевали в...

— Букс, что творит с мужчинами футбол? Это ведь у тебя как наркотическая зависимость.

— У меня и у миллионов других людей.

— Я знаю, — вздыхаю я. — Мой папа тоже был таким. Он мог просидеть перед телевизором все воскресенье и смотрел при этом только футбольные матчи. Нам приходилось вести себя, как в церкви, потому что мы все знали, что это и есть его религия.

И тут вдруг что-то происходит. Облака рассеиваются. Мое сердце начинает биться учащенно.

— Футбол — это наивысшее проявление...

Букс начинает философствовать, но я его уже не слушаю. Я резко вскакиваю — чего в моем состоянии делать не следовало бы — и едва не падаю по пути из комнаты Букса в свою.

Я устремляюсь к своему компьютеру и целый час рыскаю в интернете. Мое тело охватывает жар, пульс просто бешеный, руки трясутся так, что я едва попадаю пальцами по

клавишам. Когда я заканчиваю, у меня уже имеется карта США с множеством флажков.

Когда я снова захожу к Буксу, он разговаривает по телефону с каким-то агентом. Я протягиваю ему лист бумаги. Букс вопросительно смотрит на меня, заканчивает разговор и лишь затем начинает внимательно разглядывать то, что я ему дала.

— Это места, в которых были совершены убийства, — говорю я, чувствуя, что буквально раздуваюсь от детского самодовольства. — Различные города, в которые он наведывался во время своих осенних вылазок. От Дня труда и до конца года. В прошлом году.

— Ага, это вот оранжевые звездочки — два убийства в неделю, каждую неделю в другой части страны. А это что за черные звездочки между двумя оранжевыми в каждом месте?

— Черные звездочки — стадионы профессиональных футбольных клубов, — отвечаю я.

Букс разглядывает карту в течение еще нескольких секунд, затем поднимает голову и смотрит на меня с таким видом, как будто я открыла новую планету.

— Он никогда не убивает в воскресенье, — говорю я.

— О господи... — Букс подносит ладонь к своему рту. — От Дня труда до Нового года. Это же... игровой сезон Национальной футбольной лиги!

— Эти его поездки — не деловые, — говорю я. — Он ездит на матчи профессиональных футбольных команд.

— Серия убийств осенью прошлого года, — начинаю я. — Восьмого сентября две тысячи одиннадцатого года — первое известное нам убийство, совершено в городке Атлантик-Бич, штат Флорида. Девятого сентября — второе убийство, в городке Лейксайд, штат Флорида. А что находится между местами совершения этих убийств? Стадион «Эвербанк Филд», на котором базируется команда «Джэксонвилл Джагуарс». В то воскресенье, одиннадцатого сентября, команда «Джагс» встречалась на этом стадионе с командой «Теннесси Тайтенс».

Я смотрю на Букса, сказавшего мне, что футбольную команду из Джэксонвилла надо называть «Джагс», и ожидаю, что он выразит мне свое восхищение, причем не он один, а и остальные члены нашей группы, в которой доминируют мужчины. Мы ведь постоянно общаемся друг с другом в режиме видеоконференции.

— Ну и кто тогда выиграл? — спрашивает кто-то.

В любой компании всегда найдется комик.

— «Джагс», 16:14, — отвечаю я, и Букс снова мне кивает. — На следующей неделе — еще два убийства. Шестнадцатого сентября — в городе Рок-Хилл, штат Южная Каролина, а семнадцатого сентября — в Монро, штат Северная Каролина. На следующий день он был на матче футбольных команд «Каролина Пэнтерс» и «Грин-Бей Пэкерс» на стадионе «Бэнк оф Америка Стэдиум» в городе Шарлотт.

— Каждую неделю — новый стадион, — говорит Букс. — И никакой последовательности при выборе команд. Он не ездил по стране, например, за командой «Индианаполис Колтс», или «Чикаго Беарз», или какой-нибудь еще. Нет никакой последовательности и в выборе стадионов. Сильные команды, слабые команды, матчи команд с равными силами и явно неравноценных — во всем этом тоже не улавливается никакой последовательности.

— Если не считать того, что он держался в стороне от Среднего Запада, — добавляю я. — Потому что на Среднем Западе он совершал свои преступления вне временных рамок футбольного сезона.

— Он никогда не приезжал на один и тот же стадион дважды? — спрашивает кто-то.

— В прошлом году — нет. В этом году сезон еще только начался. В первую неделю сезона Национальной футбольной лиги он убил ту парочку в Небраске и затем мужчину, жившего неподалеку от Денвера. Это означает, что он, возможно, посетил в то воскресенье матч команд «Бронкос» и «Стилерз» в Денвере. А на текущей неделе — второй неделе сезона — он совершил убийства в городах Нью-Бритен, штат Коннектикут, и Провиденс, штат Род-Айленд. Мы предположили, что затем он отправится домой, на Средний Запад, и его единственным возможным маршрутом является межштатная автомагистраль I-95, тянущаяся на юго-юго-запад через Коннектикут. Поэтому мы заблокировали ее. — Я провожу лазерной указкой по межштатной автомагистрали I-95, но в противоположном направлении. — Однако он не поехал в субботу поздно вечером домой. Он поехал по I-95 на север, в Массачусетс. Там, а именно в Фоксборо, сегодня состоится матч команды «Нью-Ингленд Пэтриотс».

Я стараюсь не встречаться взглядом с Буксом. Когда мы с ним проработали все это и выяснили, что, хотя вчера вечером мы правильно вычислили местонахождение нашего

субъекта, но заблокировали автомагистраль I-95 *не в том направлении*, я минут на десять буквально лишилась дара речи.

Он был почти у нас в руках. Мы подобралась к нему очень близко. Мы знали, по какому именно шоссе он поедет. Однако он поехал по нему в противоположном направлении и благодаря этому улизнул от нас. И теперь на следующей неделе еще два человека умрут мучительной смертью.

Букс, возможно, почувствовав, что меня охватило отчаяние, продолжает:

— Интересно то, что он не приезжал в прошлом году на стадионы ни в Денвере, ни в Новой Англии.^[46] Это означает, что он, похоже, стремится посещать каждый раз новый стадион — то есть такой, на котором он еще не был, — пока не посетит их все.

— Поэтому давайте предположим, что его следующая поездка будет на стадион, на котором он в прошлом году не был, — снова вступаю я в разговор. — Кроме того, давайте предположим, что это будет стадион не на Среднем Западе, потому что это своего рода его задний дворик. Поэтому отпадают «Чикаго Беарз», «Индианаполис Колтс», «Сент-Луис Рэмз» и «Канзас-Сити Чифс». Итого есть четыре стадиона, которые он, по нашему мнению, не станет посещать, плюс еще два, на которые он уже навещался.

— И что тогда остается? — спрашивает какая-то женщина.

— В Национальной футбольной лиге имеется тридцать две команды и тридцать один стадион, потому что клубы «Нью-Йорк Джетс» и «Нью-Йорк Джайентс» делят один стадион на двоих, — говорю я. — Итак, тридцать один стадион. Он посетил семнадцать стадионов в прошлом году и еще два в этом. Всего — девятнадцать. Убираем четыре команды со Среднего Запада, и тогда из списка вычеркивается в общей сложности двадцать три команды. Остается еще восемь стадионов, ребята. Еще восемь стадионов.

— И из этих восьми оставшихся команд только у пяти на интересующей нас неделе проходят домашние матчи, — опять подключается к разговору Букс. — «Окленд Рэйдерс», «Даллас Ковбойз», «Кливленд Браунс», «Вашингтон Редскинз» и «Сиэтл Сихокс».

— У «Сиэтл Сихокс» матч в понедельник вечером, а потому, как нам кажется, мы можем исключить Сиэтл, — говорю я. — То есть он поедет на следующей неделе в одно из четырех мест.

— Так что мы будем делать? — спрашивает один из агентов, общающийся с нами по компьютеру в режиме видеоконференции. — Объявим через средства массовой информации, что всем следует опасаться среднестатистического белого мужчины без отличительных черт, который может захотеть встретиться с вами лично или же просто явится к вам домой без предупреждения?

Он прав. В этом и заключается главная проблема. У нас нет хорошего изображения этого человека, и мы мало что знаем о стиле его преступной деятельности. Нам известно, что Кёртису Валентайну из Шампейна, штат Иллинойс, он назначил встречу, но мы не знаем, как он подобрался к другим своим жертвам. Что мы можем сказать людям? От чего мы можем их предостеречь?

— Мы попросим местные правоохранительные органы немедленно сообщать нам обо всех пожарах в жилых домах и быть готовыми незамедлительно оказать нам содействие — так, как мы это сделали на северо-западе на этой неделе, — говорит Букс. — И как только нам станет известно о первом убийстве на следующей неделе, мы узнаем, где он находится и на какой футбольный матч собирается пойти.

Другими словами, нам придется дожидаться, когда он снова кого-то убьет. Эта мысль

сама по себе действует на меня удручающе. Однако пока это наша единственная зацепка.

— И как только мы это узнаем, — говорит один из агентов, — мы сузим сферу поиска до одного стадиона и попытаемся его найти среди восьмидесяти тысяч человек, которые придут смотреть футбольный матч.

— Совершенно верно, — признает Букс. — Придется подумать о том, что мы будем делать с такой огромной толпой. Однако мы абсолютно уверены в том, что, где бы наш субъект ни решил расположиться, в ближайшее воскресенье он будет находиться на футбольном стадионе в течение трех часов. Значит, нам надо решить, как мы будем действовать в этот промежуток времени.

Это будет нелегко, но нам придется что-нибудь придумать. В течение относительно небольшого промежутка времени наш субъект будет находиться, можно сказать, в железном ящике. Нам нужно как-то умудриться сделать так, чтобы он из него не выскользнул.

Я начал с того, что стал сегодня вечером наблюдать за ней. И делал я это самым эффективным способом — то есть так, чтобы она не замечала, что я за ней наблюдаю. Я, как вы понимаете, проскользнул в бар. Вы теперь наверняка уже по достоинству оцениваете мое умение оставаться незамеченным. Когда я встретил ее в этом баре на прошлой неделе, Мэри сказала, что работает здесь, и мне улыбнулась удача: она оказалась барменшей, а потому находилась практически на одном и том же месте, пока я, юркнув в уголок, наблюдал за ней.

Я наблюдал за ней во время ужина, когда клиентов в заведении было немного, и ел при этом обычную для таких заведений пищу, а затем открыл лэптоп, чтобы у меня был повод оставаться здесь. Я наблюдал за ней, когда стали собираться посетители, желавшие, видимо, посмотреть футбольный матч в телепрограмме «Футбол в понедельник вечером». Я наблюдал за ней, когда посетители вели себя по отношению к ней грубо и когда они с ней флиртовали. Я наблюдал за ней, когда она ненадолго оставалась наедине с собой и когда она общалась со своим менеджером и другими работниками заведения.

А затем я прошмыгнул в туалет, чтобы снять бейсбольную кепку и очки и опустить воротник куртки. Когда я снова появился в баре, где уже находилось достаточно много людей для того, чтобы я мог за ними спрятаться, я прошелся с таким видом, как будто только что зашел в бар с улицы. Должен признаться, что у меня в животе возникло такое ощущение, будто там порхают бабочки. Да, друзья мои, я волновался.

Я сел на табурет у стойки бара и дождался своей очереди — как любой другой посетитель. Я решил, что изображу удивление, когда увижу ее, — так, будто я только что зашел в этот бар, не ожидая увидеть ее здесь. Стану ли я притворяться, что не помню ее имени? Стану ли я делать вид, что напряженно что-то вспоминаю, щелкать пальцами и затем говорить: «Вас ведь зовут Мэри, да?»

Когда она подошла ко мне с легкой улыбкой на губах, все мои мысли тут же перепутались. Ее темные волосы были не очень туго собраны на затылке в конский хвост, так что несколько прядей вырвались на свободу. Ее глаза были прищурены, в результате чего в их уголках появились морщинки. Освещение было тусклым, и, наверное, именно поэтому ее глаза показались мне более темными, чем в прошлый раз, когда я видел ее вблизи.

— Знаете, Грэм, — сказала она, — я уже начала думать, что вы собираетесь игнорировать меня в течение всего вечера.

Она сделала это снова! Она ошеломила меня еще до того, как я успел с ней поздороваться. В прошлый раз она поймала меня на том, что я записываю свои мысли на диктофон, делая вид, что это телефон, и тем самым стала первым человеком, раскусившим эту мою хитрость. В этот раз она заметила, что я прячусь в глубине бара. Я, правда, не очень-то и маскировался, но все же старался оставаться незамеченным.

И она запомнила мое имя!

В подобной ситуации мне следовало бы сказать в ответ что-нибудь остроумное, да? Что-нибудь остроумное и, возможно, выставяющее меня в смешном свете. И это стало бы своего рода моей торговой маркой. Быстрый ответ, исполненный колкого сарказма, но

данный с невозмутимым видом. Что-то такое, что задаст тему дальнейшего разговора.

Но еще до того, как я осознал это, мои губы зашевелились и изо рта стали вылетать слова.

— Возможность встретиться с вами заставляла меня волноваться, — произнес я.

Друзья, должен вам сказать, что в тот момент время для меня остановилось. Мне захотелось поймать свои слова и запихнуть их обратно в рот. Вся моя душа в этот момент будто лежала перед ней как на ладони. «Что я наделал? — лихорадочно размышлял я, чувствуя, что мне тяжело дышать. — Как мне забрать свои слова назад? А не подумает ли она, что я уж слишком сентиментален?»

А дальше происходит следующее: она отводит взгляд в сторону, и уголки ее рта слегка приподнимаются. Она вытирает тряпкой крышку барной стойки и говорит мне при этом:

— Знаете, Грэм, а ведь это самое приятное, что вы как мужчина можете сказать женщине.

Помните, что вы чувствовали в такой ситуации? В ситуации, когда между вами и кем-то возникает... связь? Помните трепет в груди в тот момент, когда вы осознаете, что пересекли этот маленький мостик и что уже вроде бы существует некая взаимность чувств?

Может быть, мы с Мэри... Мне самому не верится, что я говорю это, но, может быть, мы с Мэри...

Нет. Нет, нет, нет! Не так быстро, Грэм. Шагай осторожно. Двигайся медленно.

Ведь и я, и она явно не хотим, чтобы кому-то из нас стало больно.

Я отвожу взгляд от экрана компьютера и откидываю голову назад так, чтобы я могла глазеть на белый потолок. Взор у меня затуманивается от недосыпания и сидения за компьютером в течение многих часов.

В дверь комнаты, где я нахожусь, стучится Букс.

— В конференц-зале еще осталась китайская еда, — говорит он.

— Это замечательно, — отзываюсь я без какого-либо энтузиазма.

Он подходит и кладет ладонь мне на плечо.

— Послушай, если ты даже не собираешься спать, поесть-то ты уж точно должна. Посмотри на себя — кожа да кости.

Я всегда была такой. Пять футов девять дюймов роста и сто двадцать фунтов веса еще с тех времен, когда я была старшеклассницей. Высокая и худая. Атлетическим такое телосложение не назовешь. Да, я не такая эффектная и хорошо сложенная, как мои сестра и мать.

— Ну все, они у нас в руках, — говорит Софи Таламас, заскакивая в комнату. — Сами команды, легальные продавцы билетов — все они у нас в руках. А еще все те, кто купил билет на какой-нибудь матч Национальной футбольной лиги на этой неделе в Окленде, Далласе, Вашингтоне или Кливленде.

Я поворачиваюсь на стуле и киваю ей.

— Прекрасно. Вы знаете, что теперь нужно делать, — говорю я.

Аналитики начнут просматривать все эти имена и фамилии и проверять, нет ли их в наших базах данных.

— Что-то в вас не наблюдается большого энтузиазма, — говорит Софи.

Я состраиваю гримасу. У меня энтузиазма вообще нет.

— Эмми не верит, что наш субъект фигурирует в каком-либо из этих списков, — говорит Букс.

— Он не стал бы покупать билет таким способом, ведь в таком случае он оказался бы в чьей-нибудь базе данных, — говорю я. — Он заплатит наличными. Думаю, он собирается «чикнуть» себе билет на этот матч.

Я даже съеживаюсь при слове «чикнуть», вспомнив о том виде пыток, которому наш субъект отдает предпочтение. Я переняла это слово у Букса — ярого спортивного болельщика. Когда он впервые произнес при мне фразу «чикнуть билет» (то есть купить его с рук возле стадиона прямо перед матчем), я мысленно представила себе человека с зазубренным ножом.

Софи трет глаза. Она тоже работает без перерыва уже довольно долго. Мы сейчас все так работаем.

— Вы полагаете, что его первое за неделю убийство будет совершено сегодня вечером?

Я пожимаю плечами. Сегодня среда. Чем раньше на этой неделе наш субъект засветится — проявит себя в каком-нибудь городе или небольшом городке, — тем быстрее мы узнаем, какой из футбольных стадионов он затем посетит, а значит, у нас появится возможность подготовиться получше. А потому, как бы странно ни звучало для меня то, что я с нетерпением жду, когда же он сегодня кого-нибудь убьет, это, к сожалению, так и есть.

— Иди домой, — говорит мне Букс. Дом в данном случае — это мой гостиничный

номер. — На этом компьютере ты можешь работать и в постели. Теперь у нас полно сотрудников, занимающихся поисками этого типа, Эмми. Ты уже больше не действуешь в одиночку.

Я тыкаю пальцем в крышку стола.

— Я остаюсь здесь, — говорю я. — И если мы выясним его местонахождение сегодня вечером, я поеду туда с тобой.

Я хочу, чтобы вы послушали это. Это запись моего разговора с Мэри, состоявшегося сегодня вечером. Я встретился с ней после того, как она закончила свою работу.

Я: Могу я вас кое о чем спросить, Мэри? Почему вы согласились увидеться со мной сегодня вечером?

Мэри: Вы имеете в виду, почему я согласилась куда-то пойти с вами после того, как заметила, что вы шпионили за мной в баре в понедельник?

Я: Наверное, я предпочел бы более снисходительное по отношению ко мне описание событий. Но вообще-то вы правы. Так все-таки почему? Я опасался, что вы сочтете меня чудачком.

Мэри: *[Смеется.]* Я и в самом деле считаю вас чудачком, Грэм.

Я: А-а. Рад тому, что с этим мы разобрались.

Мэри: Я уже говорила вам раньше, что мне нравится, когда в мужчине чувствуется некая неординарность. Это было... даже и не знаю, как сказать... Это как бы очаровывало. А еще это было для меня лестно. Я не привыкла к тому, что из-за меня кто-то волнуется.

Я: Мне трудно в это поверить.

Мэри: Вы полагаете, что здесь большой спрос на тридцатисемилетнюю барменшу, которая еще и пытается избавиться от алкогольной зависимости?

[Редакторское примечание: пауза длительностью одиннадцать секунд.]

Мэри: Ого, да я вас напугала! Да уж, я как-то по-дурацки сообщила вам об этой своей особенности. Ну да, я алкоголичка. Впрочем, я не пью уже больше десяти лет — если это вас успокоит.

Я: Нет, я... я считаю это довольно необычным.

Мэри: Ну, тут я не знаю, что и сказать, — обычно это или необычно. Я всего лишь пытаюсь одолеть демонов, которые сидят внутри меня, — как это делают и все остальные люди.

Я: Но вы строите новую жизнь. Вы ходите на курсы в колледж днем, а работаете ночью. Это производит впечатление.

Мэри: Говорить так очень любезно с вашей стороны.

Я: Мэри, а почему вы устроились работать в бар, если пытаетесь избавиться от алкогольной зависимости?

Мэри: Знаю, знаю — тут вроде бы нет никакой логики, не так ли? Я работаю здесь главным образом потому, что мне нужна работа по ночам, чтобы я могла ходить на занятия днем, а один мой друг является собственником бара. А еще я, возможно, люблю преодолевать трудности.

Я: Преодолевать трудности?

Мэри: Ну да. Мне нравится осознавать, что каждый день я буду сталкиваться с каким-то препятствием и каждый день буду его преодолевать. А ведь здесь я все время вижу бутылки с алкоголем и говорю: «Вы мне больше не нужны. Я вас победила». Это очень вдохновляет.

Я: Так значит, вы одолеваете демонов, которые сидят внутри вас.

Мэри: Да, совершенно верно. А внутри вас разве нет демонов, Грэм?

Я подумал, что весь этот разговор был... удивительным. Она ведь так легко открылась мне! Она ведь посмотрела мне прямо в глаза и сказала: «Вот я какая». Обычно люди так не поступают. Они не показывают свое истинное лицо. Они скрываются за многими слоями лжи перед самими собой и лжи перед другими людьми. Они носят маски. Они сооружают себе фасад. Они лгут. Они прячутся.

Что мне следовало бы сказать ей в ответ? Мне очень хотелось ответить ей тем же. Да, очень хотелось. Она выложила передо мной малоприятные подробности своей жизни и сделала это на одном дыхании. А что делаю я? Говорю ли я: «У меня тоже есть демоны, Мэри»? Нет. Я меняю тему разговора — вот что я делаю.

Это, конечно же, не ускользнуло от ее внимания. Она перестает откровенничать, и у меня внезапно появляется желание поговорить о какой-нибудь ерунде — например, посетовать на плохую погоду. Понятно почему. Я думаю, она знает. Точнее говоря, она не столько знает (а откуда ей знать?), сколько что-то подозревает относительно меня. Да, подозревает.

О-о, как она улыбается! Жаль, что вы не можете увидеть, как при этом морщится ее носик и щурятся ее глаза. Это одна из самых искренних и настоящих улыбок, которые я когда-либо видел. Мэри всегда очень быстро проникается радостными чувствами и очень стойко отгоняет от себя злые, ядовитые мысли.

А ее запах? В нем присутствует еле заметный аромат клубники. Думаю, это ее шампунь. Когда я ощущаю этот запах, мне приходит в голову слово «свежесть», и нет лучше слова, которым можно было бы описать Мэри.

О-о, и затем наступает финал этого вечера, после того как я довел ее до входной двери ее дома. Я не помню, чтобы когда-нибудь так сильно нервничал. Мои руки засунуты в карманы, глаза смотрят вниз, я переминаюсь с ноги на ногу. Я, скажу вам, выглядел, наверное, как неловкий школьник на первом свидании.

Но я поцеловал ее! Я сам толком не знаю, каким образом мне удалось переместиться из точки А в точку Б, но где-то между этими точками я собрал все свое мужество и наклонился к ней, а она встретила меня на полпути. Поцелуй был нежным, медленным и сладким. Наши губы легонько соприкоснулись, и ее ладошка погладила мою щеку. Я почувствовал, как по моему телу пробежал электрический разряд. Я почувствовал себя в невесомости.

Я чувствую себя в невесомости и сейчас!

— Черт побери!

Я отодвигаюсь от своего рабочего стола и еду на офисном стуле на колесиках через полкомнаты. Затем поднимаюсь на ноги и тут же чувствую сильное головокружение: стены наклоняются, а пол, как мне кажется, норовит встретиться с моим лицом. Я хватаюсь за спинку стула и пытаюсь восстановить равновесие.

— Черт побери! — повторяю я, потому что не нахожу более подходящей в данной ситуации фразы.

Я разваливаюсь на части. Мне это известно. Я почти не сплю по ночам и практически ничего не ем. Так я долго не выдержу.

И чего я благодаря этому добилась? Сначала просидела всю ночь со среды на четверг, а теперь вот сижу в ночь с четверга на пятницу возле своего компьютера и телефона, ожидая звонка из одного из мест, куда, по нашему мнению, отправится наш субъект — из Окленда, Далласа, Вашингтона или Кливленда. Я жду сообщения о пожаре в жилом доме — таком пожаре, к которому может иметь отношение наш субъект.

Но до сих пор — ничего. Нет, вообще-то пару звонков поступило: пожар в каком-то жилом доме в городе Саусалито и пожар в ресторанчике в Кливленде. Во втором случае, возможно, имел место поджог, совершенный собственником ресторанчика, решившим завязать со своим бизнесом и пытающимся разжиться деньжатами за счет страховки, однако это явно не имеет никакого отношения к нашему субъекту.

Сейчас уже пять часов утра, пятница. Я сплю лишь урывками с самого вторника. Мне необходимо поспать несколько часов, чтобы я смогла продолжать дежурить и сегодня — то есть в ночь с пятницы на субботу, — ибо сегодня наш субъект уж точно кого-нибудь убьет. Очень простая математика: если он собирается убить двух человек на этой неделе до воскресенья, то первое из этих двух убийств он должен совершить вечером в пятницу.

Прекрасно. Я абсолютно точно знаю, что *это* произойдет именно сегодня вечером, а я уже буквально засыпаю прямо за рабочим столом.

Я чувствую себя измученной, ощущаю слабость в коленках, мои шея и спина достигли уже, наверное, стадии трупного окоченения, пальцы ноют от торопливого шлепанья по клавиатуре компьютера в течение всей ночи, перед глазами туман... Вот в таком состоянии я покидаю здание ФБР и еду во взятом напрокат автомобиле в отель. Доехав до него, я выбираюсь из автомобиля и хлопаю дверцей. Свежий воздух осеннего утра приносит мне некоторое облегчение (улица — о да, я все еще помню, что существует такое понятие, как улица, и что там свежий воздух!).

За моими глазами яблоками возникает боль, и мое поле зрения обрамляется чем-то темным, как если бы я смотрела в туннель. Я осознаю, что мне просто необходимо как можно быстрее лечь спать. Хотя бы на несколько часов...

— Это она! — слышу я крик какой-то женщины.

Моя реакция хотя и стала замедленной, но все же я моментально отскакиваю в сторону. Я так реагирую на внезапно возникшее ощущение опасности, и проходит больше времени, чем потребовалось бы в обычной ситуации, прежде чем я осознаю, что женщина и мужчина, ринувшиеся ко мне, не собираются причинять мне никакого вреда. По крайней мере физического.

Женщина держит в руке диктофон, мужчина — видеокамеру.

— Агент Докери! — Журналистка, хорошенькая молодая афроамериканка, не дает мне пройти. — Меня зовут Дайан Белл, я из газеты «Чикаго трибюн».

Это для меня нечто новое: ко мне впервые обращается подобным образом журналист. В моем мозгу мелькают соответствующие данной ситуации фразы: «Никаких комментариев» и «Я не агент», — но вместо этого я говорю:

— Чего вы хотите?

— Агент Докери, насколько я понимаю, вы разыскиваете по всей стране серийного убийцу — человека, который, возможно, убил десятки людей и устроил пожары, чтобы скрыть следы своих преступлений.

— Я... я... — Качая головой, я выставляю перед объективом камеры ладонь и начинаю шагать по направлению к своему отелю. — Я не могу давать комментарии относительно проводимого расследования.

Я произношу эти слова машинально. Я не раз слышала, как их произносили другие люди — попавшие под шквал критики политические деятели и прокуроры с каменными лицами. «Никаких комментариев. Мы не можем давать комментарии относительно проводимого расследования».

— Значит, расследование все-таки *проводится*, — говорит журналистка. — Прекрасно. Благодарю вас.

Я энергично мотаю головой, что отнюдь не укрепляет мое шаткое равновесие. Я продолжаю идти, ускоряя шаг и закрываясь плечом, чтобы хоть как-то защититься от назойливой журналистки. Вход в отель — все ближе и ближе, но если я не буду осторожной, то могу потерять равновесие и грохнуться наземь прямо под объективом видеокамеры.

— Кёртис Валентайн? — спрашивает журналистка. — Джоэль Свэнсон?

Я наконец подхожу к двери отеля и открываю ее.

— Ваша сестра Марта?

Я резко поворачиваюсь к ней, но ничего не говорю. Она поднимает руку в успокаивающем жесте и подходит ко мне.

— Я ведь знаю это, агент, — говорит она. — Ваша сестра была одной из жертв, и вы стали настойчиво искать этого убийцу. Вы сумели вычислить его, когда вам никто не верил.

У меня в голове лихорадочно роятся мысли. Я растеряна. И я не знаю, как мне надлежит в подобном случае себя вести. Специальных агентов инструктируют по поводу того, как им вести себя с представителями прессы. А аналитиков? С нами ведь никто никогда не хочет разговаривать.

— Кто... рассказал вам это? — выдавливаю я из себя.

Журналистка поджимает губы, тем самым показывая, что не ответит на мой вопрос. Все правильно: журналисты не выдают свои источники информации. Это для них улица с односторонним движением.

— Возьмите мою визитную карточку, — говорит она, и я почему-то эту карточку беру. — Это удивительная история, Эмми. Не хотите нам ее рассказать?

— Нет, — говорю я и захожу в отель.

Букс проводит ладонью по своему лицу. Его глаза красные и мутные, лицо помятое. Он спал все же больше, чем я, но это еще ни о чем не говорит. Студенты, готовящиеся к выпускным экзаменам, тоже спят больше меня.

— Мы никогда не даем комментариев по поводу того, проводится расследование или не проводится, — тихонько говорит мне Букс — так родитель разговаривает со своим ребенком.

Я тру пальцем глаз.

— Я ничего не сказала.

— Ты подтвердила, что проводится расследование.

— Она знала имена и фамилии. Даже про Марту знала. Ей и так уже было известно, что проводится расследование.

Букс встречается со мной взглядом, но не пытается этим взглядом мне что-то сказать. Он ведь уже высказался. Сколько бы та журналистка ни знала, у нее не было подтверждения факта проведения расследования со стороны ФБР, пока я ей это не подтвердила.

Я поднимаю руки в знак того, что сдаюсь.

— Я поступила глупо.

Букс отнюдь не спорит с такой оценкой моих действий.

— Как они обо всем этом узнали? — спрашиваю я, но это скорее риторический вопрос.

Журналист никогда не расскажет об источнике информации. Кроме того, в данном случае это не так уж и важно.

— Думаю, от одного из местных полицейских, как-то связанного с расследованием убийства Джоэль Свэнсон или Кёртиса Валентайна. — Букс качает головой. — Эти ребята всегда стараются задобрить журналистов. «Я расскажу вам кое-что по секрету, а вы представьте меня в наилучшем свете, когда станете писать статью о каком-нибудь из дел, которые я буду вести». Что-то в этом роде. А может, это был один из родственников погибших. Честно говоря, я даже удивлен, что информация просочилась так поздно.

— Момент сейчас совсем неподходящий. — Я в сердцах швыряю ручку куда-то в угол. — Он ведь пока думает, что так и остался незамеченным. Он продолжает заниматься тем, чем занимался, где бы он ни был на этой неделе, — продолжает абсолютно безнаказанно убивать людей и думает, что сумел всех одурачить. Он собирается приехать в это воскресенье на какой-нибудь стадион, а мы намереваемся его там сцапать. А что теперь? Теперь он знает, что мы идем по его следам!

Звонит сотовый телефон Букса. Он смотрит на меня с извиняющейся улыбкой.

— «Наш Дик», — говорит он, а затем включает режим громкой связи.

— Букс слушает. Со мной тут Эмми.

— А-а, ну да... Молодец, Эмми! Как раз перед тем, как в этом деле что-то может проясниться, вы рассказываете все о нашем расследовании журналистке из «Чикаго трибюн».

Букс, глядя на меня, закатывает глаза и качает головой, пытаясь тем самым высмеять «нашего Дика». Дикинсон, наверное, счастлив оттого, что у него опять появились серьезные козыри против меня и что поэтому он может меня отругать, пусть даже он и сильно все преувеличивает.

— Я только что разговаривал по телефону с редакторами, — говорит Дикинсон. — Они не очень-то откровенничали со мной по поводу того, *что* им стало известно. У них есть имена некоторых жертв. Они знают, что Эмми лично заинтересована в данном расследовании...

Мы с Буксом переглядываемся. Болезненный укол со стороны Дикинсона. Я уверена, что этот мерзавец с удовольствием уволил бы меня за это. Если бы над ним не висел, словно дамоклов меч, — и тем самым не защищал меня — тот инцидент, который произошел между ним и мной в его кабинете, он наверняка бы меня сейчас уволил.

— ...а еще похоже на то, что им в руки попал какой-то отчет о проведении аутопсии. Они знают, что наш субъект совершал убийства во многих местах по всей стране, но какого-либо целостного представления об этом у них нет. И им не известно о том, о чем мы узнали недавно, — например, о видеозаписи с нашим субъектом, сделанной в баре, или о связи его преступной деятельности с матчами профессиональных футбольных клубов.

Я качаю головой:

— Это не имеет значения. Они знают, что то, что произошло с Кёртисом Валентайном и Джоэль Свэнсон — и с моей сестрой, — сейчас квалифицируется уже не как гибель в результате пожара, начавшегося случайно, а как убийство. Этого для нашего субъекта вполне достаточно. Он отнюдь не хочет, чтобы мы начали искать убийцу, а уж тем более конкретно его. Как только он прочтет эту статью, он поймет, что нам уже известно, каким именно образом он действует. Так что у него будет повод затаиться.

— Значит, вам следует поблагодарить меня за то, что я уговорил редакторов «Чикаго трибюн» отложить публикацию статьи до понедельника, — говорит Дикинсон.

— О-о, это замечательно, — произносит Букс. — Да, это замечательно! — Он выставляет руку вперед и жестом показывает мне, чтобы я вела себя сдержаннее. — Значит, нам еще есть на что надеяться.

— А что вам пришлось им за это пообещать? — спрашиваю я.

— Они первыми получают информацию, если нам удастся добиться результатов в этом деле.

Букс равнодушно пожимает плечами.

— Итак, у вас есть еще этот уик-энд, — говорит Дикинсон. — И один-единственный шанс вычислить данного субъекта на том футбольном стадионе, на который он придет. Сделайте всем нам одолжение и попытайтесь не отчебучить что-нибудь еще за то время, которое остается до футбольного матча.

Мэри-крошка,
 Упрямая немножко,
 Я в тебя влюбляюсь все сильнеей.
 Мэри-крошка
 Кивает мне в окошко
 С хитрою улыбкою своей.

Я думаю, что мы все можем согласиться с тем, что это мое стихотворение нуждается в некоторой доработке. Ну да, я ведь вам не Матушка Гусыня!^[47]

Но в хорошем настроении я зато. О-о, послушайте меня, я начинаю говорить, как Йода из «Звездных войн».^[48] Не какой-нибудь судья Йода из Верховного сада или плотник Йода. Есть только один Йода! Мне нет необходимости уточнять. «Глупый какой я!»

О господи, я и в самом деле чувствую себя глупым. Я волнуюсь до головокружения, два раза переодеваюсь перед свиданием, которое состоится сегодня вечером, тщательно причесываюсь, дважды чищу зубы. Я даже несколько раз отжимаюсь от пола, чтобы потренировать свои мышцы в надежде на то, что, если она прикоснется к моей руке или положит ладонь мне на грудь, она почувствует твердые мускулы. Нормально ли то, что я так прихорашиваюсь? Да мне плевать, нормально это или нет! Если это ненормально — значит, я буду поступать ненормально!

Ну ладно, надо сделать глубокий вдох. Я не хочу отпугнуть ее. Не хочу, чтобы она отшатнулась от меня из-за того, что я проявляю чрезмерное рвение. Ведь ей вполне может показаться, что я проявляю чрезмерное рвение, не правда ли? Я имею в виду, что ей, возможно, просто нравится со мной общаться, но она не готова к чему-то более серьезному.

О боже, да вы только взгляните на мои инструменты! Щипцы в ужасном состоянии. Стамеску скоро придется менять. Думаю, вместо десятимиллиметровой я выберу восьмимиллиметровую, когда решу приобрести новую стамеску. Ее будет труднее затачивать и, наверное, труднее чистить, но зато она обеспечит бóльшую точность. А точность ведь — это самое главное. Кюретки^[49] тоже видали лучшие времена. Что со мной происходит? Когда-то, давным-давно, я всегда тщательно чистил инструменты сразу же после того, как возвращался домой. Вот что вы делаете со мной, Мэри! Вы отвлекаете меня.

Но я не возражаю против того, чтобы меня отвлекали!

А сам-то я готов к чему-то серьезному? О-о, смотрите, я снова поступаю подобным образом — я придаю этому слишком большое значение и делаю это слишком стремительно. Она замечательная женщина, Грэм, она очень милая. Возможно, тут наклеивается что-то долговременное, но тебе не нужно принимать решение прямо сейчас. Его не нужно обязательно принимать сегодня вечером. Не спеши. Разве люди не говорят частенько себе и друг другу «Не спеши!»?

Ну да. Конечно. Если я проявлю чрезмерное рвение, она отшатнется от меня. Просто

оставайся собой, веди себя раскованно — и будь что будет!

О-о, а вот плохие новости: Мэри работает с понедельника по среду, а значит, встретиться с ней и пообщаться можно будет только по вечерам с четверга по воскресенье. Ну что за невезуха!

Ведь как раз в те вечера я буду совершать свои небольшие поездки на автомобиле. В эти вечера меня не будет, а она ничем не занята! Неужели это знак того, что нам не суждено быть вместе?

Ну ладно, это, понимаете ли, как раз то, чего мне делать не следует. Мне не следует торопить события. Я просто отправлюсь на свидание, проведу с ней приятный субботний вечер и... и не буду спешить.

О господи, я говорю штампами. Но, мне кажется, они потому и стали штампами, что в них содержится правда. Так что просто не спеши, расслабься, дай вашим отношениям подышать воздухом — как дают подышать воздухом молодому вину, приготовленному из винограда сорта «каберне-совиньон».

Но не перегни палку и в другую сторону — не старайся в течение этого свидания казаться безразличным. Не перестарайся. Будь собой.

Быть собой? Ну как я могу *быть собой*?

Я схожу с ума. Просто пойд и развлекись и ни на что при этом не рассчитывай. Хорошо. Да. Таким будет мой план — просто пойти поразвлечься и не думать ни о чем, кроме сегодняшнего вечера.

И не забудь сменить лезвие на ампутационном ноже.

На всякий случай.

Мои веки так отяжелели, что я едва могу поднять взгляд на часы, висящие на стене. Они показывают четыре часа. Четыре часа утра. Ночь с субботы на воскресенье прошла без каких-либо происшествий.

Я беру со своего стола степлер и швыряю его в часы, но при этом сильно промахиваюсь. Степлер ударяется в стену, в результате чего на ней образуется вмятина и частички краски падают на пол. Четыре бессонные ночи подряд — со среды до субботы — и никакого результата, кроме мешков под глазами и затуманивающегося взора.

Букс, услышав шум, заходит в мою комнату, но делает это очень осторожно: видимо, опасается стать мишенью, в которую полетит какой-нибудь предмет из числа канцелярских принадлежностей.

— Он что, взял себе отпуск на неделю? — кричу я. — Он что, вдруг решил: «Ну ладно, на этой неделе — нет»? Он так не поступает. Он никогда так не поступает. Он как робот. Только одна неделя, когда мы еще можем его поймать, только один шанс, который имеется у нас до того, как газеты разстреляют о нем и тем самым спугнут его, и он, черт бы его побрал, берет себе *отпуск*?

Букс прислоняется к двери.

— И я ничего не понимаю. Но нам придется смириться с такой ситуацией. У нас нет другого выбора...

— Ну а может, ты перестанешь быть таким *спокойным*? — злюсь я. — Мы могли бы подкараулить его на этой неделе, Букс. Он был *почти у нас в руках*. А теперь он вскоре узнает, что мы идем по его следам.

— А может, и не узнает, Эм. Нам ведь не известно, что будет в статье в «Чикаго трибюн». Давай просто постараемся получше справиться с тем, на что мы реально можем повлиять.

Я качаю головой, и при этом перед глазами все расплывается. Когда мои глаза снова начинают отчетливо видеть, я просматриваю статью в газете «Пеория Таймс», выходящей в городе, в котором жила Марта. В этой статье, опубликованной в прошлом месяце, рассказывается о том, как я пыталась настойчиво убедить полицейское управление Пеории в том, что Марта была убита, а не погибла в результате пожара, возникшего случайно. «Мы понимаем, что госпожа Докери сейчас очень расстроена, — цитируют в статье начальника полиции. — Однако мы не можем при распределении наших сил и средств учитывать прихоти горюющей сестры. Полицейские детективы, начальник пожарной охраны и судебно-медицинский эксперт все как один придерживаются того мнения, что Марта Докери умерла от удушья, вызванного вдыханием дыма в ходе пожара, возникшего случайно».

Букс переводит взгляд туда, куда смотрю я, и замечает эту статью, которую я приколотла кнопкой к доске для записок, прикрепленной к стене возле моего компьютера.

— Смотри, как далеко мы продвинулись. Когда вышла эта статья? Седьмого августа этого года? Тебя в ней изображают скандальной и сумасбродной женщиной, верящей в Санта-Клауса. А теперь посмотри на себя, Эмми. Спустя шесть недель ты не только убедила руководство ФБР, что ты права, но и запустила механизм интенсивной облавы. И мы подбираемся к нашему субъекту все ближе и ближе. Ты только подумай, как близко мы

сейчас от него, Эмми! До того, как он сделал этот бросок по дуге^[50] и тем самым перехитрил нас, мы были готовы набросить сеть на целый футбольный стадион и поймать этого негодяя уже сегодня. У нас еще будет шанс. Обещаю тебе, он будет. Мы уже пробрались внутрь его головы. Мы уже разобрались со стилем его преступной деятельности, а потому нет ничего страшного в том, что он устроил себе на этой неделе выходные дни... Эй, посмотри на меня!

Неожиданно он оказывается рядом со мной. Я даже не заметила, как он приблизился. Возможно, потому что его вторжение в мое личное пространство никогда *не бывало* вторжением как таковым — это было *и его* пространство тоже. Тогда для меня все было проще. Мне было легче с ним, чем без него. Все воспринималось как само собой разумеющееся. И как правильное. Мы были своего рода частичками пазла, которые отдельно друг от друга не имеют никакого смысла, а рядом образуют гармоничное целое. Вот такой вроде бы должна быть жизнь у нормальных людей, да? Вы находите какую-то частичку, которая хорошо сочетается с вами, которая удачно дополняет вас, и затем подгоняете друг под друга все выступы и углубления. Обычно они не сразу состыковываются идеально, а требуют кое-какой подгонки. Но вам ведь и не нужно, чтобы было идеально. Вы все улаживаете и радуетесь тому, что многие выступы и углубления хорошо состыковались, а не ноете по поводу того, что некоторые маленькие уголки все же выпирают.

Я поднимаю взгляд и смотрю ему в глаза. Раньше я видела в его глазах страсть — и отвечала ему таким же взглядом, но я знаю, что сейчас я слишком измождена для того, чтобы ответить ему тем же. Букс знает это. Как я уже говорила, он знает меня лучше, чем я сама.

— Мы обязательно поймем его, — произносит он. — И поймем уже скоро.

Я не знаю, что делать. Я упал в пропасть, и эта пропасть оказалась глубже, чем я мог себе представить. Я не знал, что ответить, когда она сказала мне это. Просто сидел там, а затем...

Ой, наверное, я говорю совсем непонятно. Мы пошли прогуляться после обеда, а затем вернулись к ней домой. В ее доме есть старинный камин, в котором жгут дрова, и хотя было не очень холодно, она подумала, что будет романтично развести в нем огонь. Так мы и сделали.

Затем мы начали целоваться и обниматься. Это было очень нежно, тепло и мило. Я говорю не о сексе. Я говорю о чем-то более глубоком. Я говорю о близости. Мы просто поглаживали друг друга, смотрели друг другу в глаза, чувствовали дыхание друг друга на своем лице. Мы разделили эти минуты так, как я еще никогда не разделял ничего и ни с кем. Я мог бы продолжать делать это бесконечно долго.

Затем я сказал ей:

— Мэри, я к вам равнодушен.

Эти слова как бы сами собой слетели с моих губ. Я не собирался их говорить. Это для меня нехарактерно — с каких это пор я вдруг стал рубить с плеча? Я тщательно обдумываю все, что делаю, — абсолютно все, и вам это известно, — но не при общении с ней... Да нет, я хотел сказать это. И после этих слов у меня стало легко на душе.

А она спросила:

— Вы это серьезно?

И я сказал, что, конечно же, серьезно. Ну конечно серьезно. И тогда она замолчала. Я почувствовал, что она немного отодвинулась от меня. А это совсем на нее не похоже. Она ведь, как вы помните, открытая книга. Но в этот конкретный момент она замкнулась в себе, отодвинулась. Я впервые заметил уязвимость в ее взгляде. Видимо, я увлек ее туда, где она чувствовала себя неуютно. Я не знал, что делать. Я подумал, что умудрился совершить какую-то грубую ошибку и что мне, наверное, следует извиниться. Но это показалось мне странным. Извиняться за то, что я сказал женщине, что я к ней равнодушен? В моей голове зародились всевозможные мысли: «Это наглядно демонстрирует твою неопытность, Грэм», или же «Это как раз подтверждает то, что ты не годишься для отношений подобного рода». Но затем, вместо того чтобы продолжать сидеть как истукан или же снова стать таким, как обычно, я доверился своим чувствам и сказал что-то искреннее. По-моему, я сказал: «Мои слова вас чем-то расстроили?»

И тогда ее глаза наполнились слезами. Сначала я подумал, что она сейчас попытается отшутиться, но она сказала нечто совсем другое. Она произнесла это шепотом, и наши лица в этот момент находились на расстоянии лишь нескольких дюймов друг от друга. Она сказала: «Если это и в самом деле серьезно, то тогда я отдам себя вам. Отдам. Я готова это сделать. Но только если вы отдадите себя мне. Если вы не можете этого сделать — ну и ладно. Но я готова сделать это, если и вы готовы тоже».

«Я отдам себя вам». Вот так она сказала!

Я не знал... не знал, что ответить. Я просто поцеловал ее, и она, возможно, приняла это за мой ответ. А может, она давала мне время на принятие решения. Но мне не нужно время на то, чтобы принять решение. Мэри, я *очень* хочу отдать себя вам. Вы даже и представить себе не можете, как я хочу отдать себя вам. Я хочу отдать себя в ваши руки, распахнуть все закрытые двери внутри себя и открыться перед вами. Я хочу, чтобы вы были тем единственным в мире человеком, который знает обо мне все. Разве вы этого не видите? Это то, чего я хотел всегда. Это все, чего я когда-либо хотел.

Но как? Как я могу это сделать? Как я могу надеяться на то, что вы примите меня?

Я думаю... Да, я думаю, что она вполне могла бы стать таким человеком. Она знает, что это все равно что отбросить прошлое, начать двигаться вперед, будучи уже новым человеком, и не оглядываться назад. Конечно, история моей жизни — это кое-то посерьезнее, чем борьба с алкоголизмом, но в конечном счете разве смысл тут заключается не в том же самом? А именно в том, чтобы смотреть в будущее. В том, чтобы оставить свое прошлое там, где оно и должно быть, — то есть в прошлом. В том, чтобы становиться лучше.

Вот чего я хочу, Мэри. Хочу двигаться вперед вместе с вами. Я на это способен. Я хочу сказать, что я *думаю*, что на это способен. Я хочу попытаться. Разве не является очень важным уже само то, что я хочу попытаться?

Но мне необходимо доверять вам, Мэри.

Могу я доверять вам, Мэри?

Я делаю глубокий вдох и лишь затем перевожу взгляд на первую страницу вышедшего в понедельник номера газеты «Чикаго трибюн».

ФБР считает серию пожаров делом рук серийного убийцы

Серия злодеяний «гениального преступника», совершенных по всей стране, включает в себя пожары в населенных пунктах Шампейн и Лайл

Чикаго. Федеральные агенты в Чикаго и других городах расследуют серию пожаров, произошедших в жилых домах и ранее считавшихся начавшимися случайно. По словам источников, имеющих непосредственное отношение к данному расследованию, ФБР теперь считает, что эти пожары были делом рук «гениального преступника», который снова и снова одурачивал в прошлом году следователей и судебно-медицинских экспертов по всей стране. Подобные пожары, которые сейчас квалифицируются как умышленные убийства, недавно привели, в частности, к смерти тридцатидевятилетнего Кёртиса Валентайна, проживавшего в городе Шампейн, и двадцатитрехлетней Джоэль Свэнсон, жившей в городке Лайл. Власти упорно не дают официальных комментариев относительно числа погибших в результате подобных инцидентов, но, по их словам, сказанных в частном порядке, в совокупности по всей стране погибли «десятки, а то и целая сотня» человек. «Преступник подстраивает все так, чтобы эти пожары казались возникшими случайно, — сообщил один источник, — а смерть — вызванной естественными причинами». Проведенные заново судебно-медицинские экспертизы и возобновленные следственные действия со стороны полиции позволили, по словам источников, выявить нераскрытые убийства, которые сопровождались зверскими пытками и следы которых удалось скрыть благодаря сильным пожарам. «Большинство улик исчезло в пламени», — сказал один следователь.

Обо мне упоминается в шестом абзаце. Там меня называют аналитиком из ФБР и сообщают, что моя сестра Марта погибла в результате пожара в жилом доме неподалеку от Финикса, штат Аризона, в январе прошлого года и что я упорно добивалась от ФБР проведения дополнительного расследования нескольких аналогичных пожаров. «Настойчивость Эмми стала своего рода катализатором», — сказал один источник. Единственная фотография, сопровождающая статью и размещенная в ее продолжении на пятой странице, — это фотография, на которой я пытаюсь сбежать от журналистки у входа в отель.

Но самый интересный абзац вот этот:

Источники, имеющие отношение к данному расследованию, утверждают, что новые улики и оперативно-розыскные действия позволили следователям установить приблизительное местонахождение данного злоумышленника, однако никаких подробностей по этому поводу они нашей газете не сообщили. «Мы примерно знаем, где он живет, — говорит источник. — Его арест — это всего

лишь вопрос времени».

Ну откуда они все это взяли? Мы что, и в самом деле примерно знаем, где он живет?.. Ну да, мы ведь действительно предполагаем, что он проживает «где-то на Среднем Западе».

— Ну что ж, плюс заключается в том, что теперь ты знаменита, — говорит Денни Сассер, осторожно кладя ладонь мне на плечо. — Вообще-то утечка информации могла быть и пострашнее, — добавляет он уже менее легкомысленным тоном.

Это верно. В статье ведь не упоминается ни о том, что характерно для его поездок по стране, ни о регулярном посещении им матчей Национальной футбольной лиги, ни о том, что мы уже прошли этап предварительного расследования.

— О стадионах — ничего, — говорит Букс, врываясь в комнату.

— О футбольных матчах — ни слова, — подхватывает Софи, входя вслед за Буксом. — Это ведь хорошо, правда?

— Это хорошо, вы правы, — говорю я, слегка помахав с воодушевлением руками. — Да, это хорошо.

Мы все молча перечитываем статью. Лично я читаю ее в четвертый раз.

— В утечке информации виноваты местные полицейские, — говорит Денни. — Кто бы ни слил ее, он знает отнюдь не все о том, что мы сейчас делаем.

Может, и так... Я продолжаю читать... Вот рассуждения о выводах судебно-медицинских экспертов... о работе судебно-медицинского эксперта ФБР, выводы которого противоречат выводам местных специалистов... о других местах совершения убийств, не известных журналистам, но, по имеющимся сведениям, охватывающих все регионы Соединенных Штатов... А еще в статье приводится некая общая информация и статистика относительно пожаров в жилых домах на территории Соединенных Штатах и известных случаях поджога... Заканчивается же статья весьма драматичными словами одного из источников: «Это один из самых изобретательных убийц, с которыми мы когда-либо сталкивались».

Чувствуя себя измученными и уже немного справившись с охватившим нас волнением, мы, все четверо, некоторое время молчим. Букс, как обычно, прокашливается и тем самым нарушает тишину.

— Ну так что? — говорит он, пожимая плечами. — Что наш субъект будет делать сейчас?

Нет, нет, нет. Такое не может произойти. Не сейчас. Не *сейчас*!

Я не понимаю. Как это случилось? Как они смогли меня раскусить? Я ведь делал все правильно! Они же вот что обо мне написали: «Гениальный преступник снова и снова одурачивал следователей и судебно-медицинских экспертов». Ну конечно, я их одурачивал. Мои действия были безупречными. Однако, похоже, этот гениальный преступник оказался не таким уж гениальным, не правда ли?

А все из-за этой глупой бабенки — глупой-преглупой бабенки по имени Эмми Докери, которая, как говорится в статье, стала «катализатором», добившимся проведения данного расследования.

Это меня удивлять не должно. Марта рассказывала мне, что вы, Эмми, очень умны и настойчивы. А я был слишком самонадеянным. «Ну и что из того, что ее сестра работает в ФБР? — говорил я себе. — Никто не сможет меня раскусить».

Что же мне теперь делать? Просто собрать свои вещи и отправиться домой? Просто сказать самому себе, что я неплохо потрудился, и зажить обычной жизнью? Именно этого они, конечно же, и хотят. Они приподняли занавес над всеми этими событиями только для того, чтобы я понял это. Разве вы этого не видите? Там ведь практически отсутствуют подробности. Они не знают, *что* я сейчас делаю, как и зачем. Если бы они это знали, то не стали бы сливать информацию об этих событиях в прессу. Нет, они каким-то образом умудрились разузнать, *что* я сотворил, но у них нет ни малейшего представления о том, кто я такой и где нахожусь. Я для них — невидимка. Я всегда был для них невидимкой. И поэтому сейчас они пытаются меня запугать. Да, конечно, они пытаются меня запугать и заставить поверить, что подобрались ко мне уже близко. Но я знаю, что они не близко. Да, именно так: они не близко. Они не могут быть близко, и поэтому они не близко. Они не близко.

Нет, нет, нет. Нет, нет, нет!

Как они смогли меня раскусить? Я не понимаю. Ведь я был таким осторожным! Я был таким дисциплинированным!

Вы думаете, что можете заставить меня остановиться? Вы именно так думаете? Вы думаете, что опубликование этой дурацкой и туманной статьи в газете сможет меня остановить? Вы думаете, я не знаю, что вы, ребята, умышленно публикуете в прессе подобные статьи, чтобы запугать подозреваемых? Да привлечете вы хоть сотню агентов к расследованию данного дела — вы все равно никогда меня не найдете. Даже если я окажусь в автобусе, забитом агентами ФБР, они меня не вычислят. Вы, ребята, работаете отнюдь не так эффективно, как следовало бы, и вы это прекрасно понимаете, не так ли?

Постойте, как же звучит эта поговорка? «Не бывает радуги без дождя, а бриллианта — без огранки»? Вы, ребята, всего лишь заставите меня совершенствоваться. Да, именно так. Это во мне заговорил такой Грэм, каким я был раньше. Возможно, я нуждался в том, чтобы у меня возникли новые препятствия. Возможно, это станет второй главой нашей истории. В первой главе я разъезжаю по стране и действую фактически безнаказанно, в то время как

ФБР спит в здании Эдгара Гувера, пребывая в блаженном неведении. В этой новой главе ФБР просыпается, но все еще не может найти даже собственную тень. Я увеличу обороты — вот что я собираюсь сделать. Я собираюсь увеличить обороты, причем прямо у них под носом, чтобы показать, какие они беспомощные.

Но как — *как* они сумели меня раскусить? Мне все еще не верится. Не верится. Нет, не верится. Кто-нибудь, пожалуйста, объясните мне это!

Впрочем, это не важно. Совсем не важно. Я даже рад, что так произошло, потому что делать то, что я делал, мне было уже слишком легко. А теперь я снова вхожу во вкус. На этой неделе произойдет много интересного. Я сделаю эту неделю особенной.

Вы думаете, что можете запугать меня? Вот увидите, что произойдет на этой неделе, дилетанты, и тогда решите, испугался я или нет.

Букс закрывает глаза и морщится, слушая, как из телефона с включенным режимом громкой связи доносится голос Дикинсона, завершающего свою тираду:

— ...то есть вместо того, чтобы тратить наши ресурсы на преследование хищника, мы расходует их на работу со средствами массовой информации, заваливающими нас своими вопросами.

Вообще-то это он, Дикинсон, работает со средствами массовой информации, а не кто-либо из нас, находящихся в Чикаго, и лично он не принимает никакого участия в работе над данным делом — если не считать того, что он наверняка присвоит все лавры себе в том случае, если наши усилия увенчаются успехом.

— Что вы будете делать дальше? — спрашивает он.

Я бросаю взгляд на Букса, сгорбившегося на стуле, и он кивает в знак того, чтобы я что-то ответила. Я перевожу взгляд с одного угла комнаты в другой, и уже от одного только этого движения глазами у меня возникает ощущение, что в них сзади ударило по молнии.

— Эта неделя — четвертая неделя сезона Национальной футбольной лиги, — говорю я. — Из восьми расположенных за пределами Среднего Запада стадионов, которые наш субъект вроде бы должен посетить, на этой неделе только в трех пройдут домашние матчи: в Детройте, Филадельфии и Далласе. Матч команды из Далласа будут транслировать в прямом эфире в программе «Футбол в понедельник вечером», а потому в Даллас наш субъект не поедет. Он никуда не ездит по вечерам в понедельник.

— Он этого не делает, да? Вы знаете его уже так хорошо? Тогда, наверное, вы можете объяснить, почему он решил взять себе на целую неделю *отпуск*.

Я отвечаю деловым тоном, а не язвительным.

— Он никогда не ездил ни на один матч, проходивший в понедельник вечером. Это не в его стиле. Поэтому он поедет либо в Детройт, либо в Филадельфию.

— Так куда же все-таки? — спрашивает Дикинсон.

— В Филадельфию, — говорю я.

Букс смотрит на меня вопросительно.

— Наш субъект предпочитает действовать масштабно с точки зрения географии, — объясняю я. — Он никогда не посещает один и тот же регион в течение небольшого промежутка времени. Именно поэтому, когда он ездил на другие стадионы во Флориде — например, в Майами, Джэксонвилл, Тампа-Бэй, — он планировал свои поездки так, чтобы конечные пункты не находились слишком близко друг к другу. Когда он приезжал в штат Нью-Йорк на игры команд «Баффало Биллс», «Нью-Йорк Джетс» и «Нью-Йорк Джайентс» происходило то же самое: он всегда старался не посещать стадионы, расположенные рядом, в течение короткого промежутка времени. То есть он поступает так, чтобы никто не распознал стиль его преступной деятельности.

— Вы так до сих пор и не объяснили, почему вы уверены, что он отправится в этот уик-энд именно в Филадельфию, — говорит Дикинсон.

— Потому что в Пенсильвании есть два стадиона — стадион клуба «Стилерз» и стадион клуба «Иглз», — отвечаю я. — И он еще не бывал ни на одном из них. У него остается только восемь недель на то, чтобы закончить свой объезд стадионов, и ему нужно совершить две поездки в Пенсильванию, чтобы распределение стадионов получалось более-менее

равномерным. Если бы я хотела разбросать конечные цели своих поездок в пространстве и во времени, я бы отправилась на этой неделе в Филадельфию, а закончила бы свой объезд стадионов в Питтсбурге.

Пауза.

— Мне кажется, это вполне логично, — говорит Букс.

— Учитывая ваш *послужной список*, Эмми, я в этом не так уверен, — с издевкой произносит Дикинсон.

Букс начинает возражать, защищая меня, но я машу ему рукой, чтобы он не делал этого. Пусть Дикинсон наслаждается своей язвительностью. Я не нуждаюсь в его одобрении. Я не нуждаюсь ни в чем одобрении.

Марта полагала, что я очень воинственная в своем стремлении к личной независимости и что я даже стараюсь отдалиться от своих близких. «Сильная и независимая Эмми, — не раз говорила она про меня с характерным для нее сочетанием упрека и ласки. — Ты всегда пытаешься доказать, что можешь все делать сама, в одиночку».

— Вопрос заключается в том, читал ли наш субъект эту статью в «Чикаго трибюн» и, если читал, какое впечатление она на него произвела, — говорит Букс.

— У вас есть ответ и на этот вопрос, мисс Докери?

Нет, на этот вопрос у меня нет ответа.

Во всяком случае, такого, который основывался бы на фактических данных (а ведь я всегда стараюсь свои заявления чем-то обосновывать). Что у меня есть — так это всего лишь догадка.

— Это будет его мотивировать, — говорю я. — Ему необходимо доказать самому себе, что он не позволит ФБР его запугать.

Букс тяжело вздыхает и с встревоженным видом переводит взгляд на потолок.

— Ситуация, скорее всего, только ухудшится, — говорю я.

Дело в том, что я просто хочу, чтобы все понимали: такого вполне могло и не произойти. Впрочем, кто знает? Может, все равно произошло бы. Теперь мы уже никогда не узнаем, не правда ли? Нет, не узнаем.

Однако встреча с Мэри... встреча с ней...

[Редакторское примечание: пауза длительностью одиннадцать секунд.]

...встреча с ней изменила меня. Или же могла изменить меня. Если бы вы только дали мне шанс это выяснить.

Но нет. Нет, вы решаете сейчас разобраться, чем я занимался все это время. Не год и даже не шесть месяцев назад, а именно сейчас. Нет, вы ждали, когда я встречу эту идеальную женщину, и затем вдруг начали шевелить мозгами и пытаться выяснить, чем я все это время занимался. Вы трещите об этом в газете и переворачиваете всю мою жизнь с ног на голову.

И поэтому я теперь... Думаю, я сформулирую это следующим образом: мне хотелось бы выразить свое недовольство вами. Мне хотелось бы показать вам, *что* происходит, когда вы вмешиваетесь в мою жизнь.

Больше я уже не буду паинькой.

— Этого не может быть, — говорю я в телефон, шагая вокруг своего стола. Я бросаю взгляд на висящие на стене часы и вижу, что сейчас уже почти полночь. Скоро наступит пятница.

Полицейский Глен Холл, тяжело дыша, отвечает:

— Я всего лишь сообщаю вам о том, о чем мне надлежит сообщить, мэ. Мне сказали, что, если произойдет пожар в жилом доме, я должен немедленно позвонить нашему диспетчеру. А тот, когда я позвонил, перенаправил меня к вам...

— Да-да, я все понимаю. Вы поступили правильно.

Полицейский Холл сделал то, что ему велели сделать. Мы попросили правоохранителей тех двух районов, где наш субъект может нанести удар на этой неделе, — а именно Детройта и Филадельфии, — немедленно сообщать нам обо всех пожарах в жилых домах. Холл, узнав о таком пожаре, тут же позвонил нам.

Я была уверена, что следующим местом, где наш субъект совершит преступление, станет Филадельфия. Однако полицейский Глен Холл работает в полицейском управлении городка Аллен-Парк, штат Мичиган. Аллен-Парк находится в пригороде Детройта.

Я щипаю себя за переносицу.

— Сколько, вы сказали, жертв?

— Мэм, их... их...

Его голос срывается. Я не знаю, то ли это из-за плохой связи, то ли из-за того, что он очень сильно волнуется. Скорее всего, по второй причине.

— Их там шесть, — наконец говорит он. — Шесть тел.

— Понятно. И они были обнаружены в одной и той же спальне?

— Совер... совершенно верно.

— Мне жаль, что приходится расспрашивать об этом, но не могли бы вы рассказать, в каком положении находились тела?

— Я... похоже... похоже, что я... — Я слышу, как он делает глубокий вдох, пытаюсь, по-видимому, взять себя в руки. — Они лежали в ряд, как в морге.

Это *он*. Точно он.

— Я получил твое сообщение, — говорит Букс, стремительно заходя в комнату. — Это *он*? Но трупов целых шесть!

Потупив взор, я киваю.

— Шесть трупов? Он никогда не делал такого, Эмми.

— Это *он*, — говорю я. Ничего не услышав в ответ на свои слова, я поднимаю глаза и встречаюсь с Буксом взглядом. — Это он.

Букс достает из кармана сотовый телефон и нажимает на нем какие-то кнопки.

— Это Букмен, — говорит он затем в телефон. — Поднимайте группу быстрого реагирования. Мы отправляемся в Детройт.

Через полтора часа после того, как мне позвонили из городка Аллен-Парк, штат Мичиган, я уже сижу в маленьком десятиместном самолете вместе с Буксом и шестью членами нашей группы быстрого реагирования. Букс разговаривает по телефону со спецагентом из детройтского отделения ФБР, громко давая указания. Я смотрю в иллюминатор, и мои мысли движутся как бы по спирали в разных направлениях... Наконец мужчина, который сидит напротив меня и которого мне только что представили (но его имя я тут же забыла), вдруг прерывает поток моих мыслей.

— Значит, в выборе им этих жертв не просматривается никакой последовательности?

— Нет, никакой, — говорю я. — Мужчины и женщины. Белые, черные, латиноамериканцы, азиаты. Детей нет, а так все возрасты — от двадцати до семидесяти семи. Самые разные социальное положение и уровень достатка — бухгалтер, адвокат, врач, продавщица обуви, дворничиха и продавщица в бакалейном магазине. Единственное, что объединяет этих жертв, — это то, что все они жили в своих домах в одиночку.

— И больше ничего общего?

Я отрицательно качаю головой.

— Ничего общего мы обнаружить не смогли, хотя собрали о них самую полную информацию, вплоть до городов, в которых они выросли, школ, в которых они учились, клубов, которые они посещали, религиозных организаций, в которых они состояли, социальных сетей, которыми они пользовались. И — ничего, — со вздохом говорю я. — Они все — нормальные, обычные люди, у которых нет какой-либо одной объединяющей их всех характеристики.

Букс убирает свой телефон и смотрит на меня.

— Жертвами сегодня вечером были только женщины, — говорит он. — Шесть женщин. У них, похоже, отделяли конечности. У всех есть колотые, а может, и огнестрельные раны, но это окончательно выяснится только после проведения аутопсии.

— Вообще-то это отличается от его обычной манеры совершения преступлений, да? — спрашивает один из агентов.

— Да, отличается, — отвечаю я. — Шесть жертв сразу — это для него нехарактерно. И методы убийства другие. Тот факт, что на месте преступления было обнаружено так много улик и что не все их поглотил огонь, свидетельствует о том, что он изменил стиль своей преступной деятельности. Кардинально изменил.

— Он нарушил свои правила, — говорит Букс. — Похоже, он нервничает и дергается.

— Ему уже ни к чему следовать своим правилам, — говорю я. — Потому что теперь ему известно, что *мы* знаем о том, чем он занимается. Для него уже не важно, сочтут ли пожар и смерть чистой случайностью, так как он знает, что мы в это не поверим. Откровенно говоря, я даже не понимаю, зачем ему нужно было устраивать пожар.

— Он хочет, чтобы мы знали, что это сделал именно он. — Букс на несколько мгновений задумывается, а затем кивает. — Он как бы шлет нам послание. Он говорит: «Я не боюсь ФБР. Ведь вы, если разобраться, так ни до чего и не докопались».

Я содрогаюсь от этой мысли, хотя я опасалась именно такого развития событий с того самого момента, как в прессу просочилась информация о нашей охоте за этим субъектом и была опубликована соответствующая статья.

— Сейчас он допустит какую-нибудь ошибку, — говорит другой агент. — Раз он начал дергаться, неизбежно сделает что-нибудь не так.

Возможно. В данной сфере специалистами являются эти агенты, а не я. Но я не вполне согласна с только что высказанным предположением. Кроме того, в настоящий момент меня это не так уж и волнует. Мне сейчас хочется только одного.

Я хочу, чтобы наш субъект пошел в это воскресенье на футбольный матч команд «Миннесота Вайкингс» и «Детройт Лайонс».

Букс ходит туда-сюда по роскошной ложе класса люкс в северном секторе стадиона «Форд Филд», где разместился наш командный пункт. Сейчас он энергичен, деловит и явно чувствует себя здесь в своей тарелке. Он с воодушевлением инструктирует нашу бригаду численностью около ста пятидесяти человек, состоящую из сотрудников местной полиции, полиции штата и правоохранительных органов федерального уровня. Все правоохранители, участвующие в этой операции, в обычной штатской одежде и выглядят как мужчины и женщины, собравшиеся поглазеть на футбольный матч. Букс сейчас именно такой, каким я его увидела при первой встрече. Он похож на негибаемого агента Джо Фрайди, которого даже трудно представить занимающимся чем-то другим, помимо своей работы, и который, похоже, не интересуется в этом мире ничем, кроме выполнения порученного ему задания, и сделает все возможное, чтобы задержать злоумышленника.

— Эй, внимание, попрошу тишины! — говорит Букс, и через несколько секунд в этой шикарной ложе воцаряется полная тишина. — Вероятно, для нас это наилучшая возможность поймать самого жуткого из всех серийных убийц, с которыми я когда-либо сталкивался, а потому очень важно, чтобы мы помнили фундаментальные правила. — Букс переводит дух. Он явно волнуется. — Сегодня тут будут находиться шестьдесят тысяч человек, и один из них — наш субъект. Если вы будете вести себя, как агент ФБР, он вас заметит. Если вы будете вести себя, как полицейский, одетый в штатское, он вас заметит. Если вы будете вести себя, как человек, который кого-то разыскивает, он вас заметит. Он сообразительный, проницательный и очень осторожный. *Вы должны вести себя так, чтобы он вас не заметил.*

Букс делает паузу, и все дружно молчат вместе с ним.

— В силу всего этого мы будем действовать не как обычно. Мы хотим, чтобы он приехал на стадион. Как только он здесь окажется, мы хотим не допустить, чтобы он этот стадион покинул. Если нам потребуется останавливать каждого белого мужчину в возрасте тридцати или сорока с лишним лет — может, с выпирающим животом, а может, и нет, может, лысого, а может, и нет, — в общем, если нам потребуется останавливать каждого из этих мужчин *на выходе* из стадиона, мы станем это делать. Но сначала вам нужно сделать так, чтобы он *оказался* на стадионе. Ваша работа сегодня состоит в том, чтобы идентифицировать потенциальных подозреваемых, как только они окажутся здесь, и сообщать нам о них по телефону сюда, на командный пункт. *Не уделяйте никому из подозреваемых особого внимания*, пока не получите соответствующего указания от нас. У вас не будет наушников, и вы не будете использовать портативных раций. Вы будете звонить по номерам, присланным вам на ваши мобильные телефоны, и при этом будете делать вид, что спрашиваете свою жену или, соответственно, своего мужа, почему он или она так долго не возвращается из туалета. А еще вы будете изо всех сил стараться вести себя так, как будто вы и в самом деле пришли сюда исключительно ради того, чтобы посмотреть, как футболисты клуба «Детройт Лайонс» разделяются с соперниками из клуба «Миннесота Вайкингс».

— Да будет так! — шепчет один молодой местный полицейский, одетый в светло-синий свитер с эмблемой клуба «Детройт Лайонс».

У меня мелькает мысль, что пресловутый кризис городов, возможно, и в самом деле

подтачивает город как таковой изнутри, и что мы, возможно, охотимся на самого талантливого серийного убийцу за всю историю человечества, и тем не менее футбол есть футбол.

— Та группа, которая будет находиться здесь, на командном пункте, станет наблюдать на своих мониторах за всем, что ходит, ползает или летает в радиусе полумили от этого стадиона. К счастью, когда в 2006 году на этом стадионе разыгрывался суперкубок, здесь установили разветвленную сеть беспроводного видеонаблюдения, чтобы можно было наблюдать за действиями толпы, за теми, кто заходит и выходит, и за прилегающей к стадиону территорией. Хвала городу Детройту — это оборудование все еще работает! Вы будете сообщать нам по телефону о местонахождении обнаруженного вами подозрительного субъекта, а также его приметы, а мы будем рассматривать его с помощью камеры видеонаблюдения. И мы будем принимать решение, что делать дальше. Мы не хотим вспугнуть этого типа еще до того, как будем готовы его схватить.

Букс передает слово местному сержанту, распределяющему задания, и присоединяется ко мне, Софи и Денни, сидящим у боковой стены. Появляются официанты и начинают расставлять сияющие подносы на стойках, установленных вдоль соседней стены. Я поднимаю одну бровь, и Букс невесело усмехается:

— Понимаешь, *крайне необходимо*, чтобы все здесь выглядело так, как в любой другой ложе класса люкс. Мы находимся в северном секторе, и те, кто расположился в ложах южного сектора, смогут разглядеть нас, если захотят это сделать. Мы таким образом маскируемся.

— Как замечательно, что эта маскировка предполагает наличие итальянской говядины! — шепчу я.

Я слышу, как произносят наши имена и фамилии.

— Агент Букмен — командный пункт. Софи Таламас — командный пункт. Денни Сассер, вы возглавляете группу, которая продает билеты с рук на Восточном рынке. Эмми Докери — ворота «А»...

— *Ворота «А»?* — переспрашиваю я у Букса. — Ты поставил меня возле ворот «А»? Тебе известно так же хорошо, как и мне, что он не станет проходить через них.

Поскольку к западу от этого стадиона, на противоположной стороне Браш-стрит, находится бейсбольный стадион «Комерика-Парк», а к юго-востоку — на противоположной стороне Бикон-стрит — 36-й федеральный окружной суд, там имеется столько камер видеонаблюдения, что мы смогли бы увидеть, что у местных муравьев сегодня на ужин. Поэтому наш субъект выберет какие-нибудь ворота северного сектора — ворота «В», «С», «D», «Е» или «F». Через эти ворота удобнее пройти к местам парковки, и возле них меньше высоких зданий, с которых может вестись наблюдение.

— В самом деле? — шепчет Букс, глядя на меня с невозмутимым видом. — Но если ты будешь находиться возле ворот «А», то вероятность того, что он узнает тебя по фотографии в «Чикаго трибюн», будет минимальной, не так ли?

Он прав. И я всегда сильно злюсь, когда он прав.

После того, как все задания распределены, Букс снова выходит на середину ложи и окидывает взглядом собравшихся. Мужчины и женщины подпрыгивают на месте, потягиваются, трясут руками и ногами, как бы стряхивая с себя нервное напряжение. Со стороны может показаться, что и они тоже собираются играть в футбол.

— Большинство людей не ходят на футбол в одиночку, — говорит Букс. — Так что он

хотя бы поэтому будет бросаться в глаза. Но он умен. И поэтому, возможно, он попытается зайти на стадион вместе с какой-нибудь семьей или другой группой людей с таким видом, как будто он один из них. Вероятно, он завяжет с этими людьми разговор, чтобы со стороны казалось, что они хорошо друг друга знают. Но в какой-то момент он отделится от них. Я не могу в данной ситуации выдать вам четкую письменную инструкцию. Но я еще раз напомню: следите за всем, о чем я вам говорил, делая это так, чтобы никто *даже не догадался*, что вы за чем-то или за кем-то следите. Это ведь совсем не трудно, правда?

Слышится сдавленный смех. Это классическая манера поведения Букса: он объясняет, в чем заключается задача собравшихся перед ним людей, и пытается сплотить их в единый коллектив.

А затем он еще раз — уже последний — напоминает им о важности того, что они сейчас будут делать.

— За прошедший год этот тип замучил и убил семь десятков человек, а то и больше. Он снимал скальпы, ошпаривал кипятком и хладнокровно резал живую плоть. Он применял такие пытки, которые ужаснули бы даже нацистских военных преступников. В четверг вечером он зверски убил шесть женщин в городке Аллен-Парк. В пятницу он убил мать и троих детей, а затем поджег их. Он — самый «продуктивный» из всех серийных убийц, с которыми я когда-либо сталкивался, и эта его «продуктивность» сейчас резко возросла. Он все больше и больше свирепствует.

Букс окидывает ложу взглядом.

— Этот человек — монстр. И сегодня мы схватим его — живого или мертвого.

— Эмми, ты протрешь дырку в бетонном покрытии, если будешь ходить вот так туда-сюда, — говорит Букс, когда я звоню ему по мобильному телефону. — И ты совсем не похожа на человека, который собирается смотреть футбольный матч. Стой спокойно и делай вид, что ты кого-то ждешь, например, своего ухажера с билетами.

— Для меня это непросто, — замечаю я. — У меня никогда не было ухажера, который водил бы меня на футбол.

— Ничего удивительного. Ты никогда не проявляла ни малейшего интереса к футболу.

Да, это верно.

— А что там наши «продавцы билетов» на Восточном рынке? — спрашиваю я уже в сотый раз.

Мы предположили, что наш субъект платит только наличными и что он не захочет использовать свою кредитную карточку для покупки билета, а предпочтет купить его с рук возле стадиона непосредственно перед матчем, и поэтому мы направили нескольких агентов «торговать» билетами на Восточном рынке.

— У нас есть кое-какие зацепки, — отвечает Букс с досадной расплывчатостью. — Но ты лучше сконцентрируйся на том задании, которое поручили лично тебе.

— Спасибо за замечательный совет.

Он, конечно, прав. Я нервничаю, и, возможно, это заметно. Букс тоже нервничает. Все нервничают, а потому пытаются снять напряжение так, как это обычно делают полицейские и агенты ФБР, — при помощи сарказма и простеньких шуточек.

Ворота открыли за два часа до начала матча, и я увидела, пожалуй, тысяч пятнадцать пузатых белых мужчин, во внешности которых — будь то их рубашки, штаны, лица или другие части тела — так или иначе представлен голубой цвет в различных оттенках. Впрочем, я не заметила, чтобы кто-то шел один: похоже, все шли на стадион в компании по меньшей мере с еще одним человеком.

Я завершаю телефонный разговор с Буксом, смотрю на часы и качаю головой с таким видом, как будто я чем-то раздражена — ну, как будто я и правда жду своего ухажера, а он все не идет и не идет. Ну почему я торчу здесь, тогда как Софи сидит там, на командном пункте? Я, конечно, знаю ответ: Софи, как выяснилось, имеет большой опыт работы со сложными сетями устройств наблюдения, и поэтому она сейчас там, в ложе класса люкс, а я вынуждена терпеть поверхностный досмотр при входе на стадион — меня ощупывает слабо подготовленный охранник. Представители правоохранительных органов сейчас не проходят через отдельный вход: нам необходимо делать вид, что мы обычные граждане. Я, кстати, могу указать на своем теле около двадцати мест, где я могла бы спрятать что-то запрещенное, и это не обнаружили бы охранники стадиона.

Я прохожу через контрольно-пропускной пункт, делая вид, что не замечаю пятерых агентов, занимающихся тем же самым, что и я. Многие из замаскировавшихся под футбольных болельщиков агентов идут парами и рассредоточиваются по секторам стадиона.

По правде говоря, мне раньше даже в голову не приходило, что, глядя на футбольный стадион изнутри, я смогу мысленно произнести: «Красиво!» Однако стадион, на который я сейчас захожу, и в самом деле красивый. Тут все сделано из стекла, стали и камня. Само поле — под открытым небом, а потому на нем как бы естественное освещение. Дует свежий

ветерок. Изнутри это спортивное сооружение больше похоже на торговый пассаж, чем на стадион. Дело в том, что этот стадион был построен на месте старого универсального магазина, и его архитектура при этом была сохранена — в том числе и старинная улица, вымощенная булыжником. Я слышала, что местные жители очень гордятся своим стадионом, и я их понимаю. Впрочем, здесь много балконов, с одного из которых наш субъект, возможно, сейчас наблюдает за тем, как мы просачиваемся на стадион.

А ведь не у всех нас, борцов за правопорядок, получается не привлекать к себе внимание. Я вижу мужчину среднего возраста с коротко подстриженными волосами, стоящего у входа в магазин спортивной одежды и тратящего больше времени на то, чтобы всматриваться в толпу, чем на разглядывание свитера детского размера, который он взял с прилавка. С таким же успехом он мог бы стоять с плакатом «Я ПРОСТО ПРИТВОРЯЮСЬ ЧТО ЧТО-ТО ПОКУПАЮ, А НА САМОМ ДЕЛЕ Я ПОЛИЦЕЙСКИЙ».

Я пересекаю свободное пространство, примыкающее к Адамс-стрит, и иду по направлению к своему месту: я буду находиться в ближней части сектора № 112. Игровое поле расположено намного ниже уровня улицы — наверное, для того, чтобы стадион не получился очень высоким и не заслонял собой городской пейзаж. Когда я прохожу мимо ворот из кованого железа, отделяющих свободное пространство от игрового поля, мне видно, что, чтобы попасть в первую часть сектора с сидячими местами, нужно спуститься по ступенькам, а не подняться.

На трибунах — огромная масса людей, шум, гам. Все это вызывает у меня чувство бессилия. «Мы не сможем отыскать его здесь. Зрителей на стадионе слишком много, а нас слишком мало».

Возьми себя в руки, Эмми!

Я медленно иду к своему месту, как бы невзначай просматривая сектор. Затем я звоню Буксу.

— Привет, милый! — говорю я радостным голосом. — Стадион сегодня, конечно же, полон! Малыш, жаль, что тебя здесь нет. Но я очень рада, что ты увидишь все это по телевизору!

— Замечательно, Эмми, — слышу я голос Софи на другом конце линии. — Что там у вас?

— Сектор один одиннадцать, девятый ряд, места третье и четвертое. Сектор один тринадцать, двадцать шестой ряд, посередине, и тридцатый ряд, место пятое или шестое. А еще сектор один двенадцать, восемнадцатый или девятнадцатый ряд — точно не могу сказать, — посередине. Все они либо лысые, либо их головы и лица чем-то скрыты. Тут таких я наверняка увижу еще с десятков, а то и больше.

Я сажусь, чтобы, по меньшей мере, сделать вид, что наблюдаю за игрой. Футболисты команды «Миннесота Вайкингс» ловят введенный противником в игру мяч и проносят его в зону противника так, что им удается заработать тачдаун. Ну и начало игры, Детройт!

Когда начинается четвертый — и последний — период, Детройт проигрывает со счетом 20:6. Мне ни капельки не интересно, каким будет результат этого матча, в котором взрослые люди в красочных костюмах современных гладиаторов пытаются пересечь с кожаным мячом в руках какую-то разграничительную линию, но мне очень даже интересно, как скоро этот матч закончится. Если назревает то, что Букс называет победой с явным преимуществом, то болельщики вскоре уже могут начать расходиться и нам нужно быть готовыми к выходу нашего субъекта со стадиона немного раньше, чем планировалось.

Счет 20:6 — это уже «победа с явным преимуществом» или еще нет? Этого я не знаю. Мои болтливые соседи по сектору № 112 как-то комментируют мне счет в этом матче, и я киваю в ответ с таким видом, будто понимаю то, что они мне говорят. Я была вынуждена делать это уже не один раз. Мне приходилось изображать гнев по поводу неудачного возврата панта^[51] в начале второй половины игры, ругать вместе с моими соседями координатора специальных команд^[52] клуба «Детройт Лайонс» за его некомпетентность, одобрительно кивать, когда защита команды «Детройт Лайонс» «наконец-таки проснулась». И мне приходится придумывать один за другим поводы позвонить своей матери (или же сестре, брату, мужу, сердечному другу, тете) каждый раз, когда я вижу вроде бы лысого человека с вроде бы узким носом и вроде бы покатыми плечами.

Букс и его группа, должно быть, взяв крупным планом, уже рассмотрели почти всех мужчин, находящихся на стадионе. Случился и курьез: один из местных полицейских указал людям Букса на Денни Сассера, когда тот пришел на стадион.

— Мне больше нравится быть аналитиком, — говорю я своему «брату» по телефону, снова оказавшись на свободном пространстве, примыкающем к Адамс-стрит. — Заниматься подобным наблюдением — это не для меня.

— Вас поняла, — говорит Софи. — Почему бы вам не проверить переносные лотки? Получилось несколько слепых зон, когда они установили зонтики.

— Хорошо.

По мере приближения конца матча я ощущаю все больший приток адреналина в кровь. Я знаю, что наш субъект здесь. Я это чувствую.

Я иду медленно, как бы невзначай разглядывая людей. Когда-то мы с Мартой разгуливали летом подобным образом по торговым рядам. Стадион начинает потихоньку пустеть, но болельщики клуба «Детройт Лайонс» — это не те люди, которые уйдут, не досмотрев матч. Они будут наблюдать за игрой до последнего момента. Это я узнала, находясь в секторе № 112. Мне прекрасно слышно, что происходит на стадионе, и я вижу, как наши правоохранители устанавливают контрольно-пропускные пункты. Мы готовимся «просеивать» болельщиков, покидающих стадион. Это все, что нам остается. У меня в животе что-то сжимается. Нет абсолютно никаких шансов на то, что наш «карась» попадет в такую грубую сеть, как эта. Он слишком педантичный. Слишком прыткий. Слишком умный.

Я прислоняюсь спиной к стене возле лифтов, ведущих на второй этаж, и начинаю разглядывать людей, проходящих мимо. Мои пальцы нервно отбивают ритм на металлической поверхности в такт музыке, доносящейся со стадиона. Если мне позволят сказать об этом матче лишь что-то одно, то я скажу, что на этом стадионе в Детройте

звучала действительно хорошая музыка. Детройт, в котором находится штаб-квартира компании «Мотаун»,^[53] вполне может гордиться своим музыкальным наследием. На стадионе прозвучали песни таких выдающихся местных музыкантов, как Кид Рок^[54] и Эминем.^[55] Когда я иду обратно на стадион, к своему месту, Арета Франклин^[56] начинает исполнять припев своей знаменитой песни «Уважение».

Я вдруг чувствую, что справа от меня происходит что-то странное, что там возникла какая-то пустота. Возможно, именно это спецагенты называют шестым чувством. Мне становится не по себе. Стадион находится слева от меня, и ступенчатый потолок, представляющий собой обратную сторону трибуны, делает правую сторону очень высокой. Я пока не замечаю среди ресторанов и магазинов ничего необычного, но ощущаю отсутствие движения в том месте, где все движутся и всё движется.

Я останавливаюсь и окидываю взглядом небольшую группу людей. Среди них никто не похож на нашего субъекта, но возникшее у меня чувство почему-то не пропадает. Более того, оно усиливается. Мне начинает казаться, что голос Ареты, разносящийся над стадионом, теперь доносится до меня откуда-то издалека — как будто я оказалась внутри помещения, стены которого заглушают все звуки.

О-о-о, поцелуй твои (о-о-о...)
Слаще меда...

Мое сердце уже бьется как бешеное, ладони потеют и становятся липкими. Я не могу объяснить этого... Я просто каким-то образом чувствую...

Я оборачиваюсь и вижу, что в двадцати ярдах от меня стоит абсолютно неподвижно и тарашится на меня какой-то мужчина.

Густая шевелюра. Большая борода. Кепка с эмблемой клуба «Детройт Лайонс» на голове. Очки в роговой оправе. Воротник куртки высоко поднят. Маскировка. И хотя я не могу толком рассмотреть его глаза, я знаю, что они уставились на меня.

От неожиданности я часто моргаю и все еще не верю. Наш субъект, открыто глазеющий на меня. Люди проходят между нами: болельщики идут кто в туалет, кто из туалета, — но каждый раз, когда он снова попадает в мое поле зрения, я вижу, что он все еще стоит неподвижно и все еще смотрит на меня.

Это он.

Какая-то женщина случайно задевает его. Его тело слегка отклоняется в сторону, но он ни на миг не отводит от меня взгляда.

Это он.

Он слегка наклоняет голову — как будто хочет, чтобы ему было лучше меня видно.

В течение следующих нескольких секунд я стою неподвижно и почти не дыша — словно парализованная. Но я хочу, чтобы он видел меня. «Вот я, — хочу я сказать ему. — Я нашла тебя».

В эти бесконечно долгие секунды я слышу, что Арета Франклин поет уже тихим голосом, шум толпы то нарастает, то убывает, а мы с этим типом неотрывно смотрим друг на друга.

Две секунды? Десять? Я не знаю, сколько проходит времени до того, как я вспоминаю, *зачем* держала все это время сотовый телефон в руке: для того, чтобы мне не пришлось лезть за ним в карман в тот момент, когда он мне срочно понадобится.

И вот этот момент наступил. Мое сердце колотится так, что его удары отдаются в горле. Я бросаю взгляд вниз, на свой телефон, и мой большой палец перемещается на кнопку быстрого набора, при помощи которой я могу почти мгновенно связаться с командным пунктом.

Однако я почему-то не нажимаю на эту кнопку, а снова смотрю на нашего субъекта, бесстрастное выражение лица которого сменяется своего рода снисходительной усмешкой.

И тут я вижу в его руке маленькое черное устройство — возможно, его сотовый телефон. Однако зачем ему сотовый телефон в данный момент?..

Вдруг раздается грохот взрыва — грохот такой оглушительный, что я едва замечая, как что-то, поранив меня, отскакивает от моего лица. Хотя я знаю, что вскрикнула, я не слышу собственного голоса. Бетонный пол вдруг вздымается и ударяет меня по щеке.

Пребывая в оцепенении, я не замечая ни липкого бетонного покрытия, ни своей крови, ни мигания проблесковых маячков. Я также ничего не слышу, но при этом, лежа на бетонном полу, *чувствую* внезапное изменение в вибрации стадиона — чувствую поспешный топот множества ног...

Я поднимаю голову и смотрю в направлении нашего субъекта — человека, за которым я охотилась более года, — но вместо него вижу немой фильм ужасов: беззвучные сумасшедшие движения тел. Я вижу панику, попытки протиснуться побыстрее через узкий проход между сиденьями и — после того, как удастся вырваться из толчеи, — движение стремительного потока к выходу. Я ползу на четвереньках, как испуганная собака, к колонне у внутренней стены стадиона и обхватываю ее так, как обнимают своего возлюбленного.

Толпа обтекает меня, мне наступают на ноги или же спотыкаются о них. Я с трудом подтягиваю ноги к животу и сворачиваюсь в такую позу, в какой находится ребенок в чреве матери.

Ухватившись за колонну, я тем самым цепляюсь за свою драгоценную жизнь. Люди напирают, спотыкаются, лезут друг через друга в отчаянном стремлении покинуть это место. Из-за такого большого скопления людей в узком проходе и такой давки становится душно, и дышать уже очень тяжело. Я поднимаю голову, хватаю ртом воздух и напрягаю слабеющие руки и ноги, чтобы не сорваться со своего «якоря». Если я его отпущу, толпа наверняка меня раздавит, затопчет.

В голове у меня звенит, мне не хватает кислорода, я пытаюсь побороть в себе нарастающее чувство тошноты и не поддаюсь одолеваящему меня страху. Сколько людей умрет здесь сегодня? Я не знаю. И не могу сейчас об этом думать, потому что сама окажусь в числе погибших, если мне не удастся удержаться за колонну.

«Он снова это сделал», — думаю я. Наш субъект снова улизнул от нас. Он скрылся где-то среди этих шестидесяти тысяч людей, устремившихся к выходам и тут же заполнивших собой улицы вокруг стадиона «Форд Филд» после того непонятного взрыва, который заставил мои барабанные перепонки перестать функционировать. Он перехитрил нас еще раз. Он был готов к встрече с нами. Ну конечно, он был к ней готов. Он все время был готов к тому, что мы попытаемся его поймать. Каждый раз, когда мы думаем, что подобралась к нему уже близко, он, предвидя наши действия, принимает эффективные контрмеры.

«Он никогда не остановится. И мы никогда не сумеем его поймать».

— Сидите спокойно, — говорит сотрудник службы по оказанию срочной медицинской помощи.

— Со мной все в порядке. Это всего лишь царапина.

— У вас контузия, и на вашу щеку нужно наложить швы.

Солнце зашло, и небо начинает темнеть. После взрывов прошло четыре часа. Сотрудники службы по оказанию срочной медицинской помощи уже давно перенесли тех, кто серьезно пострадал, в травмопункты. Лишь совсем немного гражданских лиц все еще находятся в районе парковки возле стадиона «Форд Филд», которая сейчас заполнена автомобилями Министерства внутренней безопасности, ФБР и Национальной гвардии, а также автофургонами средств массовой информации, привезшими сюда репортеров и съемочное оборудование. Над стадионом летают вертолеты, с которых ведется съемка места происшествия для выпусков новостей. Взрывы во время матча Национальной футбольной лиги, конечно же, не могут быть обойдены вниманием прессы.

Похоже, всего было восемь взрывов, происходивших с интервалом в несколько секунд в различных местах в южном секторе стадиона. Мне сказали, что это не были бомбы как таковые, а просто очень мощные петарды, толково размещенные на стадионе и возле него в переполненных мусорных контейнерах в местах, где акустика максимально усилила звуки взрывов, — в том числе и возле ворот «А», где находилась я.

Болельщики на стадионе «Форд Филд», услышав взрывы, не стали ждать, когда кто-нибудь объяснит им, что происходит: им недосуг было разбираться в разнице между мощной пиротехникой и бомбой террориста. Когда один за другим прогремели взрывы, началось паническое бегство к выходам, остановить которое не смог бы никто — в том числе и ФБР. Но даже если бы наши агенты и были технически и физически в состоянии сдержать толпу, они все равно не имели на это права в соответствии с существующими инструкциями, которые требуют, чтобы при подобных инцидентах все двери и ворота были распахнуты настежь с целью обеспечения беспрепятственной эвакуации. То есть мы были попросту обязаны позволить всем покинуть стадион, тем более что в критические первые минуты все наверняка подумали, что это было не что иное, как террористический акт.

Букс и его люди изо всех сил старались погасить панику, но им это не удалось — уж слишком были напуганы люди. Они буквально заскакивали в свои автомобили и поспешно уезжали прочь еще до того, как мы успели разобраться, что же произошло.

Букс подходит и кладет ладонь на мое плечо.

— Тебе повезло, что твои барабанные перепонки не лопнули, — говорит он (а мне сначала показалось, что именно это и произошло). — Ты находилась как раз рядом с одним из мусорных контейнеров, в которых взорвалась М-80.

Я осторожно трогаю пластырь на своей щеке и спрашиваю:

— Что там взорвалось?

— Это была взрывчатка М-80, — поясняет Букс. — Изначально она относилась к военным взрывчатым веществам. Ее запретили продавать еще в шестидесятые годы, но люди до сих пор приобретают ее незаконным путем. Черт, теперь я вспоминаю, что и сам взрывал ее, когда был ребенком. Грохот при этом просто жуткий. Раз в сорок или пятьдесят сильнее, чем у мощных петард, которые можно купить вполне законно.

Я поднимаюсь с сиденья в задней части салона скорой помощи. Голова у меня при этом сильно кружится, но мне удастся сохранить равновесие.

— А как он пронес взрывчатые вещества на стадион? — спрашиваю я.

— О-о, это легко, Эм. — Букс сводит большой и указательный пальцы так, чтобы между ними осталось пространство в один дюйм. — Они примерно вот такого размера, и металла в них нет.

— А детонатор?

— Должно быть, он использовал дистанционный детонатор. Он мог купить его в любом магазине, в котором продают петарды.

Ну и дела! Остается только пожать плечами.

— Он ждал нашего появления здесь, — говорю я.

Букс кривит губы.

— В прессе ничего не говорилось о том, что мы знаем о существовании связи между его преступной деятельностью и футбольными матчами. Но он умен. Это нам известно. Думаю, с его стороны это было всего лишь мерой предосторожности. Когда он увидел тебя, то понял, что ему необходимо обеспечить себе возможность беспрепятственно скрыться. Вот он ее себе и обеспечил.

Я вздыхаю. Как всегда, мы играли в шашки, а наш субъект играл в шахматы.

— Никто не погиб? — с надеждой спрашиваю я.

— Насколько известно на данный момент — никто. Некоторых людей серьезно помяли, когда все ринулись к выходам. Я еще никогда не видел, чтобы так много людей вдруг так сильно испугались. — Он начинает смотреть куда-то в пространство, а затем передергивает плечами и трясет головой, словно пытаясь отогнать от себя эти воспоминания. — Взрывы сами по себе не причинили вреда никому, кроме людей, стоящих возле контейнеров с мусором, — где стояла и ты. Но сразу же началась паника. Говорят, в результате сейчас у сотен людей поломаны кости, множество синяков и ссадин, но пока никто не умер.

Хвала Господу за это. Сегодня это первая хорошая новость.

Букс показывает мне рисованное изображение нашего субъекта, выполненное полицейским художником на основе моего описания. Густые темные волосы, большая борода, очки с толстыми стеклами, кепка с эмблемой клуба «Детройт Лайонс», пиджак с высоко поднятым воротником.

— Явная маскировка, — говорю я. — Но в общем и целом — такой, каким я его видела.

— Ну и хорошо. Теперь мы попробуем заметить его на записях видеокамер, сделанных сегодня на входах на стадион, — говорит он. — Если это получится, тогда мы сможем увидеть, где он сидел, и прокрутим все события назад.

— Да, надо попытаться, — соглашаюсь я. — Мне следует при этом присутствовать. Я единственная, кто его видел.

Букс берет меня за руку.

— Тебе необходимо съездить в больницу, Эм.

Я высвобождаю руку.

— Со мной все в порядке.

— Нет, Эмили Джин. Ты едешь в больницу. Тебе нужно как минимум наложить швы. Это приказ.

Я пристально смотрю на него, и он моргает первым. Никто из нас не собирается делать вид, что он может мне что-либо приказывать.

— Харрисон Букмен, ты прямо сейчас усадишь меня перед видеомонитором, — говорю я. — А иначе уже *тебе* придется накладывать швы.

Проработав затем за компьютерами в течение двух часов в ложе класса люкс, в которой разместился наш командный пункт и в которой все еще пахнет подававшейся здесь едой, мы — Букс, Софи, Денни и я — чувствуем себя измученными. Наши глаза устали так сильно, что уже трудно что-либо разглядеть.

— Ну что ж, теперь мы, по крайней мере, знаем, что он заходил на стадион совсем не в той одежде, в которой он был, когда ты его увидела, — говорит Букс, сообщая нам то, что для нас и так очевидно.

Мы просмотрели видеозаписи, сделанные на каждом входе на стадион, но не обнаружили на них нашего субъекта. Видимо, он был одет как-то по-другому, когда проходил контрольно-пропускной пункт.

Букс энергично трет себе лоб — так, как будто пытается удалить с него чернильное пятно.

— Это был наш наилучший шанс узнать, где он сидел, — говорит он. — Но есть и другие способы сделать это. Его не могли не засечь разные камеры, и, может быть, нам повезет и мы разглядим его в толпе.

Я киваю с таким видом, будто эти слова вселили в меня надежду. Но на самом деле это не так. Наш субъект все обдумал. В быстроте мысли он каждый раз опережает нас на целую милю.

— Теперь уже трудно сказать, пойдет ли он еще на какой-нибудь матч Национальной футбольной лиги, — говорю я. — Конечно, мы можем надеяться, что он сделает это исключительно из упрямства, но я не поставила бы на это и пяти центов. Мы его окончательно упустили. — Я откидываюсь на спинку стула. — Это был наш последний шанс.

— Да ладно, не надо все так омрачать, — говорит Софи. — Давайте посмотрим на график матчей на следующей неделе и выработаем план. Это будет пятая неделя данного сезона, да? Вы, Эмми, по-прежнему считаете, что он, скорее всего, отправится на один из стадионов Пенсильвании — в Питтсбург или Филадельфию?.. Ага, давайте посмотрим... — Софи берет график матчей Национальной футбольной лиги. — О-о, взгляните! «Иглз» и «Стилерз» играют в следующее воскресенье, седьмого октября, в час дня. Это хорошо, правда?

Я закрываю глаза. Несмотря на похвальную попытку Софи привнести в сгущающийся мрак немного света, я вижу только темноту.

— Он теперь знает, что нам известно о его поездках на матчи Национальной футбольной лиги, — говорю я. — Вы думаете, он не побоится оказаться в еще одной раскинутой нами сети?

— Извините, но, похоже, я не в курсе, почему он, скорее всего, отправится именно в Пенсильванию, — говорит Денни.

При проведении данного расследования мы выполняли каждый свою задачу, зачастую не зная, до чего докопались коллеги. Работа Денни главным образом состояла из общения с различными людьми.

— Эмми проанализировала стиль его поездок по стадионам, — объясняет Букс. — Когда наш субъект едет в какой-нибудь регион, где стадионы Национальной футбольной

лиги расположены близко друг от друга, он разделяет эти поездки промежутком времени в несколько недель, чтобы не приезжать в один и тот же регион слишком часто. Так, например, применительно к Флориде он делал большие перерывы между своими поездками в Джэксонвилл, Майами и Тампа-Бэй.

— А в Пенсильванию он еще не ездил, — кивает Денни. — Ага. На объезд стадионов у него осталось лишь несколько недель, и поэтому, если он хочет побывать в Пенсильвании дважды, ему следует совершить первую из этих поездок уже в ближайшее время. Теперь мне понятно.

Я рада, что ему понятно. Мне от этого даже стало как-то легче.

(У меня ведь контузия, а потому я вполне могу быть грубой — при условии, что буду держать свою грубость внутри себя.)

— Может такой старый и уже ушедший на пенсию агент, как я, сделать предположение? — спрашивает Денни.

— Делайте, — говорит Букс.

— Давайте рассмотрим возможность того, что он вообще не поедет в Пенсильванию.

— А почему он туда не поедет? — спрашиваю я.

— Ну... А разве ответ не очевиден?

— Для меня — нет, — говорю я, начиная терять терпение (у меня ведь контузия).

— Потому что он, возможно, *живет* в Пенсильвании, — говорит Денни. — И он не хочет, чтобы мы искали его там.

Я выпрямляюсь на своем стуле.

— Мы полагаем, что он живет на Среднем Западе, — говорит Букс. — Помните?

— Да, я помню, что вы это говорили. Но это не означает, что я с этим согласен.

Я направляю свой указательный палец на Денни.

— Места совершения им убийств вне временных рамок игрового сезона Национальной футбольной лиги распределяются по штатам Среднего Запада и рядом с ними, — говорю я. — Поэтому напрашивается вывод, что в течение той части года, когда он *не* разъезжает по стадионам Национальной футбольной лиги, он совершает убийства близко к своему дому.

— Насколько я понимаю, это всего лишь ваше предположение, — говорит Денни.

— А суть сказанного вами, Денни, — говорю я, вставая, — заключается в том, что наш субъект, возможно, одурачивает нас относительно *географии* его преступной деятельности — как он одурачивал нас и по всем остальным ее аспектам?

— Если говорить коротко, то да, именно так, — кивает Денни.

Букс смотрит на меня, и его щеки розовеют.

— Он действовал так, чтобы создавалось впечатление, что он живет на Среднем Западе, и сделал это на тот случай, если мы начнем разбираться, чем же он занимается. Неужели он и в самом деле *настолько* дальновиден?

Меня разбирает смех.

— По части дальновидности нам до него как до неба, Букс, — говорю я.

Букс, кивая, поднимается со стула.

— Так он живет в Пенсильвании? — спрашивает он.

— Если кто-то сделал более логичный вывод, давайте его выслушаем, — говорит Денни.

Я смотрю на Букса.

— У меня точно нет других предположений на этот счет. Думаю, нужно проработать данную зацепку. Может, проверим номерные знаки на парковке?

Букс подносит ко рту портативную рацию.

— Букмен вызывает командира группы быстрого реагирования Дейда.

Пару мгновений спустя из рации слышится:

— Дейд на связи.

— Дейд, вы сейчас просматриваете видеозаписи, сделанные во время матча на парковках возле стадиона «Форд Филд», да?

— Совершенно верно, агент. Мы сейчас занимаемся номерными знаками.

— А есть номерные знаки штата Пенсильвания?

— Сейчас я это проверю.

Рация замолкает.

— Содружества Пенсильвании, ^[57] — говорю я, позволяя себе немного поумничать.

— Что-что?

— *Содружества* Пенсильвании.

Рация снова начинает верещать.

— Агент, есть три номерных знака из Пенсильвании.

— Наведите о них справки прямо сейчас, Дейд.

— Вас понял.

Букс снова кивает мне.

— Так Пенсильвания — это не штат?

— Думаю, все еще считается штатом.

— Я на это надеюсь. А иначе придется стирать одну звездочку с флага Соединенных Штатов.

Мы с Софи держим свои лэптопы наготове, чтобы тут же начать поиск, как только нам сообщат имена.

— А что это вообще за *содружество*, а? — спрашивает меня Букс.

— Букмен, мне-то откуда это знать?

— Так ведь это ты употребила данный термин.

Мы еще минут пять коротаем время за подобной болтовней, пытаясь тем самым успокоить свои расшатавшиеся нервы. Наконец рация вновь оживает:

— Внимание, агент, вы готовы?

— Готовы.

— Первый автомобиль зарегистрирован на Дэвида Эппса из поселка Бивер-Фолс.

Дейд сообщает адрес этого человека.

— Я им займусь, — говорит Софи и начинает стучать пальцами по клавиатуре.

— Второй автомобиль — на Марлона Комер... Комерфорда, я думаю.

Он произносит эту фамилию по буквам и сообщает адрес в городе Эри, штат Пенсильвания.

— Им займусь я, — говорю я.

— А третий автомобиль... — говорит Дейд, — ...записан на некоего Грэма. Уинстона Грэма.

Это всего лишь догадка, всего лишь одна из сотен версий, которые мы проработали, но что-то в данном предположении Денни — предположении, что наш субъект живет в Пенсильвании, — подсказывает мне, что оно верное. А тот факт, что только три автомобиля прибыли на футбольный матч из Пенсильвании, позволит нам без особого труда выяснить, правы мы или нет.

Мы принимаемся за работу. У меня и Софи уходит менее двадцати минут на то, чтобы исключить первые две фамилии из трех. Дэвид Эппс из поселка Бивер-Фолс, штат Пенсильвания, — учитель начальной школы, женат, трое детей, и у него есть брат, который живет в Детройте, а потому вполне понятно, почему он приезжал на матч клуба «Детройт Лайонс». Марлон Комерфорд из города Эри, штат Пенсильвания, — шестидесятидвухлетний пенсионер, когда-то работавший в городском управлении транспорта. У него, как очень быстро выясняется при помощи перекрестной ссылки на билетную кассу футбольного клуба «Детройт Лайонс», есть сезонный билет, и он приезжает на каждый домашний матч команды «Детройт Лайонс».

Под номером три в этом списке — Уинстон Грэм. Мы с Софи поспешно наводим о нем справки, отчаянно цепляясь за этот наш последний шанс.

— Не женат и никогда не был женат, — говорю я, ныряя в соответствующие базы данных. — Уголовных преступлений за ним не числится. Отпечатки пальцев не снимались.

— Родители — Ричард и Диана — уже умерли, причем последний из них — девять лет назад, — сообщает Софи. — Других близких родственников нет. Единственный ребенок. Вырос в городке Риджуэй, штат Пенсильвания. Судя по адресу, живет в сельской местности.

Мы с Буксом переглядываемся.

— Если бы я писала биографию нашего субъекта, — говорю я, — он был бы нелюдимом, который живет в глуши, и у него полно свободного времени.

Немного поразмышляв, Букс кивает. Затем он берет свой сотовый телефон и просит:

— Соедините меня с дежурным агентом в питтсбургском отделении ФБР.

После долгой паузы Букса, по-видимому, наконец соединяют, и он представляется агенту.

— Мне необходим ордер, — говорит он. — Там есть дежурный заместитель федерального прокурора, с которым я мог бы поговорить?.. Прекрасно. Соедините меня с ним.

Еще одна пауза — Букс ждет, когда его соединят с федеральным прокурором, который работает в вечернюю смену в Питтсбурге и в обязанности которого входит обращаться к федеральному судье, если в такое позднее время поступит запрос на ордер на арест, обыск и тому подобное.

— Его зовут Уинстон Грэм, — поспешно говорит Букс в телефон, произнося фамилию по буквам и сообщая номер карточки социального страхования, номер водительского удостоверения и домашний адрес. — Сведения о состоявшихся телефонных разговорах, банковские счета, кредитные карточки и ордер на обыск помещений. Я работаю сейчас на основе письменного показания под присягой. Что? Почему? Почему «нет»? — Букс начинает ходить туда-сюда. — Да, совершенно верно. Да, *совершенно верно*. Послушайте... Послушайте меня. Мне начхать на то, спит судья или нет. Мы сейчас разыскиваем именно

того типа, который устроил сегодня взрывы на стадионе «Форд Филд». Да, именно *этот* тип. И он не только устроил те взрывы — он еще и серийный убийца-поджигатель, который действует в масштабах всей страны. Это... Хорошо, но послушайте меня, у нас нет времени на детские шажки. Да потому что нет! Просто сделайте... Предоставьте мне то, что сможете, и так быстро, как сможете. Как по-вашему, вы с этим справитесь?

Букс кладет телефон на стол.

— Ох уж мне эти юристы! — говорит он. — Они, видите ли, считают, что у нас нет достаточных оснований для получения ордера.

— Возможно, они правы, — произносит Денни. — Мы думаем, что наш субъект живет в Пенсильвании, и Грэм живет в Пенсильвании — как живут там еще тринадцать миллионов человек. Мы думаем, что наш субъект сегодня был на матче, и Грэм был на матче — как были на нем еще шестьдесят тысяч человек. А еще он живет один. Этого для судьи, пожалуй, *недостаточно*.

— Может, и недостаточно, — говорит Софи и разворачивает свой компьютер так, чтобы его экран был обращен к нам. — Вот сведения об Уинстоне Грэме, имеющиеся в департаменте транспорта Пенсильвании. Он обновил свое водительское удостоверение восемь месяцев назад и сделал новую фотографию. Этот человек хоть чем-то похож на нашего субъекта?

Фотография не самого лучшего качества, и это вызывает у нас воспоминания о том зернистом изображении нашего субъекта, которое мы получили с видеозаписи, сделанной в таверне «Беннис» в Эрбане, штат Иллинойс, когда наш субъект встречался там с Кёртисом Валентайном. Однако в отличие от того изображения, на котором было трудно разглядеть черты лица и более-менее хорошо был виден лишь длинный тонкий нос, поскольку наш субъект все время смотрел куда-то вниз и в сторону от видеокамеры, на фотографии в его обновленном водительском удостоверении лицо запечатлено анфас и снимок четкий. На этой фотографии он щурится, а его глаза похожи на стеклянные бусинки. Он выглядит как человек, который носит очки, и когда ему велели снять их, он этому не очень-то рад. В отличие от видеозаписи, сделанной в баре, на которой он, возможно, абсолютно лысый, на этой фотографии Уинстон Грэм не совсем лысый: у него имеются жиденькие каштановые волосы над ушами. А еще у него полные и обвисшие щеки — результат возрастных изменений и ожирения. Он выглядит немного старше своих сорока лет, но лично у меня относительно него уже нет никаких сомнений.

— Это он, — говорю я, чувствуя, как в мою кровь устремляется адреналин. Меня охватывают те же ощущения, что я испытала тогда, во время матча.

— Черт возьми, это он! — говорит Букс. — Это наш субъект.

— Ну что, когда выезжаем? — спрашиваю я.

— Все отправляйтесь в отель за своими вещами, — говорит Букс. — Мы выедем как можно быстрее.

Я уже заканчиваю упаковывать свои вещи. Запихивая туалетные принадлежности в целлофановый пакет, я слушаю по телеканалу Си-эн-эн выпуск новостей, посвященный сегодняшним взрывам на стадионе «Форд Филд» во время матча и начавшимся поискам террориста, устроившего их. Они снова и снова повторяют одно и то же. Они все никак не могут расстаться с этой темой, но у них нет никакой новой информации, если не считать смехотворные свидетельства некоторых болельщиков, рассказывающих о том, как что-то бабахнуло и как все рванули к выходу. «Это было как Четвертое июля», [58] — говорит один мужчина. «Я подумал, что я уже мертв», — заявляет другой. «Мне показалось, что эти звуки доносятся со всех сторон одновременно», — сообщает третий.

Телезрители видят схемы стадиона «Форд Филд», стрелки и пульсирующие красные точки, показывающие места взрывов в южной части стадиона. «Он выбрал идеальное место с точки зрения акустики, чтобы усилить силу звуков взрывов и вызвать панику», — говорит какой-то городской чиновник.

В новостях сообщают, что власти, пытаясь выяснить причины произошедшего, исключили исламский терроризм. Чиновники заявляют, что подозреваемый — белый мужчина в возрасте тридцати или сорока с лишним лет. Телезрителей уверяют, что этого человека сейчас всю ищут и в поиске принимают участие различные компетентные органы на уровне округа, штата и страны в целом.

Сообщается также о том, что по состоянию на текущий момент умерло три человека. Они скончались в результате телесных повреждений, полученных в ужасной давке, когда болельщики ринулись к выходам.

Я дергаюсь, услышав, что в дверь моего гостиничного номера кто-то стучит. В подобной ситуации я дернулась бы и от кошачьего мяуканья.

Это пришел Букс. Я впускаю его в номер и иду заканчивать сборы.

— Я полагала, что мы встретимся в вестибюле, — говорю я.

— Видишь ли, я вдруг подумал... я вдруг подумал, а почему бы мне не подняться к тебе...

— Ага. Какие-то изменения в планах?

— Нет. Никаких изменений. Но пилот будет в самолете только через час, а потому у нас есть несколько минут.

— А-а, понятно, — говорю я, задумываясь над тем, чем он намерен заниматься в течение этих самых нескольких минут.

Когда я снова бросаю на него взгляд, он, отвернувшись, разглядывает пятно на дешевом комод. Затем он медленно поднимает руку и сжимает пальцы в кулак.

— Когда я услышал тот первый... — начинает он, но запинается и энергично прокашливается.

Я молчу, но он тоже больше ничего не говорит, и поэтому я договариваю за него.

— Когда ты услышал тот первый взрыв, донесшийся с южной части стадиона... — тихо говорю я, подходя поближе, но отнюдь не вплотную к нему.

— Я... подумал, что ты уже мертва.

— Но я не мертва, Букс. Со мной все в порядке. Мы оставим это в прошлом и будем двигаться дальше, хорошо? Не эти ли слова ты всегда говоришь?

Он кивает. Букс и его эмоции всегда соотносились друг с другом, как масло и вода.

— Вот и хорошо, — говорю я. — Поэтому давай просто сконцентрируемся на...

— Я снова и снова звонил тебе на мобильный, а ты не... не отвечала.

Я ничего не говорю. Мне кажется, что в номере вдруг стало очень тепло.

— Знаешь, когда мы занялись этим делом, я не очень-то верил, что твои умозаключения приведут хоть к чему-то стоящему, — говорит он. — У тебя имелись кое-какие интересные соображения, но, по правде говоря, меня терзали сомнения. — Он поворачивает голову, и теперь я вижу его профиль, усталые глаза и спутавшиеся волосы, падающие на лоб. — Я согласился работать над данным делом только потому, что над ним работала ты. Это звучит глупо теперь, то есть после того, как ты в конце концов самостоятельно приоткрыла завесу, скрывавшую этого монстра.

— Ну, я рада, что ты все-таки согласился, — говорю я. — Взгляни на нас как бы со стороны. Мне кажется, этот Уинстон Грэм мог бы стать нашим...

— Эмми, мне необходимо сказать это. Позволь мне это сказать. — Букс вздыхает. — Я все еще...

Звонит его сотовый, и незаконченная фраза словно зависает в воздухе между нами. «Я все еще...» Он с раздражением снимает с пояса мобильный телефон.

— Букмен слушает, — произносит он и затем начинает напряженно вслушиваться в то, что ему говорят. — Что? Кто? Эм-эс...

Он поворачивается ко мне.

— Включи канал Эм-эс-эн-би-си.

Я хватаю пульт дистанционного управления и начинаю скакать по каналам, потому что не знаю, под каким номером здесь следует искать этот кабельный информационный канал, однако натываюсь на него всего лишь после нескольких нажатий на кнопку.

Сообщение в бегущей строке самых последних новостей в нижней части экрана тут же вводит нас в курс дела:

Срочные новости: облава перемещается в Пенсильванию

...по их мнению, проживает террорист, устроивший взрывы на стадионе «Форд Филд». Еще раз повторяем: источник, близкий к Эм-эс-эн-би-си, подтвердил, что следователи ФБР сосредотачивают свое внимание на одном из районов сельской местности штата Пенсильвания, где, по их мнению, проживает террорист, устроивший взрывы на стадионе «Форд Филд».

— Черт побери! — бормочет Букс. — Как такое могло произойти? — кричит он затем в свой сотовый. — Как, *черт побери*, такое могло произойти?

Я подношу руку к своему лицу. Я осознаю, что это мог быть кто угодно. Мы поддерживали связь и с местными полицейскими, и с шерифом округа Элк, и с полицией штата Пенсильвания, и с отделением ФБР в Питтсбурге. Достаточно всего лишь одной лазейки, чтобы произошла утечка информации.

— Я хочу, чтобы его дом оцепили по всему периметру, — говорит Букс в телефон. — Потому что, если он смотрит выпуски новостей, теперь он знает, как близко мы к нему подобрались. И вам, черт побери, следует догадаться, что он смотрит выпуски новостей.

Они идут сюда, чтобы забрать меня! Они идут сюда, чтобы забрать меня!

О-о, это замечательно! Это замечательно, замечательно, замечательно. Вы где-то вон там, не так ли, леди и джентльмены из ФБР? В чем тут фокус? Я очень хочу это знать. Да, очень хочу. В чем тут фокус? Каким образом вы вычислили меня на том футбольном матче?

О-о, черт, черт, черт! *Черт побери!* Как... что... Э-э-э-эх!

Вы думаете, что возьмете меня живым? Именно так вы думаете — вы, ничтожные тупицы! Черт, черт, черт! Вы собираетесь посадить меня под замок и изучать, как крысу в клетке, собираетесь связать меня и анализировать мои блестящие идеи, чтобы вы смогли впоследствии остановить следующего такого, как я? О-о, это круто, это ключевой момент во всей этой возне: вы полагаете, что когда-то, в будущем, сможете остановить другого такого человека, как я... Да не сможете вы! Неужели вы этого не понимаете? Вы не сможете остановить такого, как я, потому что следующим таким, как я, буду я! Я — внутри всех вас! Единственная разница между нами заключается в том, что я не прячусь под той или иной маской, сидя за рулем своего автомобиля повышенной проходимости и попивая кофе «Старбакс». Вы — такие же, как я, и вы даже не осознаете этого!

Вы меня слышите? Вы, черт вас побери, меня слышите?

С какой это стати я позволю вам взять меня живым? А? С какой стати? С какой стати вы должны про меня что-то узнать? Вы этого не заслуживаете. Я пытался помочь вам, я... Черт побери! Черт побери! Я пытался заставить вас понять, но с какой стати меня должно беспокоить, поймет меня кто-нибудь из вас или нет? С какой стати я вообще должен о чем-то переживать? Вы не сделали ничего для того, чтобы это заслужить. Вы и те жалкие овечки, которые идут за вами, не сделали в своей жизни абсолютно ничего, чтобы заслужить то, чему я могу научить вас и чему я пытался научить вас.

Поэтому просто продолжайте жить своими жалкими овечьими жизнями, делая то, что от вас кто-то там требует, и внушая самим себе, что ваша жизнь — нормальная, хорошая и счастливая, и не обращайтесь внимания на то, *кто* дергает за все рычажки, *что* происходит в мире на самом деле и *какие* люди в действительности прячутся за вашими улыбающимися лицами и высушенными феном волосами... И так далее, и так далее, и так далее. Знаете что? Я с этим покончил. Я... Но вы не сможете взять меня живьем. Вы могли бы узнать от меня очень многое, но теперь уже слишком поздно. Почему же мне не относиться наплевательски к вам, если вы относитесь наплевательски ко мне? Ко мне! Почему вам *на меня* наплевать?

Вы думаете, что остановите таких людей, как я? Вы никогда не сможете этого сделать. Вы меня слышите, мальчики и девочки из ФБР? Вы никогда-никогда-никогда не остановите таких людей, как я! *Никогда!*

[Редакторское примечание: пауза длительностью четырнадцать секунд.]

О-о, я не могу... я не верю в это. Я не могу в это поверить! Но тем хуже для вас. Я не уйду тихонько, я не могу так поступить. Разве вы не видите, что я попросту... что я попросту не могу так поступить...

[Редакторское примечание: пауза длительностью восемнадцать секунд.]

Так быть не должно. Нет, так быть не должно. Это неправильно. Это нечестно. Я не такой, каким вы меня считаете. Но вы этого никогда не поймете. Вы никогда даже и не попытаетесь понять. Я больше уже не буду пытаться помочь вам понять. С меня хватит.

Я очень устал. Очень-очень устал. Мне совсем не хочется делать того, что я вынужден сейчас сделать. Совсем-совсем-совсем не хочется это делать, клянусь вам, что не хочется. Пожалуйста, поверьте мне, что мне не хочется этого делать.

Но у меня нет выбора. Она знает слишком много.

Четыре часа утра. Кромешная тьма. Еще не видно и признаков светлого пятна, выползающего из-за горизонта. Однако тихое осеннее утро в сельской местности штата Пенсильвания, похоже, будет не таким уж тихим.

Отдельно стоящий сельский дом, принадлежащий Уинстону Грэму, находится в округе Элк. Окруженный с трех сторон несколькими акрами заброшенных сельскохозяйственных угодий, уже заросших кустарником, и лесом с четвертой — тыльной — стороны, этот дом представляет собой длинное строение с пологой крышей. На чертежах, которые мы получили от окружного регистратора, изображены три спальни в дальней части дома, кухня и две гостиные. Имеется и подвал, тянущийся под всем домом.

От расположенного в четверти мили шоссе к дому ведет, петляя, грунтовая дорога. Рядом с примыкающим к дому гаражом стоит автомобиль «Бьюик Скайларк» Уинстона Грэма.

Бойцы отряда по спасению заложников ползком заняли свои позиции, окружив дом и расположившись в зарослях сорняков. Теперь они ждут от Букса сигнала, который услышат в своих наушниках. Они одеты в черное с головы до ног. В их оснащение входят противогазы, каски, автоматы, пистолеты в кобурах и свето-шумовые гранаты с ослепляющим и оглушающим эффектом.

Расположившись с коллегами в четверти мили от дома на небольшом холме, я уже в который раз подношу к глазам инфракрасный бинокль. Возле дома — ни души. И освещение не включено ни внутри, ни снаружи. Насколько мы можем судить, в этом доме сейчас никого нет.

— Благодарю вас, ваша честь, — произносит Букс в сотовый телефон. Он облегченно вздыхает и говорит уже тем, кто находится рядом с ним: — Ордер нам выдали.

Букс целых полчаса разговаривал по телефону с федеральным судьей из Питтсбурга, объясняя ему возможные основания для обыска в жилище Уинстона Грэма. Чего нам еще не хватало после всей проделанной работы — так это чтобы какой-то там судья не позволил провести обыск и тем самым оставил нас ни с чем.

Букс подносит портативную рацию ко рту.

— Командир отряда, вы меня слышите? — спрашивает Букмен.

— Слышу, Букмен.

Этот ответ, раздавшийся из портативной радиации Букса, звучит очень отчетливо в прохладном ночном воздухе.

— Командир отряда, мы сейчас в режиме усиленного наблюдения за объектом.

— Вас понял.

— Командир отряда, все заняли свои места?

Командир отряда по спасению заложников опрашивает поочередно своих людей, взявших дом в кольцо, а затем отвечает Буксу:

— Да, все заняли свои места. Держим оружие наготове.

Букс окидывает взглядом других агентов и меня. Мы сидим в одном из автомобилей, выстроившихся небольшой колонной за пределами зоны видимости из дома Грэма. Здесь и шериф округа Элк, и бойцы Национальной гвардии штата Пенсильвания, и местные пожарные, и специалисты по обезвреживанию взрывных устройств, и агенты ФБР, и

сотрудники Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ.

— Командир отряда, — говорит Букс, — мы отправляем «Кевина». Как поняли?

— Вас понял.

Букс кивает стоящему рядом с ним агенту Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ — мужчине по фамилии Мор. Мое внимание привлекает хитроумное оборудование, которое Мор держит в руках и которое включает в себя видеомонитор и джойстик. Этот человек похож на подростка, собравшегося поиграть на игровой приставке «Икс-бокс».

Однако «Кевин» отнюдь не какая-нибудь игровая приставка. «Кевин» — это устройство, предназначенное для выявления взрывчатки, похожее на маленькую тележку с дистанционным управлением и с колесами, как у трактора. Тележка эта может поворачиваться вокруг своей оси на 360 градусов. Используя это устройство, мы можем издалека видеть то, что «видит» сам «Кевин».

Один из бойцов отряда по спасению заложников приближается к открытому окну дома. Странно, что оно открыто. Получается, что Уинстон Грэм как бы облегчает нам задачу.

Боец отряда по спасению заложников опускает «Кевина» через открытое окно на пол гостиной и отходит на десяток ярдов — в укрытие. Экран монитора, который Мор держит в руках, оживает. Теперь мы можем наблюдать за тем, что происходит внутри дома Уинстона Грэма, видя то, на что направлена маленькая камера «Кевина».

Гостиная обставлена старинной мебелью. Часть гостиной переоборудована под маленькую открытую кухню. Кухонная мебель тоже старая. В кухне, по-видимому, совсем недавно кто-то был. На столе стоит бутылка пива. На деревянном полу везде валяются газеты. Они почти полностью покрывают пол.

Газеты.

«Огню, чтобы гореть, нужен кислород, топливо и источник воспламенения».

Открытое окно — это кислород.

Газеты — это топливо.

Световой индикатор на устройстве дистанционного управления Мора начинает мигать красным светом. Это своего рода мини-сирена. «Кевин» нам что-то сообщает.

Он сообщает, что обнаружил источник воспламенения.

— Сейчас бабахнет, — говорю я.

— Командир отряда, назад! — кричит Букс в портативную рацию. — Назад, командир отря...

И в этот момент мы видим взрыв — беззвучный взрыв, который разрывает темноту ночи ярко-оранжевой вспышкой. Огонь, словно огненное дыхание дракона, моментально охватил всю гостиную.

— Пожарные, вперед! Вперед! — кричит Букс куда-то вправо.

Пожарный автомобиль срывается с места и быстро едет по направлению к дому Уинстона Грэма. Вслед за ним устремляются автомобили со спецназовцами, облаченными в огнестойкую одежду, и специалистами по обезвреживанию взрывных устройств. Они стартуют с такой скоростью, что слышен визг шин.

— Он не хочет, чтобы его взяли живьем, — говорит Денни Сассер.

Я напяливаю на себя плотную огнестойкую одежду, надеваю каску и хватаю противогаз.

— Все агенты, — кричит на ходу Букс, который уже бежит в сторону горящего дома, —

продолжайте держать дом в непроницаемом кольце! Каждый дюйм периметра должен быть под контролем! Этот взрыв может быть отвлекающим маневром!

Я бегу вместе с Буксом. Мы все игнорируем тот факт, что в нашем распоряжении вообще-то имеется автомобиль, и просто бежим как можно быстрее к дому, ориентируясь в темноте по ярко-оранжевому свечению и густому дыму, уже поднимающемуся над крышей.

— Подвал! — кричу я, тяжело дыша. — Он в... в подвале!

— Не подходи близко! — кричит мне Букс, вытянув руку и стоя в нескольких ярдах от дома. — Тебе не разрешается туда входить, Эмми. Это приказ!

Агенты в огнестойкой одежде входят в дом вместе с пожарными, выступая в роли вооруженного сопровождения. Держа автоматы наготове и подняв защитные щитки своих касок, они готовы к встрече с чем угодно и с кем угодно. Несколько секунд спустя на пламя обрушиваются мощные струи воды из шлангов, вышибая при этом оконные стекла. Из всех отверстий дома вырывается чернильно-черный дым. Я держусь на расстоянии, укрываясь за пуленепробиваемым щитом и ожидая еще одного взрыва, выстрелов или чего-нибудь наподобие этого — чего-нибудь неожиданного, ибо мистер Уинстон Грэм уже стал экспертом по части неожиданностей.

Вскоре не остается даже признаков огненно-оранжевого жара, исходившего изнутри дома. Теперь это залитое водой сооружение с провисшими перекрытиями, от которого все еще валит едкий дым. Пожар был тщательно спланирован и умело инициирован, но пожарные ведь находились всего лишь в четверти мили от места пожара, когда тот начался!

— Здесь чисто! — раздается в моих наушниках чей-то крик. — На первом этаже чисто!

Они имеют в виду, что нет людей — ни живых, ни мертвых. И нет никакой опасности.

Подвал. Готова поспорить, что огонь не затронул подвал.

— Оставайся... *здесь*, — говорит мне Букс через свой противогаз, повернувшись ко мне.

Подчиняясь, я делаю шаг назад.

Букс исчезает в черном дыме, окутавшем дом. Огня уже нет, но жар такой сильный, что я чувствую его даже сквозь каску и щит.

«Помни о том, где ты должна находиться, — говорю я себе. — Ты не должна соваться туда, в этот дом. Ты, может так случиться, принесешь там больше вреда, чем пользы. Ты можешь провалиться под пол, и им придется тратить драгоценное время на то, чтобы спасти тебя. Так что там тебе не место».

Но ведь я уже надела костюм пожарного — огнеустойчивые и прочные сапоги, куртку и штаны, — а также противогаз с кислородным баллоном и каску с защитным щитком. А еще у меня есть пуленепробиваемый щит. Зачем они мне все это дали, если не хотят, чтобы я заходила внутрь? Я жду пять минут и затем захожу в дом.

Сквозь дым почти ничего не видно, но мне, как и всем остальным агентам, известно расположение помещений: я видела чертеж этого этажа. Я вдыхаю чистый кислород из баллона, продвигаясь вперед в густом дыму. Концентрирую свое внимание на полу, особенно сильно пострадавшем от огня. Обугленные обрывки газет валяются повсюду и порхают в воздухе, словно конфетти и серпантин после торжественного проезда знаменитости по улицам города, которыми с высоких зданий осыпают кортеж машин. Идти по этому дому сразу после пожара небезопасно, но я не первый и даже уже не десятый человек, который в него зашел. Стоять в стороне и терпеливо ждать — это не по мне. Я знаю, что, если буду продолжать идти прямо по главному коридору, мимо кухни и мимо спален, я выйду к двери подвала.

Я нахожу эту дверь и открываю ее. На лестнице, ведущей вниз, в подвал, дыма нет. Я начинаю спускаться по лестнице. «Там уже с десятков агентов, не меньше, — говорю я себе. — Каким бы крутым ни был наш субъект, он не сможет справиться с десятью агентами.

Правильно?»

Я дохожу до конца лестницы и поворачиваюсь. Основная часть подвала не до конца приведена в порядок: мрачные бетонные стены и полы. Я вижу тут водяной отопительный агрегат, установку для умягчения воды, стиральную машину и сушильный аппарат в одном углу, а еще скамью для занятий со штангой гантельного типа и гири — в другом.

А дальше виден длинный коридор с дверями по обе стороны. Агенты резко открывают каждую из них и забегают в помещения, держа оружие перед собой. До меня доносятся крики «ФБР!» и «Федеральные агенты!». Я снимаю противогаз и продвигаюсь вперед по коридору по мере того, как агенты проверяют одну комнату за другой.

— Везде чисто! — кричит один из агентов Буксу.

Тот кивает и разочарованно смотрит по сторонам. Когда он замечает меня, у него уже нет моральных сил на то, чтобы выразить недовольство. Он просто пожимает плечами. Весь дом, включая первый этаж и подвал, уже проверили.

«Куда ты подевался, Уинстон Грэм?»

Я иду обратно в основную часть подвала — туда, где находятся бытовая техника и спортивные снаряды. Там в углу я замечаю серый металлический шкаф высотой почти с меня, с двумя дверцами и висячим замком, который не закрыт, а просто висит на одной из петель.

Для такого педантичного человека, как Уинстон Грэм, это почти официальное приглашение.

— Сюда! — кричу я. — Посмотрите здесь!

— Отойди, черт возьми! — бурчит Букс, хватая меня за руку и отдергивая назад.

Затем он поспешно показывает пальцем на шкаф. Агенты приближаются к нему со всех сторон. Один из них снимает с петель замок. Затем агенты одновременно хватаются за ручки дверей и распахивают их.

Внутри шкафа все так же, как и в любом другом шкафу. Три полки, две из которых абсолютно пустые. На третьей — центральной — что-то лежит.

Небольшая стопка листов бумаги.

Обвязанная фиолетовой тесемкой.

— Это, черт возьми, что такое? — спрашивает Букс, подходя к шкафу и бросая взгляд на верхний лист. — Что это еще за «сеансы Грэма»?

Уже светает, небо над нами светлеет, предвещая наступление дня, но пока еще довольно темно. Мы едем по шоссе в обратную сторону, сидя в крытом грузовике спецназа, используя пол кузова в качестве стола и раскладывая на нем листки обнаруженной стопки. Напечатанный на них текст содержит размышления серийного убийцы, которые сам он назвал «сеансы Грэма». Они все пронумерованы — в общей сложности их двадцать два — и датированы. Похоже, он записывал свои разглагольствования на один из тех современных высокотехнологичных диктофонов, которые автоматически преобразуют звучащие слова в печатный текст.

И вот уже все «сеансы Грэма» разложены на полу грузовика. Сначала мы эти записи просматриваем. У нас еще будет время на тщательный анализ его слов и фраз, и потратим мы на это далеко не один день.

Сейчас же мы просто ищем какие-нибудь зацепки относительно того, где этот монстр может скрываться. Поэтому я, быстро пробегая глазами по содержащемуся на этих страницах отвратительному самовосхвалению и циничной бравате, которой он сопровождает описание пыток своих жертв, ищу что-нибудь такое, что дало бы мне какую-нибудь подсказку...

— Мэри! — громко говорю я.

Некто по имени Мэри упоминается в записи «сеанса» номер двенадцать, а именно разговор с женщиной в каком-то баре. А затем эта Мэри снова и снова фигурирует в последующих «сеансах». Ей даже уделяется все больше и больше внимания с каждым новым эпизодом, который я читаю. Он испытывает к ней какие-то чувства. Он открывается ей. Он начинает терзаться из-за нее. Он постепенно влюбляется в нее.

Мэри — барменша, посещающая курсы в колледже и пытающаяся избавиться от алкогольной зависимости. Но какая у нее фамилия? Где она живет? Нам что, придется по всей Пенсильвании разыскивать женщину по имени Мэри?

Затем мы замечаем, что он дает слабинку после того, как осознает, что мы уже подбираемся к нему. Самовосхваление все еще прорывается в его разглагольствованиях то там, то сям, но он явно начинает нервничать. Постепенно он теряет уверенность в себе, хотя и пытается убедить себя — и нас, — что этого не происходит.

Как он поступит по отношению к Мэри?

— Нам необходимо ее найти, — бормочу я.

Букс подносит портативную рацию ко рту.

— Как там у нас насчет собак, отыскивающих человеческие останки?

— Собаки здесь, — раздается из рации чей-то голос. — Мы начнем с его приусадебного участка и затем отправимся в лес за домом. А еще мы прямо сейчас направим агентов прочесать его.

— Давайте читать дальше, — говорит мне Букс. — Где-то должна всплыть еще какая-нибудь подсказка.

Однако я уже почти все прочла, но больше ничего не обнаружила. Читая запись «сеанса» номер двадцать один, датированную вчерашним днем — то есть воскресеньем, когда он улизнул от нас на стадионе «Форд Филд», — я почувствовала, что Грэм теряет самообладание. Хорошо. Замечательно. Однако после его последних произнесенных в тот

день слов у меня мурашки бегут по коже.

«Она знает слишком много».

— Он собирается ее убить, — говорю я.

А затем я дохожу до последней записи, датированной сегодняшним днем, то есть первым октября.

Я не... я не хотел этого для тебя, Мэри. Я не хотел этого для нас. Ты должна мне поверить. Пожалуйста, скажи мне это — скажи, что ты веришь тому, что я сейчас говорю. Все это время я лгал тебе. Лгал самому себе, убеждая себя, что с тобой я мог бы быть другим и что все могло бы быть по-другому. Но, пожалуйста, поверь мне сейчас. Пожалуйста, поверь мне, что, если бы я встретил тебя раньше, все было бы по-другому и я изменился бы. Я знаю, что изменился бы. Изменился бы ради тебя, Мэри.

Но сейчас уже слишком поздно, и я не могу позволить тебе... Нет, Мэри, я не могу. Я сожалею об этом — сожалею так, как ни о чем не сожалел за всю свою жизнь. Откровенно говоря, раньше я никогда ни о чем не сожалел, а теперь вот сожалею, потому что ты открыла во мне кое-какие качества, и мне хотелось бы дать им возможность проявиться и хотелось бы изучить их вместе с тобой. Я знаю, что мы смогли бы это сделать, и все было бы в порядке. Пожалуйста, пойми, Мэри, что у меня нет выбора. Пожалуйста! Я не могу этого не сделать, потому что, хотя ты, возможно, тоже полюбила меня в ответ на мою любовь, они найдут тебя и заставят рассказать обо мне все, а я не могу позволить им поступить так с тобой. Если бы я мог сейчас оставить тебя в покое, я бы именно так и поступил, но я не могу. У меня нет выбора. Ты понимаешь это, да? У меня нет выбора. Я тут бессилён.

Они уже идут сюда за мной, Мэри, и они наверняка расскажут тебе обо мне всякую всячину. А я не могу позволить тебе выслушивать их, потому что они представят все более ужасным, чем оно есть на самом деле. Да, именно так они и поступят, а я им этого позволить не могу. Я предпочитаю, чтобы ты запомнила меня как человека, который любит тебя, потому что я и в самом деле люблю тебя, Мэри. Я клянусь тебе, что и в самом деле люблю тебя и что во мне проснулась способность любить благодаря тебе.

Ты не будешь любить меня, если услышишь то, что они расскажут обо мне. Ты не будешь любить меня, если узнаешь правду. Думаю, ты никогда и не полюбила бы меня, если бы знала правду. Нет, не полюбила бы. Никто не полюбил бы меня! Ну как они смогли бы меня полюбить? Как кто-нибудь смог бы... А теперь тихо, Мэри. Тихо.

Я к тебе равнодушен, Мэри, моя дорогая, дорогая Мэри Лэйни, и я всегда буду любить и помнить тебя, и этого должно будет хватить. Пожалуйста, пойми, моя милая Мэри. Пожалуйста, пойми, что я делаю это из любви и что мне очень хотелось бы, чтобы все было по-другому. Эх, ну почему это не может быть по-другому? Почему они не могут просто оставить меня в покое и дать нам шанс стать другими, стать лучше?

Теперь же у нас ничего не остается, и я не могу позволить им причинить тебе боль или настроить тебя против меня. Я не позволю никому уничтожить то, что у нас с тобой было. Не позволю.

А теперь спи, моя дорогая, моя милая принцесса. Спи и носи меня в своем сердце — как я всегда буду носить тебя в своем.

Обещаю тебе, что вскоре мы встретимся снова.

— Мэри Лэйни, — говорит Букс в портативную рацию, а затем произносит фамилию по буквам.

Я сижу на полу крытого грузовика спецназа со своим лэптопом и просматриваю сведения о регистрации автомобилей в Пенсильвании и об уплате поимущественного налога.

— В Питтсбурге и его окрестностях есть четыре Мэри Лэйни, — говорю я.

— Мы всего лишь предполагаем, что эта женщина живет в Питтсбурге или рядом с ним.

— Она наверняка живет где-то недалеко, — говорю я. — Что бы он с ней ни сотворил, он успел вернуться сюда и сделать очередную запись, прежде чем исчезнуть.

— Возможно, он убил ее прямо здесь, в своем доме, — говорит Букс.

— Не говори этого. Не говори, что он ее убил.

— Судя по его записи, именно это он и собирался сделать, Эм.

— Подожди, — говорю я, отрывая взгляд от экрана компьютера. — Ее возраст. Она ведь упоминала о своем возрасте, правильно? По-моему, она говорила, что ей тридцать семь лет, да?

— Похоже... что... именно так. — Букс просматривает записи, в которых фигурирует столь любимая Уинстоном Грэмом Мэри. — Да, тридцать семь. Значит, она родилась в тысяча девятьсот семьдесят пятом году. Или же в конце тысяча девятьсот семьдесят четвертого.

Я перескакиваю в компьютере на базу данных Департамента здравоохранения штата Пенсильвания.

— Если она родилась в Пенсильвании, то она будет... Ага, вот! Вот оно: Аллентаун, штат Пенсильвания, Мэри... Черт, это не Мэри Лэйни. Это Марти Лэйни.

— Ты уверена?

— Ну конечно я уверена, — сердито отвечаю я. — Я пока что могу увидеть разницу между «Марти» и «Мэри».

— Возможно, это ее брат.

— Возможно. Давай продолжать искать.

Я роюсь в базах данных, в которых содержатся сведения о поимущественном налоге и номерах карточек социального страхования, и делаю перекрестную ссылку на базы данных, в которых можно узнать о криминальном прошлом граждан. Эта Мэри ведь когда-то была алкоголичкой, а потому у нее, возможно, имелись проблемы с законом.

Ничего. Четыре Мэри Лэйни, живущие в Питтсбурге или же его окрестностях, всегда были законопослушными гражданками.

— Ну хорошо, проверим по сведениям об уплате налогов, — говорю я. — Департамент налогов и сборов... Департамент налогов и сборов...

Сведений об уплате налогов полным-полно. Все, что мне нужно для начала, — это дата рождения. Возможно, она родилась не в Пенсильвании, но налоги платит здесь.

Четыре Мэри Лэйни с четырьмя датами рождения появляются на моем экране.

— Дата рождения — двадцать второе июня девяносто четвертого года, — говорю я. — Дата рождения — тринадцатое мая восемьдесят второго года... Дата рождения — двадцать седьмое мая шестьдесят девятого года... Дата рождения...

Я даже подпрыгиваю на полу грузовика.

— Дата рождения — одиннадцатое июля семьдесят пятого года!

Букс кивает:

— Это и есть наша Мэри?

— Подожди-ка, подожди. Дай я проверю декларацию о выданной зарплате и уплаченных с нее налогах, которую подавал ее работодатель.

«Пожалуйста, пусть это будет бар или ресторан — ну, какое-нибудь место, где нанимают на работу барменшу!»

— Да! — вскрикиваю я. — В качестве ее работодателя фигурирует спорт-бар «Эрнис».

— Ну вот и наша тридцатисемилетняя барменша! — Букс хватает свою портативную рацию. — Это Букмен. Мне нужны вертолеты. Поднимите на ноги отряд по спасению заложников. Мы выяснили, где нужно искать.

— Я еду с тобой, — заявляю я Буксу, отталкивая его в сторону и выпрыгивая из грузовика еще до того, как он успевает что-то ответить. — Она все еще жива, — говорю я. — Она должна быть еще живой.

Автодорога № 85 штата Пенсильвания, проходящая через городок Киттаннинг, была перекрыта на полмили в обе стороны от дома, принадлежащего Мэри Лэйни. На другой стороне улицы, напротив этого дома, имеется свободное пространство, которое вполне подходит для безопасного приземления вертолетов. Бойцы Национальной гвардии уже окружили дом. Пожарные автомобили стоят в ожидании на расстоянии менее сотни ярдов от дома. Бойцы отряда по спасению заложников выскакивают из одного из вертолетов и поспешно о чем-то совещаются. Нам предстоит провести, в общем-то, спасательную операцию, и мы не можем позволить себе действовать опрометчиво, имея дело с таким типом, как Уинстон Грэм. Он умудрялся ускользнуть от нас не раз, когда нам казалось, что он уже почти у нас в руках. Ему все время удавалось нас обхитрить. Да, его последние слова в «сеансах Грэма» звучат так, как будто он расстается с ней («Обещаю тебе, что вскоре мы встретимся снова»), но он вполне может поджидать нас в доме Мэри Лэйни. Я не стала бы исключать такой вариант.

Букс подбегает к бойцам отряда по спасению заложников и о чем-то говорит с ними. Передо мной, за автодорогой № 85, простенький двухэтажный дом с крутой крышей, крытой чем-то вроде гонта^[59] и выкрашенной в небесно-голубой цвет с белой окантовкой. Он расположен на небольшом холме. К его главному входу ведет выложенная камнем дорожка.

Бойцы Национальной гвардии штата Пенсильвания, выставив перед собой автоматы, ведут наблюдение за домом. Два бойца отряда по спасению заложников пересекают улицу с лестницей и приставляют ее к стене дома. Когда наступит соответствующий момент, они заберутся по ней на выступ, нависающий над главным входом, и это позволит им вломиться через окна на второй этаж, как только начнется штурм дома.

Но пока по этой лестнице никто никуда не забирается. Я смотрю на свои часы. Уже восьмой час.

— Отправляйте «Кевина», — командует Букс.

— Это займет слишком много времени, — говорю я. — Возможно, она сейчас там уже умирает.

Букс кивает, но ничего не говорит.

— Букс, возможно, она...

— У меня нет на это времени, Эмми.

— У Мэри нет времени.

— Послушай меня: кто знает, что он приготовил там для нас? Его собственный дом воспламенился, когда мы близко подобралась к нему. Я не стану так рисковать жизнью наших людей. Сначала мы проверим, нет ли там взрывных устройств, и если все чисто...

— А что, если к тому времени она умрет, Букс? Мы можем спасти ее, но мы выжидаем и следуем каким-то там инструкциям...

— Дело не только в инструкциях. Просто нужно поступать правильно. Ты хочешь, чтобы несколько агентов погибли из-за того, что я не принял элементарных мер предосторожности? Я отвечаю за их жизнь.

— Она — наш самый лучший шанс схватить Грэма.

Букс резко поворачивается ко мне:

— Эмми, если ты не замолчишь, я надену на тебя наручники. Я не стану отправлять

туда людей, не имея ни малейшего представления о том, что ждет нас внутри. Тем более после всех тех сюрпризов, которые он нам устраивал. Ты не хотела бы стать первым человеком, который войдет вон в ту дверь?

Он отворачивается и, отойдя в сторону, начинает разговаривать по портативной рации.

«Она там умирает, взывает о помощи, молится о том, чтобы произошло чудо, чтобы кто-нибудь нашел ее и спас... Ты молилась об этом, не так ли, Марта? Ты молилась о том, чтобы кто-нибудь спас тебя, но никто не пришел. Я не пришла. Я не появилась и не спасла тебя».

Я бросаюсь через автодорогу № 85 к дому.

— Эмми, что ты делаешь? Стой! Эмми, стой!

Я бегу по каменной дорожке, ведущей к дому.

— Всем агентам оставаться на местах! — слышу я в своих наушниках голос Букса. —

Эмми, это приказ персонально для тебя: не входи в дом!

Я срываю с себя наушники и бегу, перескакивая через три ступеньки, к главному входу, представляющему собой простенькую деревянную дверь со старомодным дверным молотком.

«Я иду, милая. Я иду, чтобы помочь тебе».

Я поворачиваю дверную ручку и невольно вся сжимаюсь, опасаясь, что сейчас может произойти взрыв.

Я вхожу в дом, ожидая какого-нибудь подвоха, но ничего не происходит. Ни взрыва, ни хлопка, ни щелчка.

Мой взгляд, скользнув по полу и стенам прихожей, обшитым досками из прочной древесины, устремляется вглубь коридора. На полу коридора — пятна крови, уходящие дорожкой за угол.

— Мэри Лэйни! — кричу я, идя по кровавому следу ближе к стенке коридора, чтобы не наступить на кровь и не запачкать потом весь пол. — ФБР!

Пройдя мимо небольшого санузла, я дохожу до конца коридора. Кровавый след ведет в гостиную с потертыми коврами и старенькой мебелью и прерывается у какой-то двери в дальней части гостиной.

Это дверь в подвал.

Я открываю ее.

— Мэри Лэйни! — кричу я в темноту подвала.

Я протягиваю руку и нащупываю на стене выключатель. Я щелкаю им, но ничего не происходит. Ниже меня — ничего, кроме крошечной темноты. Я достаю свой смартфон, включаю на нем фонарик и свечу вниз. Тоненький луч света позволяет мне увидеть десяток деревянных ступенек лестницы с перилами и внизу лестничную площадку. Там никого нет.

— Мэри Лэйни! — снова кричу я.

Я спускаюсь по ступенькам так быстро, как только могу. Я осознаю, что здесь могут стоять мины-ловушки или другие взрывные устройства, но у меня нет выбора.

«Я иду, Марта, я уже здесь и спешу к тебе на помощь. Ты просто дай мне шанс тебя спасти, ты просто держись, не умирай. Пожалуйста, не умирай, пожалуйста, вернись ко мне».

Я свечу фонариком то в одну, то в другую сторону и прислушиваюсь.

— Мэри! — зову я.

Голос у меня начинает дрожать, когда я дохожу до последней ступеньки и ступаю на пол подвала.

И тут я слышу, как кто-то кашлянул. Тихонько кашлянул один разок где-то справа от меня.

Я поворачиваюсь в ту сторону и быстро вожу фонариком туда-сюда. Мое сердце начинает бешено колотиться. Но я не вижу ничего, кроме какого-то шкафа и...

Опустив луч света на пол, я вздрагиваю: на полу лежит чье-то неподвижное тело. Тело человека.

У меня мелькает мысль, что, судя по длинным волосам, разметавшимся по полу, это женщина. Но там, где должны быть глаза и нос, у нее...

— О господи! — тихо восклицаю я, подходя ближе и удерживая тоненький луч желтого света на ней.

Лицо у нее окровавленное, фиолетового цвета, глаза превратились в узенькие щелки, нос перекосялся, рот представляет собой какое-то месиво.

Я наклоняюсь над ней. Ее грудная клетка то поднимается, то опускается при резких вдохах и выдохах. Дыхание у нее хриплое и прерывистое. Я прикасаюсь к ее плечу, и она пытается отпрянуть. Я обвожу лучом света ее тело, окровавленную белую рубашку и голубые

джинсы. Для меня, неопытной в таких делах, кровь выглядит как разбрызгавшаяся красная краска. У этой женщины, похоже, нет ни колотых, ни огнестрельных ран: ее били по лицу, но не по телу.

— Мэри? Я из ФБР. Теперь вы в безопасности, милая.

Откуда-то сверху до меня доносится громкий топот: ФБР, похоже, бросило в «бой» свою «тяжелую кавалерию».

Мэри слегка двигает головой — возможно, пытается выразить признательность.

— Мэри, вы знаете, где он сейчас? — спрашиваю я. — Ну ничего, ничего, — говорю я, так и не дождавшись от нее ответа. Я ласково поглаживаю ее руку. — Мы сейчас окажем вам помощь.

Звуки шагов доносятся уже с лестницы, ведущей в подвал. Уже виден свет мощных фонарей «Маглайт», которые используют агенты.

— Нам нужен врач! — кричу я им.

Я начинаю выпрямляться, чтобы показаться агентам, но в этот момент Мэри берет мою руку в свою. Я обхватываю ее кисть обеими руками и наклоняю голову поближе к ее лицу.

— Не... бросайте меня, — шепчет она.

— Не брошу, милая, клянусь, я вас не брошу, — говорю я. Мой голос дрожит, а глаза наполняются слезами. — Я здесь, рядом. Я больше никому не позволю причинять вам боль.

Мэри начинает очень сильно дрожать, и из ее горла вырываются исступленные стоны. Одной рукой я обхватываю ее за плечи и, положив ладонь под ее щеку, как бы убаюкиваю ее, в то время как бойцы отряда по спасению заложников врываются в подвал со своими фонариками и оружием, которого хватило бы для оснащения целого войска.

— Все будет хорошо, — говорю я с уверенностью, которой в глубине души отнюдь не испытываю. — Он уже больше не сможет причинить вам боль.

Я содрогаюсь и открываю глаза. Грохот взрыва моментально сменяется тишиной в тот момент, когда я просыпаюсь. Сны у меня в последнее время были именно такими — уже меньше про всепожирающие языки пламени и все больше про сильный взрыв, порождающий это пламя.

Я шурюсь от очень яркого света. Не знаю, почему в больницах устанавливают такие мощные лампы. Когда Мэри Лэйни откроет глаза, она почти ничего не сможет увидеть.

А она *наверняка* откроет глаза. По крайней мере, так утверждают врачи. Повязка на лице и капельница, трубка которой тянется к руке, свидетельствуют о ее тяжелом состоянии, но врачи говорят, что «мозг у нее функционирует нормально», и это обнадеживает. Однако, как мне кажется, если человеку — как сейчас Мэри — необходимо, по словам врачей, сделать электроэнцефалограмму, вряд ли у этого человека все в порядке.

У Мэри легкое сотрясение мозга и перелом носа. Ее зубы все на месте, и у нее, похоже, на лице нет никаких ран — только темно-фиолетовые синяки. Ее лицо так разбухло от побоев, что глаза превратились в узкие щелки, а губы и щеки стали уродливо-толстыми.

Я наблюдаю за тем, как поднимается и опускается ее грудь, прислушиваюсь к тихим звукам ее дыхания. Когда она проснется, мы попытаемся получить от нее нужную информацию. Мы уже пробовали сделать это сразу после того, как нашли ее, но тогда она могла издавать лишь нечленораздельные звуки. Врачи сказали, что она пережила шок, психическую травму. Они обработали ее ушибы, сделали кое-какие анализы, после чего заявили, что нужно дать ей поспать не менее двух часов, прежде чем снова пытаться с ней поговорить.

А агенты тем временем обыскивают дом Грэма. Они обнаружили на задворках дома шины, которые он сжигал, канистры с бензином и противогазы. Вот при помощи чего он загонял дым в легкие своих жертв, имитируя тот дым, который возникает при пожаре. Также они нашли всевозможные хирургические инструменты, которые он использовал для пыток, и пособия по хирургии. Анализ его посещений интернета показывает, что он частенько заходил на порносайты мазохистского характера и искал дополнительную медицинскую информацию. Он также заходил в «Фейсбуке» на странички многих своих жертв, никогда не набиваясь к ним в друзья, а всего лишь выведывая информацию о них, чтобы знать, где они живут и работают, — в общем, собирал всевозможные сведения, которые помогали ему хорошо изучить их еще до того, как он с ними встречался.

Вполне очевидно, что о том, как устраивать пожары, он узнал из интернета — а точнее, почерпнул данную информацию на одном сайте, на котором очень подробно объяснялось, каким образом можно устроить своего рода взрыв с задержкой по времени. Он подвешивал к потолку резиновый шарик так, чтобы тот находился над горящей свечой. Шарик был заполнен бензином. Под свечой он помещал стопку бумаги. После того как Грэм уходил, пламя свечи сильно нагревало шарик, тот лопался, и бензин выплескивался на пламя и растекался по бумаге. *Ба-бах!* К тому времени, когда приезжали пожарные, бечевка, на которой висел шарик, сгорала дотла, но остатки свечи еще сохранялись, и это подталкивало к выводу о том, что пожар был вызван горящей свечой, упавшей на газету или журнал.

Фотографию из его водительского удостоверения показали уже везде — на всех имеющихся в стране кабельных информационных каналах и на всех новостных порталах и

сайтах. Любой человек в Соединенных Штатах может увидеть фотографию располневшего и почти лысого мужчины с глазами-бусинками и узнать, что этого мужчину зовут Уинстон Грэм.

Однако теперь он будет выглядеть, конечно же, по-другому. У него будут волосы и, возможно, усы, он изменит форму бровей, станет носить очки — то есть постарается сделать так, чтобы его никто не узнал.

Но куда он отправился? Куда он *мог* отправиться?

Об этом мы не имеем ни малейшего представления. Единственное, что мы знаем, — так это то, что он снял со своего банковского счета более двухсот тысяч долларов, и теперь ему хватит наличных денег много на что.

Дверь открывается и заходит Букс. Он кивает, бросая на меня ледяной взгляд, а затем начинает тарашиться на Мэри.

— Два часа еще не прошло, — говорю я.

— Я подумал, что, возможно, она уже сама проснулась.

— Я же сказала тебе, что позвоню, как только она проснется.

— Ты много чего мне говорила, — бурчит он.

Похоже, это вводное предложение к той речи, которую он собирается произнести и которую, как я догадываюсь, он тщательно обдумал.

— Ты говорила мне, что, если я займусь этим делом, ты будешь мне подчиняться, а сама взяла и не подчинилась.

— Давай не будем об этом, — говорю я.

— Эмми, я отдал приказ тебе персонально, но ты его не выполнила. В результате своих действий ты вполне могла погибнуть. В результате твоих действий могла погибнуть и Мэри. Ты могла спровоцировать взрыв, из-за которого *все* мы...

— Но я не спровоцировала его, не так ли, Харрисон? Я не спровоцировала. Поэтому лучше помолчи.

Букс, все еще стоя передо мной, молчит. Очень даже многозначительное молчание. Мы оба знаем, *что* будет происходить дальше.

— Мне наплевать, — говорю я. — Вышвыривай меня из этого дела. Увольняй меня. Делай что хочешь. Но я не прекращу его разыскивать.

— Да, я *вышвыриваю* тебя из этого дела, — говорит Букс. — Уволить тебя я не могу. А вот Дикинсон, я думаю, позаботится об этом. Он уже потребовал представить ему подробный отчет о твоих действиях. Свидетелями того, что произошло, были двести штатных сотрудников правоохранительных органов. И я не стану пытаться ему помешать. Ты заслуживаешь того, чтобы тебя уволили.

Я упираюсь лбом в верхнюю часть спинки кровати Мэри, то есть принимаю то же самое положение, в котором я едва не заснула пару минут назад.

— И поэтому... — говорит Букс.

— И поэтому что?

— И поэтому ты уже не занимаешься этим делом.

— Это я от тебя уже слышала.

— Значит, ты должна отсюда уйти.

Я поднимаю на него взгляд.

— Я не уйду. Я пообещала ей, что не брошу ее.

Букс смотрит на меня таким взглядом, каким смотрит всегда, когда я начинаю

упрямиться.

— Ты держала ее руку в машине скорой помощи всю дорогу в больницу. Ты держала ее руку, когда ею занимались врачи, и мне до сих пор не верится, что они позволили тебе это. Впрочем, пытаться тебя от чего-то отговорить все равно что спорить с кирпичной стеной.

— Когда она проснется, пусть увидит, что я нахожусь рядом с ней, Букс. Я не уйду. Смирись с этим.

— *Смирись с этим. Смирись с этим!* Все та же Эмми, делающая то, что ей вздумается, когда ей вздумается и так, как ей вздумается.

Брови Букса начинают подергиваться. Как мне это знакомо! Его шея становится малиновой. Похоже, сейчас он схватит меня за волосы и выволочет из палаты.

Пожалуй, он вполне способен это сделать. Но этого не происходит.

Потому что именно в этот момент Мэри Лэйни делает резкий вдох.

Мэри Лэйни приподнимается и наклоняется вперед, надрывно кашляя и выплевывая при этом слизь и частички засохшей крови. При помощи соответствующих механизмов и кнопок я приподнимаю изголовье так, чтобы оно оказалось под углом около шестидесяти градусов к кровати, и затем нажимаю на кнопку вызова медсестры.

— Мы здесь, Мэри, — говорю я, беря ее руку и глядя ее. — Вы находитесь в больнице, и вам ничего не угрожает.

Приступ кашля проходит, и теперь она сидит абсолютно неподвижно. Ее глаза — узенькие щелки, окруженные темно-фиолетовыми синяками — смотрят вперед.

Она старается вспомнить все то, что с ней произошло.

Затем она издает тихий стон. Ее плечи начинают содрогаться, а по распухшим щекам текут слезы.

— Он уже больше не может причинить вам зла, — говорю я.

— Он... он... А вы...

Она выдавливает из себя слова в паузах между вдохами и тихими всхлипываниями.

— Мы его еще не поймали, — говорит Букс. — Но поймаем. Однако для этого нам нужна ваша помощь, Мэри.

Все еще всхлипывая, она начинает осматривать свои руки и ноги и проводить ладонями по своему телу так, будто ищет припрятанное оружие. Затем подносит пальцы к распухшему лицу.

— Я — специальный агент Букмен, а это — Эмми Докери, аналитик ФБР, — говорит Букс. — Мне очень жаль, но нам крайне необходимо поговорить с вами прямо сейчас.

После недолгого колебания Мэри кивает, и ее тело перестает вздрагивать от всхлипываний. Я протягиваю ей салфетку, и она осторожно вытирает лицо. Затем она смотрит на меня.

— Вы... нашли меня, — говорит она. — Это были вы. Вы... не оставили меня.

Я снова беру ее за руку и ласково ей улыбаюсь.

— С вами все будет в порядке.

— Что он... Что Уинстон натворил? Он уби... убивал людей?..

Я перевожу взгляд на Букса, и тот кивает:

— Он находится в розыске, потому что совершил убийство. А точнее, целую серию убийств.

Она воспринимает эту новость очень болезненно. Впрочем, судя по записи последнего «сеанса Грэма», во время которого Грэм разговаривает с Мэри, изувечивая ее лицо, она, наверное, уже поняла, что он совершал какие-то злодеяния.

— Так, всем отойти в сторону! — громко говорит врач, заходя в палату.

— Ну-ка, Мэри, быстренько, — произносит Букс. — Это важно. Он не говорил ничего такого, что позволило бы понять, куда он направится и что намерен теперь делать? Ну хоть что-нибудь, а?

Букс становится на пути у врача и не подпускает его к Мэри.

Мэри прокашливается.

— Он сказал... сказал...

— Я вынужден настаивать на том, чтобы вы ушли. Мне необходимо заняться

пациенткой, — требует врач.

— Подождите, это важно, — говорит Букс. — Продолжайте, Мэри. Что он сказал?

Мэри с трудом сглатывает и закрывает глаза.

— Он сказал, что вы никогда его не поймаете, — произносит она. — Он сказал, что он — невидимка.

Врач выпроваживает нас из палаты, чтобы осмотреть Мэри. Два вооруженных федеральных маршала стоят на страже у двери ее палаты. Мы с Буксом идем по коридору.

— Мы найдем его, — говорю я. — У меня есть кое-какие...

— Иди домой, Эмми, — говорит Букс, обгоняя меня.

Я жду, когда он обернется. Но он не оборачивается.

— Я не пойду домой.

— Но здесь ты оставаться не можешь. Здесь могут находиться только те, у кого имеется соответствующее разрешение. А у тебя такого разрешения уже нет.

Я поспешно иду вслед за ним. Он всегда ходил очень быстро.

— Я могу помочь тебе найти его, — говорю я. — Это как раз то, что я делаю лучше всего, Букс. Перестань дуться.

Букс доходит до лифта и нажимает на кнопку.

— Для тебя все закончилось, — произносит он. — И у нас с тобой все закончилось. Я не могу руководить операцией, если мои подчиненные открыто игнорируют мои распоряжения. Это подрывает дисциплину во всем подразделении. Если бы ты была взрослым человеком, ты бы это понимала. Но ты не взрослая. Ты ребенок, Эмми. *Ребенок*. У нас с тобой все закончилось. — Он рассекает рукой воздух. — Закончилось.

Я упрямо мотаю головой — и в самом деле, наверное, как ребенок.

— Я смогу его найти. Я — твой самый большой шанс. Почему бы тебе не...

— Извини. — Лифт тренькает, и его створки расходятся в стороны. Букс заходит в лифт и поворачивается ко мне. — Для тебя все закончилось.

Двери начинают закрываться. А вместе с ними закрывается и лазейка, через которую я могла бы вернуться к своей работе.

Букс не дает дверям закрыться и выходит из лифта. При этом он оказывается так близко ко мне, что я невольно пячусь.

— Ты думаешь, что можешь топтать кого тебе вздумается и все должны просто мириться с этим? — шипит он. — Зачем тебе нужно было привлекать меня к этому делу, Эмми?

— Я...

— Я скажу тебе зачем, — продолжает он. — Ты решила привлечь меня к этому делу, так как полагала, что сможешь топтаться по мне и делать, что тебе заблагорассудится, да?

— Нет, вообще-то я хотела, чтобы ты занимался этим делом, потому что директор прислушается к тебе и потому что ты один из лучших агентов ФБР...

— Ой, перестань нести вздор, хорошо? Я ведь имею право на то, чтобы по отношению ко мне ты была по крайней мере честной. Тебе нужен был кто-то, кем ты могла бы манипулировать, и ты знала, что сможешь манипулировать мной. — Он тычет указательным пальцем чуть ли мне не в лицо. — Знаешь что? Ты использовала меня в последний раз.

— Значит, убийца будет продолжать убивать только потому, что ты не можешь смириться с тем, что я не вышла за тебя замуж.

Букс делает шаг назад, его рот приоткрывается.

— Ого! А ты та еще штучка!..

Да, пожалуй, это уже чересчур.

— Я... Извини, Букс. Я не хотела этого говорить.

Букс играет желваками, стараясь не встречаться со мной взглядом.

— Если ты не покинешь больницу в ближайшие пять минут, я добьюсь, чтобы тебя арестовали.

— Агент! — Один из федеральных маршалов бежит по коридору по направлению к нам. — Госпожа Лэйни сказала, что может говорить.

— Прекрасно, — воодушевляется Букс, видимо, радуясь еще и тому, что у него появился повод прекратить этот неприятный разговор.

— Она... Э-э... — Федеральный маршал приподнимает одно плечо, как бы извиняясь. — Она сказала, что хочет, чтобы к ней пришла госпожа Докери.

Букс слегка наклоняет голову, затем бросает на меня стальной взгляд.

— Госпожу Докери освободили от обязанностей, связанных с расследованием данного дела.

— Да, сэр, но... — Федеральный маршал прокашливается. — Она сказала, что будет разговаривать только с госпожой Докери.

Издав тихий, но отчетливый стон, Букс проводит пальцами по волосам.

Я не могу удержаться от легкой улыбки.

— Да, неловкая ситуация, — говорю я.

Букс устремляется мимо меня в сторону палаты Мэри.

— Ну пошли уже! — громко говорит он мне на ходу через плечо.

— Он казался таким... нормальным, — сетует Мэри Лэйни.

Голос у нее все еще хриплый. Ей только что сменили повязку, фиксирующую нос. В синяках вокруг ее глаз теперь наряду с фиолетовым и черным проглядывает уже и голубой цвет. Я смотрю на нее и едва удерживаюсь от слез.

В подвале ее дома была обнаружена алюминиевая бейсбольная бита «Луисвилл Слаггер» со следами ее крови. Именно этим предметом Грэм несколько раз ударил ее по лицу, в результате чего оно распухло и стало похожим на уродливый воздушный шар.

Интересный выбор сделал Грэм в данном случае: бейсбольная бита. Есть ли в этом какой-то особый смысл? Я, конечно, очень сомневалась, что он будет истязать Мэри так, как истязал другие свои жертвы. Я не верила, что он станет обливать ее кипятком, или снимать с нее скальп, или врезаться в ее нервные узлы вокруг коленей и локтей и на запястьях. Но почему бейсбольная бита? Почему бы ему не использовать огнестрельное оружие, чтобы решить проблему одним нажатием на спусковой крючок?

— Я имею в виду, что он был немного странным и непредсказуемым, — продолжает Мэри, — но при этом казался абсолютно безобидным. Возможно... недовольным самим собой. Но, похоже, он воодушевился, когда мы с ним познакомились. Он был любезным и ласковым.

Произнося эти слова, она смотрит на нас — по крайней мере, я думаю, что смотрит, судя по положению ее головы. Ее лицо так сильно опухло вокруг глаз, что их почти не видно, а потому очень трудно понять, куда они смотрят.

— Я знаю, что теперь это звучит как какой-то бред, — произносит она.

— Вовсе нет, Мэри, — говорю я. — Уинстон Грэм одурачил многих людей. Он оказался большим ловкачом. Ему удавалось проникать в дома одиноких женщин, которых он никогда раньше не видел. Это требует особых умений по части надувательства.

Мэри берет из пластиковой чаши несколько тоненьких кусочков льда, запихивает их в рот и начинает сосать.

— Когда я встретила с ним в первый раз, он сказал, что он — серийный убийца.

— Так оно и есть, — говорю я.

Мэри не знает, что нам известно об их первом разговоре из записи одного из «сеансов Грэма». Она даже не знает о существовании этих «сеансов». Букс не захотел рассказывать ей о них сразу.

— Это было в баре, где я работаю, — говорит она. — Он... — Мэри подносит руку к уху, как будто разговаривает по мобильному телефону. — Со стороны казалось, что он записывает то, что говорит, на какое-то затейливое устройство. Он держал его возле уха так, как держат сотовый телефон. Я сказала, что заметила это, и он, похоже, тут же мной заинтересовался. Он сказал мне, что убил множество людей. Я подумала, что он просто шутит.

— Любой бы так подумал, — говорю я.

Мэри рассказывает нам о нескольких свиданиях с Грэмом — свиданиях, о которых мы и сами уже знаем, но помалкиваем об этом. Она не сообщает всех подробностей, которые были зафиксированы в записях «сеансов Грэма», но в общем и целом рассказывает то же самое. Вечер, когда он прокрался в бар, чтобы тайком понаблюдать за ней («Думаю, это

было своего рода первым намеком, — предполагает она, а затем добавляет: — Как бы то ни было, мне это польстило. Обычно мужчины не обращают на меня особого внимания»). В следующий раз они встретились поздним вечером, чтобы выпить чего-нибудь вместе после того, как закончилась ее работа. Затем у них было свидание вечером в субботу — на той неделе, когда Грэм устроил себе что-то вроде отпуска. Еще на одном свидании они уже лежали вместе у камина, целовались и обнимали друг друга. Именно на этом свидании они впервые заговорили о серьезных отношениях.

Разговор продолжается около трех часов. Букс, который из всех знакомых мне людей лучше всех умеет выуживать информацию из тех, кого он допрашивает, — терпеливо, уделяя внимание всем подробностям, — расспрашивает обо всем, что они говорили и делали, и о том, какие чувства при этом испытывала Мэри. Рассказывая, она держит в руках мою руку.

— Меня все это ужасно смущает, — говорит Мэри после того, когда мы заканчиваем ее расспрашивать. — Вы, должно быть, думаете, что я идиотка.

— Я думаю, что вы человек, к которому нельзя остаться равнодушным, — говорю я. — И он тоже так думал. Мне кажется, он действительно запал на вас, Мэри. Он ведь вас так и не убил. А всех остальных, кто угодил к нему в лапы, убил. И не просто убил, Мэри. Он их истязал. Истязал зверски. А вас — не убил. Хотя у него имелись все основания вас убить, он не смог заставить себя сделать это. Вы были для него особенным человеком, не таким, как все остальные.

— Мне просто повезло, — сказала она.

— Тут дело не в везении, — говорит Букс. — Он бил вас алюминиевой бейсбольной битой. Ему было бы совсем не трудно прикончить вас, если бы он захотел это сделать. Хотите верить, Мэри, хотите нет, но, несмотря на то что повреждения на вашем лице ужасны, он не бил вас так сильно, как мог бы. Даже один мощный удар с размаха этой битой мог бы серьезно повредить ваш мозг. Думаю, его терзали сомнения.

— Вы шутите! — произносит она.

— Нет. Нечто подобное иногда происходит при попытках самоубийства, когда люди хотят вскрыть себе вены на запястьях. Поначалу они сомневаются, смогут ли сделать это, а потому у них получаются небольшие, поверхностные порезы. Они как бы пробуют. Такие порезы называются пробными. Они вызваны сомнениями. Это потом эти люди набираются мужества и вскрывают себе вены. И он тоже сомневался.

— И наносил «пробные» удары, — говорю я.

— В общем-то да, — соглашается Букс. — Он мысленно твердил себе, что ему необходимо вас убить, но каждый раз, когда замахивался, он наносил удар не в полную силу. Потому что в глубине души осознавал, что он *не может* убить вас. Уж слишком сильно он был к вам привязан.

Мэри горько смеется.

— Должна сказать, что, когда он лупасил меня битой, у меня в мозгу промелькнуло много мыслей. Но мысли о том, что он «уж слишком сильно ко мне привязан», среди них не было.

Однако Букс прав. Грэм ведь использовал бейсбольную битку, а не пистолет или нож. Он сомневался — сомневался до самого последнего момента, — убивать ему ее или нет.

— И... и что теперь? — спрашивает Мэри.

Букс вздыхает.

— Вы проведете день-другой в больнице. Мы будем за вами присматривать. Когда вас

выпишут, мы поместим вас в безопасное место. Увезем вас куда-нибудь.

Мэри кладет ладонь себе на грудь.

— Вы полагаете, он *вернется*?

— Нам необходимо принимать в расчет и такой вариант. Но не переживайте. Он не узнает, где вы находитесь. Мы примем особые меры предосторожности и приставим к вам охрану.

— А кого? Вы имеете в виду агентов ФБР?

— Или федеральных маршалов. В общем, профессионалов.

Мэри с унылым видом опускает голову.

— Я не хочу прятаться. Я не могу прятаться.

— Это придется делать лишь до тех пор, пока мы его не поймаем, — говорю я.

— Вам все еще угрожает опасность, — произносит Букс. — Он может передумать и решить, что не стоит оставлять вас в живых. Или же что вы ему нужны, и попытается забрать вас с собой.

Мэри качает головой и глубоко вздыхает. Затем она пристально смотрит на меня.

— Я сделаю это, если вместе со мной поедете вы, — говорит она.

«Что-то не так. Что-то здесь не так».

Я сижу в кафетерии больницы и снова читаю свою копию записей «сеансов Грэма», терзаемая непонятным беспокойством. Денни и Софи, тоже приехавшие в Пенсильванию, сидят рядом со мной и просматривают свои копии. Толку от изучения этих «сеансов Грэма» пока что мало, но на данный момент это все наши зацепки.

— Почему он стал записывать эти свои «сеансы Грэма» лишь в прошлом месяце? — спрашиваю я. — Лишь в августе. Он ведь начал совершать преступления еще в сентябре две тысячи одиннадцатого года, а делать эти записи ему пришлось в голову только одиннадцать месяцев спустя. Почему?

Денни берет в рот кончик зубочистки и грызет его.

— Кто знает? Наверное, он решил, что память о нем как о гениальном преступнике следует увековечить.

Я качаю головой.

— Он слишком педантичен, а потому, совершая преступления, регулярно вел бы записи «сеансов Грэма». Не думаю, что он когда-либо потакал своим прихотям. Его поступки и то, чем он похвастается в дневнике, говорят об этом. Дисциплина, тщательная подготовка, самопожертвование, сдержанность.

— То есть вопрос в том, чем же было вызвано это решение, да? — спрашивает Софи. — Что изменилось в августе две тысячи двенадцатого года? Этому предшествовал длительный период начиная с сентября две тысячи одиннадцатого года, когда он начал совершать преступления.

— Мы не знаем ни о каких драмах в его личной жизни, — говорит Денни. — Родители Грэма умерли десять лет назад. У него не было ни жены, ни детей. И подружки у него, насколько нам известно, не было — по крайней мере, до Мэри. Похоже, он вообще никого не любил и ни с кем не поддерживал какие-либо отношения. Не было у него даже какой-нибудь домашней зверюшки.

Я задумываюсь над тем, что же такое произошло в прошлом августе. Тогда его методы убийства не претерпели изменений. В то время я уже пыталась во всем этом разобраться, отправляла по электронной почте письма Дикинсону и доказывала свою правоту полицейским Пеории, штат Аризона...

— Подождите, — говорю я, подсакивая на стуле и проливая при этом кофе из пластикового стакана Денни. — Подождите секундочку. Именно в августе получили огласку мои препирательства с полицией в Аризоне. Именно тогда в одной из газет, выходящих в Пеории, появилась статья, в которой приводилось мое заявление о том, что смерть Марты не была случайной и что ее убили. И в этой статье упоминалось, что я работаю в ФБР.

— Возможно, он эту статью прочел, — предполагает Денни.

— Ну конечно, он ее прочел, — говорю я. — Ничего не ускользало от его внимания. Абсолютно ничего. Итак, он читает это и думает, что теперь ФБР начнет его разыскивать.

По правде говоря, мое родное ФБР тогда вышвырнуло меня на улицу и отвергло мои предположения до тех пор, пока не появился Букс, который помог мне убедить директора в их обоснованности. Однако Грэм вряд ли мог об этом узнать. Что ему было известно — так это то, что ФБР вот-вот начнет расследование в масштабах всей страны.

— Тогда Грэм впервые почувствовал, что над ним нависла угроза, — говорю я.

— И он отреагировал на это тем, что стал вести дневник? А зачем? — спрашивает Софи. — На тот случай, если его поймают, он хотел дать обществу объяснения по поводу того, чем он занимался?

Я морщусь: нет, на это не похоже. В нынешние времена серийного убийцу вроде Грэма запросто стали бы возвеличивать в средствах массовой информации. Даже если бы мы его поймали, он вызвал бы у журналистов всех газет, журналов и кабельных телеканалов страны желание взять у него интервью и посвятить ему специальный выпуск с каким-нибудь зловещим названием вроде «Разум хищника».

— Знаете, что я думаю? — Я постукиваю кончиками пальцев по лежащим передо мной листочкам с записями «сеансов Грэма». — Я думаю, что это попытка направить нас по ложному следу. Я думаю, что где-то на этих страницах есть ложь. Что-то такое, что должно было запутать нас в том случае, если бы мы подобрались к нему слишком близко. Почему бы и нет? Если сотрудники ФБР у вас на хвосте, то почему бы не подкинуть им какую-нибудь писанину, которая уведет их в сторону?

— То есть вопрос заключается в том, где же ложь в этих «сеансах Грэма»? — спрашивает Денни.

— Это очень интересный вопрос. — Букс подходит к нашему столу. — Это нечто такое, над чем ты сможешь поразмыслить, сидя в укромном месте рядом с Мэри Лэйни.

В кафетерии, похоже, становится прохладно, и для Софи и Денни это повод уйти. Букс не садится за стол, а потому я решаю встать и оказываюсь напротив него.

— Ты уезжаешь завтра, — говорит Букс. — Денни, кстати, поедет с тобой.

— Хорошо. Замечательно. Я буду продолжать свои исследования и присылать тебе письма по электронной почте или же звонить по телефону...

— Лучше шли письма по электронной почте, — говорит Букс, даже не глядя на меня. Он трет верхнюю часть спинки стула ладонями, а затем легонько ударяет по ней. — Как бы то ни было, удачи тебе, и будь...

— О-о, Букс, перестань! Я знаю, что нарушила тогда правила поведения, но я ведь не застрелила кого-нибудь и ничем не оскорбила тебя лично. Я просто пыталась помочь человеку. А ты ведешь себя сейчас так, как будто я плюнула тебе в лицо.

Все еще стараясь не встречаться со мной взглядом, Букс сокрушенно качает головой.

— Между нами все кончено, Эмми. Во всех смыслах. Разумеется, присылай письма по электронной почте, если до чего-нибудь додумаешься, — я ведь не собираюсь препятствовать тебе, если ты этого хочешь, и дальше заниматься аналитическими исследованиями, — но я больше не считаю тебя причастной к этому расследованию и вообще причастной к чему-либо, имеющему отношение ко мне. Честно говоря, я больше не хочу ни разговаривать с тобой, ни видеть тебя.

Я отступаю на шаг. Я не осознавала, насколько сильно обидела его. И насколько болезненно он это воспринял. Видимо, я задела его, как говорится, за живое.

— Это все понятно, Эмми? Мы понимаем друг друга?

Я машу рукой:

— Да-да, конечно.

Букс кивает и, развернувшись, идет прочь.

— Букс! — говорю я ему вслед. — Если это имело для тебя такое большое значение, то, пожалуйста, прости меня.

Он останавливается, но не оборачивается.

— Это уже не имеет никакого значения, — отвечает он. — Уже не имеет.

Когда на следующий день, ближе к вечеру, я прихожу к Мэри Лэйни, я впервые вижу ее одетой в свои вещи, а не в больничный халат. В таком виде она намного симпатичнее, пусть даже ее лицо все еще опухшее и в синяках, и пусть даже на ее нос врачи наложили огромную шину.

— Все готово? — спрашиваю я. — За нами скоро придут.

— Я чувствовала бы себя лучше, если бы не выглядела, как Человек-слон. [\[60\]](#)

По крайней мере, она относится к ситуации, в которой оказалась, с юмором.

Я выхожу из палаты и вижу, что Денни Сассер стоит в конце коридора и разговаривает с каким-то мужчиной.

— Эмми, хочу познакомить вас с Джимом Деметрио, — говорит он, кивком указывая на своего собеседника. — Джим, познакомься, это Эмми Докери.

Джим Деметрио — мужчина средних лет, чуть выше меня ростом (то есть его рост составляет около пяти футов десяти дюймов) и крепкого телосложения. На нем спортивная рубашка с короткими рукавами, на голове — бейсболка.

— О-о, так это и есть скандально известная Эмми Докери! — говорит он. — Та самая, которая затеяла всю эту возню.

Я жму ему руку и говорю:

— Ну, это преувеличение.

— Та самая, которая выяснила, что тут вообще-то есть с чем возиться. Да, есть с чем. — Он улыбается мне. — А вы сделали себе имя.

— Джим — бывший сотрудник ФБР, — говорит Денни. — Он работал в питтсбургском отделении ФБР, но полтора года назад уволился. Джим — один из самых лучших специалистов по составлению психологического портрета серийного убийцы из всех, кого я знаю. Но теперь сфера его деятельности — частный бизнес, он загребает большие деньги, консультируя по вопросам безопасности.

Ну что ж, молодец! Что тут скажешь? Я задаюсь вопросом, почему он здесь.

— Он уже некоторое время добровольно помогает ФБР.

— О-о, замечательно, большое спасибо! — говорю я.

За домом Уинстона Грэма в округе Элк несколько квадратных миль густого леса, и сейчас там тщательно осматривают буквально каждый дюйм, пытаюсь найти захоронения, тайники с оружием и тому подобное. К этой работе неплохо было бы привлечь волонтеров, если бы таковые имелись.

— Я делаю это с удовольствием, — говорит Деметрио. — Это здорово — снова окунуться в эту работу.

— Джим разрешил нам воспользоваться своим загородным домом в Орегоне, — говорит Денни.

Ага, прекрасно. Я знаю, что нас с Мэри Лэйни собираются отвезти в какой-то загородный дом, находящийся на побережье штата Орегон, в городок, который называется Кэннон-Бич. Наверное, там и находится загородный дом Деметрио.

— Там все идеально, — говорит Деметрио. — Я лично продумал систему безопасности. Дом стоит на вершине холма, и добраться до него можно только по асфальтированной подъездной дороге, которую перекрывают ворота. Ваш свидетель будет находиться в полной

безопасности. — Деметрио резко прочерчивает в воздухе горизонтальную линию. — В полной безопасности.

— Хорошо, благодарю вас, — говорю я.

— А можно мне задать вопрос? — спрашивает он, наклоняясь ко мне. — Как вы это сделали? Как вам удалось составить целостную картинку из разрозненных событий?

Я пожимаю плечами. Сейчас вообще-то нет времени на подобные разговоры, однако этот мужчина все-таки предоставляет нам свой загородный дом. Кроме того, он добровольно помогает ФБР, так что профессиональная этика и немного доброжелательности будут в данном случае нелишними.

— Скрупулезный сбор информации, — отвечаю я. — Определение стиля преступлений. Каждое в отдельности было гениально замаскировано. Однако в своей совокупности они позволяли определить стиль преступной деятельности.

— Гениально замаскировано, — повторяет он. — Вы думаете, что он гениален?

— Я думаю, что он — монстр. Но очень умный монстр.

Деметрио прищуривается:

— Возможно, лучше не думать о нем как о монстре. Он — человек со своей мотивацией, какой бы странной, на ваш взгляд, эта мотивация ни была...

— Он — монстр, — снова говорю я.

Деметрио под моим суровым взглядом, похоже, слегка тушуетя.

— Ну, как знаете... — говорит он.

Я перевожу взгляд на Денни:

— Она готова ехать.

— О-о, ну тогда мне пора идти, — говорит Деметрио, подходя к лифту и нажимая на кнопку. — Был рад тебя видеть, старина. Послушай, у меня там через пару дней будут кое-какие дела. Можно мне будет туда заглянуть?

— Конечно, — говорит Денни. — Еще раз спасибо, Джимми.

Деметрио бросает на меня долгий взгляд.

— Что этот *монстр* будет делать теперь, Эмми? Каково ваше предсказание?

Я вытираю правую руку о джинсы. Лифт тренькает, останавливаясь на нашем этаже.

— Мы зароем его в землю — таково мое предсказание, — отвечаю я.

Губы Деметрио кривятся в усмешке.

— Не стоит его недооценивать, — говорит он, заходя в лифт.

Когда самолет, на котором летим мы трое — Мэри, Денни и я, — приземляется в аэропорту Портленда, нас встречают несколько сотрудников ФБР на автомобилях и проливной дождь. Мы выходим из самолета и поспешно садимся в один из автомобилей, после чего водитель — агент по фамилии Гетти из питтсбургского отделения ФБР — увозит нас с территории аэропорта.

Мэри смотрит в покрытое дождевыми каплями окошко.

— А правда, что никто не знает, где мы сейчас находимся? — спрашивает она меня.

Я смотрю на нее.

— Мы приняли все меры предосторожности. Наше местонахождение известно только четырем охраняющим нас агентам, мне, вам и агенту Букмену.

— Только этим людям? И больше никому?

— И больше никому. Попробуйте расслабиться. Вам ведь сложно сидеть тихонько, не так ли?

— О-о, вы правы, сложно, — отвечает она. — Мой папа говаривал, что я никогда не перестану двигаться, все время что-то делаю. Он говорил, что я как пчелка. Когда он проходил мимо меня, то начинал жужжать — «ж-ж-ж-ж-ж»...

Наш автомобиль проезжает мимо билетных касс аэропорта. Мэри отворачивается от окна и опускает голову. Она пытается выглядеть расслабленной, но нельзя не заметить, что она боится.

Как-то странно видеть то, как она трусливо пригибается, потому что ее физические данные впечатляют: немного выше меня ростом, мускулистая, похожа на профессиональную спортсменку — велосипедистку или бегунью. (Она сказала мне, что занятия физическими упражнениями помогли ей справиться с алкоголизмом, поскольку они заменили собой попойки.) У нее простенькая стрижка, волосы светло-каштановые, прямые, заправленные за уши. Я не могу оценить, насколько симпатично ее лицо, потому что после перенесенных побоев оно в ужасном состоянии: множество синяков, какие-то пятна, большая шина на носу. Бинты, удерживающие шину, похожи на взлетно-посадочную полосу, тянущуюся через центр ее лица.

Дождь всю поливает автомобиль. Мы выезжаем на шоссе. Я надеюсь, что Мэри вскоре успокоится. Возможно, даже уснет.

— Никто больше не знает, где мы находимся? — снова спрашивает она. — Только четыре охранника, агент Букмен, вы и я?

— Совершенно верно, Мэри. Клянусь.

— Он не сможет меня разыскать, правда? — Она впивается в меня взглядом.

— Думаю, что не сможет, — говорю я. — Мы принимаем должные меры предосторожности.

Слева нас обгоняет какой-то автомобиль повышенной проходимости, и Мэри опять пригибается, скрывая свое лицо. На этот раз она замечает, что я обратила на это внимание.

— Извините, — говорит она.

— Вы изводите себя. — Я кладу ладонь на ее руку. — Никто не знает, что вы здесь. Клянусь.

Мы, как и планировалось, въезжаем в Кэннон-Бич, штат Орегон, под прикрытием ночи

и движемся по узкой улице менее чем в пятидесяти ярдах от Тихого океана. Я опускаю стекло на дверце и вдыхаю соленый влажный воздух. Для меня это отнюдь не отдых на берегу моря, но на какое-то мгновение у меня возникает ощущение, что я приехала сюда в отпуск, чтобы отдохнуть. Мы проезжаем мимо курортных комплексов, различных магазинов, ресторанов и ларьков с сувенирами для туристов. Сейчас, в три часа ночи, они все закрыты.

По мере того как мы приближаемся к месту назначения, Мэри нервничает все больше и больше. Она сползает вниз на сиденье так, чтобы снаружи никто не смог видеть ее, хотя в такое время суток на улицах никого нет. Однако мне легко быть рассудительной: за мной ведь никто не охотится.

Наконец мы сворачиваем направо и едем по дороге, которая уводит нас от океана и освещенных витрин. Затем мы съезжаем на узкую петляющую дорогу и движемся по ней, пока не доезжаем до ожидающего нас автомобиля. Прислонившись к нему, стоят двое мужчин. Завидев нас, они выпрямляются. По-видимому, это федеральные маршалы из Портленда.

Мэри протягивает мне руку, и я сплетаю свои пальцы с ее пальцами.

— Здесь мы будем в безопасности, — говорю я.

Я замечаю, что мы стоим перед воротами, только когда они начинают открываться. Федеральные маршалы садятся в свой автомобиль, и мы едем вслед за ними вверх по крутой и извилистой подъездной дороге, пока не оказываемся возле дома.

Оба автомобиля заезжают на покрытое гравием место для парковки к западу от здания и направляют свет своих фар на дом. В этом свете становятся заметны тучи мечущихся в воздухе насекомых. У дома широкий фасад. Стены сделаны из древесины вишни. Вокруг дома маленький дворик, за пределами которого со всех сторон — темнота и пустое пространство. Там — крутые склоны, обрыв. Я чувствую это, хотя и не могу этого видеть в темноте. Получается, мы находимся высоко на холме. Как и говорил нам Джим Деметрио, для того, чтобы добраться до этого дома, нужно либо проехать по подъездной дороге (и угодить прямо в руки федеральных агентов), либо попытаться вскарабкаться по крутому склону холма.

Федеральные маршалы выходят из автомобиля и осматривают помещения дома до того, как мы зайдем внутрь. На переднем пассажирском сиденье нашего автомобиля сидит Денни, а за рулем — специальный агент Норм Гетти. Они терпеливо ждут.

— У этого дома современная система безопасности, — говорит Гетти. — Есть главный вход и задний вход, и обе эти двери оснащены засовами. При открывании любой двери раздается звуковой сигнал. Если система сигнализации включена и сработает, то ее сирену будет слышно по ту сторону Тихого океана. — Он указывает рукой на дом. — Вокруг дома установлены камеры видеонаблюдения и датчики движения. Еще одна камера смотрит на ворота. Мы можем увидеть все то, что видят камеры, прямо отсюда. — Он оглядывается на нас и показывает нам видеомонитор, экран которого разделен на четыре части, на каждую из которых выводится изображение одной из камер. — Так что тут абсолютно безопасно.

— Давайте выйдем из машины, — говорю я Мэри. — Тут все в порядке.

Я выбираюсь из автомобиля, все еще держа руку Мэри в своей, и вдыхаю свежий воздух. Легкий ветерок, дующий со стороны океана, приносит сюда его запах. Мы и в самом деле находимся на вершине холма, но он больше похож на остров, чем на холм. Площадь этих частных владений четверть акра, а то и меньше, и бóльшая часть территории занята домом и покрытым гравием местом для парковки. Трава на лужайке перед домом подстрижена очень

коротко. Участок имеет уклон во все стороны и окружен забором. Я подхожу к забору и вглядываюсь в темноту.

— Там со всех сторон ничего нет, кроме деревьев с мощными кронами, — говорит агент Гетти. — Ему пришлось бы вскарабкиваться на настоящую гору и столкнуться с непреодолимыми естественными препятствиями. И даже если бы он их преодолел, ему пришлось бы как-то перебираться через эту ограду высотой пять футов и с колючей проволокой. Это невозможно, дамы. Невозможно. Попасть в этот дом можно только по подъездной дороге, но там будем мы, а камеры видеонаблюдения и датчики движения предупредят нас о его появлении задолго до того, как он сюда доберется.

Мэри кивает.

— Тут, похоже, и в самом деле безопасно, — соглашается она.

Я сжимаю ее руку.

— Абсолютно, — говорю я, пытаюсь убедить в этом не только ее, но и саму себя.

Этот загородный дом — просторный, с современным интерьером. Здесь имеется большая гостиная с полом из твердой древесины, ванная (где установлена сидячая ванна), кухня приличных размеров с ламинированной столешницей и две спальни в дальней части дома, в каждой из которых есть дверь в общую ванную.

В спальне, в которой я нахожусь, стоят две двухместные кровати, предназначенные, по-видимому, для двух дочерей Джима Деметрио. Я ничего не знаю о его жизни, но на фотографиях в рамках, стоящих на рабочем столе, запечатлен Джим в более молодом возрасте с женой и двумя маленькими девочками. На одном снимке они, сидя в лодке, машут руками. На другом они все четверо, нарядно одетые, участвуют в каком-то торжественном мероприятии. Получается, что я буду спать в чьей-то комнате, а это всегда смущает меня и вызывает ощущение, что я здесь лишняя.

Мы все встречаемся в гостиной, которая обставлена так, как будто это охотничий домик: к стене прикреплена голова оленя, на полу в центре комнаты лежит медвежья шкура, из столешницы торчат оленьи рога, на кончиках которых повешены кофейные чашки.

— Это должно сработать, — говорит Денни.

Гетти и два федеральных маршала вырабатывают план действий на эту ночь. Два агента расположатся в своем автомобиле на месте парковки. Один будет спать, а другой бодрствовать. Второй автомобиль поставят в начале подъездной дороги, и в нем будут находиться два человека, которые тоже станут спать поочередно. У каждой группы будет планшет, к которому подключены все имеющиеся здесь камеры видеонаблюдения и датчики движения.

Денни дает мне и Мэри по пластмассовому брелоку, похожему на обычный дистанционный ключ-брелок для автомобиля, однако на нем есть только одна-единственная кнопка — красного цвета.

— Нажмите на эту кнопку, если возникнет какая-нибудь чрезвычайная ситуация, — говорит он. — Мы все сразу же получим сигнал.

Чрезвычайная ситуация. Данная мера предосторожности вроде бы должна придать нам с Мэри больше уверенности, но она оказывает на нас противоположное действие. Ведь нажимать эту кнопку нам потребуется только в том случае, если Уинстон Грэм умудрится каким-то образом преодолеть все преграды и добраться до нас.

В комнате воцаряется тишина.

А затем вдруг что-то тренькает, и раздается тихий скрип, похожий на звук трущихся друг о друга металлических колесиков. Денни резко оборачивается. Агент Гетти выхватывает пистолет. Мое сердце подпрыгивает в груди. Я устремляюсь к Мэри и обнимаю ее.

А тем временем на часах, висящих на стене, открывается маленькая дверца. Из-за нее появляется маленькая птичка, которая четырежды произносит: «Ку-ку!» — и снова прячется.

Ровно четыре часа утра.

— Черт побери! — восклицает Гетти, засовывая пистолет обратно в кобуру.

Все с облегчением вздыхают. Птичка никого не убьет. У нее, можно сказать, алиби.

Но этот инцидент говорит о том, насколько взвинчены наши нервы, и о том, что, как бы мы ни пытались уверить себя в собственной безопасности, никто на сто процентов в этом не

убежден.

Я просыпаюсь, опять увидев в кошмарном сне, как я бросаюсь к окну, пытаюсь спастись от пламени, охватившего мою кровать. Я вытираю со лба обильно выступивший пот и сажусь на кровати. Кофе. Я чувствую запах хорошего кофе.

Я выхожу из своей спальни и прохожу мимо двери спальни Мэри. Дверь закрыта, но не полностью — осталась узкая щель. Я замечаю мельком через эту щель, что Мэри сидит на кровати, а потому стучу в дверь и сразу же открываю ее.

На тумбочке, находящейся рядом с ее кроватью, стоит несколько пузырьков с лекарствами, прописанными врачом. Понимая, что ей, возможно, придется провести довольно длительное время в уединенном месте, врачи дали ей столько лекарств, чтобы ей их хватило на несколько месяцев. Тут есть обезболивающие и успокаивающие средства, а также снотворное.

Она сидит на кровати, застеленной покрывалом, опираясь спиной на сложенные горкой подушки и вытянув ноги. Между ногами лежит какой-то предмет, и она, наклонившись, рассматривает его.

Заметив меня, она выпрямляется. Ее лицо такое же распухшее, как и вчера, — а то и больше, — и все еще покрыто синяками и пятнами.

— Я не хотела врыва... — начинаю я.

Мой взгляд перемещается на лежащий перед ней длинный предмет цилиндрической формы, и теперь я вижу, *что* это такое. Это отнюдь не бутылочка с каким-нибудь прописанным Мэри лекарством. Это спиртное. А точнее, бутылка водки «Грэй гус».

— Я не пила этого, — быстро говорит она.

— Но вы подумываете об этом.

Она долго молчит, глядя куда-то в сторону. Через пару минут я уже начинаю думать, что она просто ждет, когда я уйду.

— Я ведь... Я не знаю, могу ли я делать это, — говорит она. — Мне даже не хочется открывать глаза и встречать новый день. Я многое преодолела и очень гордилась собой. Но *такое*... Как преодолеть *такое*? — Она с отсутствующим видом качает головой. — Он мне очень нравился. Я знаю, что это звучит смешно, но...

— Это не смешно, Мэри...

— Получается, я теряю мужчину, которого единственного из всех, кого я знала, сочла приличным и честным. Более того, теперь мне приходится жить в страхе перед тем, что меня могут изувечить и подвергнуть пыткам, и с осознанием того, что я настолько глупа, что впустила этого типа в свою жизнь и не заметила, что он...

— Мэри, не...

— Знаете что? — Она показывает на бутылку. — Я выпью эту бутылку, и тогда мне уже не придется думать обо всем этом. *Обо всем этом.*

Я подхожу и сажусь рядом с ней на кровать.

— Я просто уродка! — кричит она. — Как можно влюбиться в серийного убийцу?

Она закрывает лицо руками.

Я кладу ладонь на ее руку и позволяю ей выплакаться. Спустя некоторое время она делает глубокий вдох и издает стон.

— Вы знаете, всю свою жизнь я чувствовала себя уродиной, — говорю я. — Мы с моей

сестрой Мартой были близнецами. Но она была гораздо красивее меня. Она была похожа на мою мать. Красивее, веселее, общительнее. Я же была длинным и неуклюжим книжным червем, который запросто запоминал квадратные корни и интересовался проблемами охраны окружающей среды и жестокого обращения с животными, в то время как она участвовала в группах поддержки спортивных команд и выступала в роли королевы бала на вечерах встречи выпускников. Я всегда считала себя ошибкой природы. Чем-то вроде гнилого фрукта, который следует выкинуть на помойку.

Мэри опускает руки и смотрит на меня.

— А мне вы уродиной не кажетесь. И я не думаю, что агент Букмен полагает, что вы уродина.

— Ну да. — Я вскидываю руки. — Со мной все в порядке. Я научилась как-то жить с этим. Но я всегда завидовала Марте. А она была очень добра ко мне. В этом и заключается главная странность. Она любила меня до безумия. Была готова сделать ради меня что угодно. А я в ответ лишь злилась на нее. Но теперь и я готова на что угодно... — Я качаю головой и вздыхаю. — Уродина женщина или нет — это ведь смотря как на нее взглянуть, Мэри. Вы не уродина. Вы преодолели невероятные препятствия. Вы преодолеете и это.

Она все еще смотрит на меня, и в ее взгляде чувствуется благодарность. В этом теле спортсменки, сформировавшемся в результате многих лет тренировок, прячется одинокая женщина, которая преодолела все трудности и шла по жизни с высоко поднятой головой, но почему-то не смогла найти свою любовь. Встретив Уинстона Грэма, она решила, что это ее судьба, но затем узнала о нем нечто ужасное. Сможет ли она справиться и с этим — так, как она справилась с алкоголизмом?

— Пойдемте со мной. — Я протягиваю ей руку. — Давайте сделаем себе кофе и выйдем на террасу. День сегодня, похоже, хороший. А эта бутылка так и будет лежать здесь на тот случай, если она вам все-таки понадобится.

Она берет меня за руку, и мы поднимаемся с кровати. При этом откуда-то с того места, где она сидела, на пол падает белый плюшевый медвежонок.

— Это ваш дружок? — спрашиваю я.

— О-о, он уже лежал тут, — говорит она. — Но у меня в детстве тоже был белый плюшевый медвежонок. Я несколько лет везде таскала его с собой. Знаете, как я его называла? Белый Мишка.

— Забавно, — говорю я.

Она смеется, и это замечательно. Похоже, она начинает возвращаться к обычной жизни.

— Но однажды я забыла его в бакалейном отделе супермаркета в тележке для покупок. И никогда больше его не видела. Я долго горевала. На протяжении нескольких последующих лет, когда я приходила в супермаркет, я всегда искала этого Белого Мишку. Я заставляла своего отца спрашивать у директора магазина, не находил ли кто этого плюшевого медвежонка. Я сочинила для себя целую историю о том, что какая-то милая маленькая девочка нашла его и взяла к себе в свой замечательный дом.

— Это настоящая трагическая история. — Я сжимаю в своих ладонях ее руки. — Я, конечно, не Белый Мишка, но стану вашим другом на всю жизнь.

— Вы это серьезно? — спрашивает она, и в ее голосе я улавливаю настороженность.

— Да, серьезно, — говорю я. — Мы ведь с вами обе уродины, — добавляю я с усмешкой.

Я жарю на сковороде яичницу с гренками, а Мэри тем временем сидит на террасе и пьет кофе с Денни Сассером. Я не слышу, что они друг другу говорят, но вижу их, и Мэри, как мне кажется, выглядит более оптимистичной и энергичной. Мне даже кажется, что она смеется.

Денни вполне подходит для общения с людьми, пребывающими в подобном психическом состоянии: эдакий добродушный и сострадательный дедушка. Он также проницательный следователь, который имеет опыт работы, исчисляемый десятилетиями, и которого все мы в то или иное время явно недооценивали. Если бы не Денни, мы даже не обратили бы свой взор на Пенсильванию как на возможное место пребывания нашего субъекта. Денни заглянул в мои драгоценные аналитические данные, задействовал здравый смысл — и в нашем расследовании произошел кардинальный прорыв.

Я беру чашку с кофе и выхожу к ним на террасу.

— Завтрак готов, — говорю я. — Можете идти есть.

— Отлично! — восклицает Денни.

Как мне кажется, он чересчур уж жизнерадостный и встает утром слишком рано.

Волосы Мэри все еще растрепаны после сна. Она одета так, как будто решила заняться бегом (хорошо сочетающиеся друг с другом спортивная майка и шорты), хотя она не собирается в ближайшее время ни на какие пробежки. Однако в общем и целом выглядит она намного лучше, чем всего лишь полчаса назад. Такова уж, наверное, жизнь у алкоголиков и наркоманов: то помутнение, то просветление. Причем и то и другое может наступить в любой момент.

Я сажусь на стул рядом с ними. В лицо мне дует ветерок. Они тем временем продолжают разговор.

— Значит, ты обучалась на дому, — говорит Денни. Он поворачивается ко мне. — Мэри в школу не ходила. Она училась дома.

— Совершенно верно, — произносит Мэри. — Мой папа был очень строгим в данном вопросе.

— А сам-то он окончил какое-нибудь учебное заведение?

— О-о, нет, никакого, — отвечает Мэри, махая рукой. — Он работал в ночную смену на мясокомбинате. Там какого-либо образования не требуется. — Она кивает. — Но он очень хотел, чтобы я получила хорошее образование, а школы у нас в Аллентауне ему не нравились. Поэтому он приобрел кучу учебников и сам со мной занимался в дневное время.

Аллентаун наводит меня на мысли о песне Билли Джоэла^[61] с таким же названием — песне о городе в Пенсильвании, население которого страдает от развала экономики и безработицы и постепенно утрачивает надежду на лучшее будущее.

— А матери рядом с вами не было? — спрашивает Денни.

— Нет, она умерла во время родов.

— О господи, Мэри, это так печально! — говорю я.

— Да. — Она пожимает плечами. — А вообще это странно — понести такую утрату, но не осознавать этого. Я имею в виду, что я ведь ее вообще никогда не видела. Для меня наша семья состояла из меня и папы. Нам вдвоем жилось хорошо. Так что жалеть меня не надо.

Нелегкая жизнь, как ни крути. Из родителей — один только отец, который не собирался

растить своего ребенка в одиночку, но которому пришлось это делать. А тут еще обучение на дому. Получается, ее воспитание было весьма неординарным. А еще, конечно же, алкоголизм, который разрушил все ее жизненные планы, — хочется надеяться, что не навсегда. И вот сейчас ей приходится жить в страхе и с осознанием того, что она влюбилась в серийного убийцу.

— Вы все еще поддерживаете связь со своим отцом? — спрашивает Денни.

— Нет. Он умер в две тысячи одиннадцатом году. Сердечный приступ. Умер в одно мгновение. — Она кусает губы. — О-о, я уверена, что любой психиатр сказал бы, что я искала сильного мужчину, чтобы заполнить пустоту. Правильно? А вместо него нашла серийного убийцу. На такое способна только я. Ведь я, конечно же, знаю, как подыскивать таких типов, не так ли? Настоя-я-я-ящий знаток человеческой природы — вот кто я.

Она ставит на стол чашку с недопитым кофе и смотрит поверх горных вершин в сторону Тихого океана. Похоже, пора сменить тему разговора.

— Мэри, мне нужно, чтобы вы мне кое в чем помогли.

Мэри переводит взгляд на меня.

— Конечно помогу. Сделаю все что хотите.

Я впервые рассказываю ей о «сеансах Грэма» — то есть о том, как Уинстон Грэм в течение последних двух месяцев записывал свои мысли и отрывочные сведения о некоторых убийствах. Эта информация приводит ее в ужас — особенно когда она узнает, что о ней в этом дневнике упоминалось не раз.

— Вы хотите, чтобы я... прочла эти записи?

— Да, — говорю я. — Потому что мне кажется, что где-то в них есть ложь. Попытка направить нас по ложному следу. И не исключено, что вы единственный человек, который сможет эту ложь выявить.

Мэри кивает.

— Я сделаю это, — говорит она. — Конечно, я сделаю это.

Звонит мой сотовый телефон. Это пришло текстовое сообщение от Софи Таламас: *«Срочно, конфиденциально»*.

— Нам с Денни нужно кое-кому позвонить, — говорю я Мэри. — Я вернусь через минуту, и мы начнем работать над записями.

— Это вы оставайтесь здесь, а я пойду в дом. Мне нужно умыться и сменить повязку. — Она поднимается со стула и дотрагивается до моей руки. — Прошу прощения за то, что вы видели в моей спальне, — произносит она. — Со мной все в порядке. Правда-правда. Вам и так есть о чем поразмыслить, а потому не стоит обо мне волноваться.

Возможно, она права. Она — сильная женщина, в этом ей не откажешь. Как только Мэри уходит в дом, я включаю на своем смартфоне устройство громкой связи и звоню Софи.

— Алло, — отзывается она.

— Это мы с Денни. У вас какие-то важные новости?

— Да, — говорит она. — Уинстон Грэм мертв.

Испытывая невероятное облегчение, я бросаю взгляд на Денни, как будто спрашивая его: «Она и в самом деле сейчас это сказала?»

— Нехорошо радоваться чьей-то смерти, но... слава Богу! — говорю я.

— Не спешите благодарить Господа, — произносит она. — Уинстон Грэм умер более года назад.

Через полчаса Мэри возвращается на террасу. Волосы у нее влажные.

— Что случилось? — спрашивает она, посмотрев по сторонам и затем взглянув на наши лица.

Я даю ей экземпляр журнала «Ридерз дайджест».^[62] После обыска в доме Уинстона Грэма в округе Элк по найденным на расческе в ванной волосам был проведен анализ ДНК, и затем полученные данные были сверены со сведениями, имеющимися в соответствующей базе данных, в результате чего было обнаружено их полное совпадение с ДНК неизвестного мужчины, тело которого прибило к берегу Атлантического океана в октябре 2011 года. Судя по состоянию тела, оно пробыло в воде не меньше месяца. Это означает, что еще до того, как наш субъект начал восьмого сентября 2011 года свою преступную деятельность с убийства в городке Атлантик-Бич, штат Флорида, он бросил тело Уинстона Грэма в океан.

— Он присвоил себе жизнь Уинстона Грэма, — говорю я. — Грэм жил в уединении, причем был человеком богатым, а потому он представлял собой идеальную мишень. Наш субъект убил Грэма — возможно, после того, как получил доступ к его банковским счетам и завладел его имуществом — и затем стал использовать дом Грэма в качестве главной базы своей преступной деятельности. Если бы кто-нибудь попытался разобраться, с какого компьютера наш субъект выходил в интернет, выяснилось бы, что это компьютер *Грэма*. Если бы кто-нибудь попытался вычислить его автомобиль — что мы, кстати, и сделали, — он вычислил бы автомобиль Грэма.

— Вот почему он записал свои «сеансы Грэма», — говорит Денни. — На тот случай, если мы вдруг выйдем на его след, он хотел заранее позаботиться о том, чтобы мы поверили, что тот, кого мы ищем, — это Грэм. Вот *в этом* и заключалась главная ложь. Наш убийца вовсе не Уинстон Грэм.

— Но я... я была в его доме, — говорит Мэри, явно сбитая с толку. — Я ужинала с ним. Я чувствовала... чувствовала...

— Кем бы он ни был, он выдавал себя за другого человека, — говорю я. — Он присвоил себе жизнь Грэма и заставил вас поверить в то, что он — Грэм. Но разве вы могли не поверить ему? У вас для этого не имелось никаких оснований.

Мэри садится и прижимает ладонь к груди:

— Мне, наверное, сейчас станет дурно.

— Ничего не изменилось, — говорит Денни. — Этот тип все еще где-то бродит, и мы все еще пытаемся его поймать. А вы все еще в безопасности. Единственное, что изменилось, — так это то, что зовут его, оказывается, по-другому.

В общем-то Денни прав.

Но, как ни крути, получается, что нас еще раз облапошили. «Уинстон Грэм» в действительности не был Уинстоном Грэмом. И теперь у нас нет ни малейшего представления о том, кто же он такой, этот наш субъект.

Он в очередной раз продемонстрировал, что в этой игре опережает нас на несколько ходов. Верх оказывается низом, левое — правым, черное — белым. Мы снова гоняемся за своим собственным хвостом.

И по какой-то причине, никак не обоснованной логически и не базирующейся на эмпирических данных, которые всегда были для меня питательной средой, я не могу

избавиться от неприятного — словно мурашки по коже — ощущения, что в этом уединенном загородном доме отнюдь не так безопасно, как нам кажется.

Восемь часов вечера. Солнце только что зашло за линию горизонта, оставляя на небе яркие отблески розового, зеленого и оранжевого цветов. Очень приятное сочетание.

А затем небо становится пепельным, и здесь, вокруг нашего уединенного убежища, позади фонарей, стоящих вдоль забора и освещающих эти частные владения, снова воцаряется темнота. Вместе с темнотой опять приходит страх, уже более сильный. Впервые мы проведем здесь всю ночь, причем уже зная, что Уинстон Грэм — это вообще-то не Уинстон Грэм.

Я хожу взад-вперед по спальне, заканчивая разговор с Софи (Букс предпочел в нем не участвовать, поскольку продолжает считать, что я уже не имею к данному делу никакого отношения).

— Ну хорошо, — говорю я. — Итак, у нас есть факты оплаты посредством кредитных карточек «Виза» и «Американ экспресс» в Питтсбурге и его пригородах. Нам известно, в какие рестораны и бары он заходил — похоже, каждое воскресенье, и чаще всего в один из них, — осенью две тысячи десятого года. Видимо, пил пиво и смотрел футбол.

— Судя по суммам счетов, делал он это не один, а в компании, — говорит Софи. — С каким-нибудь собутыльником. Возможно, именно в одном из таких заведений Грэм и встретился с нашим субъектом. Там же наш субъект втерся к Грэму в доверие и сблизился с ним.

— Продолжайте копать в этом направлении, — говорю я. — Позвоните мне, если появятся какие-нибудь новости.

В Пенсильвании уже скоро одиннадцать часов вечера, а потому я сомневаюсь, что получу от нее сегодня еще какую-нибудь информацию.

— Мэри, я быстренько приму душ! — кричу я.

— Хорошо, хорошо!

Я сбрасываю с себя одежду и кладу свой брелок с красной кнопкой на туалетный столик. Откровенно говоря, мне очень не хочется оставлять Мэри одну даже на минуту. Впрочем, снаружи ее охраняют четыре человека. Кроме того, в случае появления здесь нашего субъекта лично я вряд ли смогу ее защитить.

В этом загородном доме хорошее давление воды и весьма замысловатая душевая лейка. Я с удовольствием расслабляюсь под душем, стараясь хотя бы на время позабыть о всех проблемах. Я встаю так, чтобы струи воды массируют шею и плечи, закрываю глаза и поднимаю лицо вверх, навстречу потоку воды.

Но в конце концов все это заканчивается, и я вновь ощущаю нервное напряжение и гложащее ощущение в животе. Я быстро вытираюсь, напяливаю на себя свою измятую одежду и беру с туалетного столика брелок с красной кнопкой. Затем иду по коридору в гостиную. Еще из коридора я вижу стопку листов бумаги с записями «сеансов Грэма», но Мэри в гостиной нет. «Куда она могла...»

— Я здесь, — говорит Мэри, заставляя меня испуганно вздрогнуть. Она в кухне: наливает горячее молоко в бумажный стакан.

Паника, охватившая меня, отступает. Должно быть, я впопыхах проскочила мимо нее. Я ведь даже не заглянула в кухню. Что это я вообразила — что ее похитили за те десять минут, в течение которых я находилась в ванной, да? Мне необходимо взять себя в руки. Я

становлюсь параноиком.

Я шумно вздыхаю.

В этот момент неожиданно раздаётся треньканье, за ним — скрип металлических колесиков, и чертова деревянная кукушка появляется из-за дверцы на часах, несколько раз произносит «Ку-ку!» и исчезает ещё на час.

Должно быть, уже девять часов.

— Черт! — говорю я.

«Возьми себя в руки, Эмми. Мэри в безопасности. Мы находимся в удаленном месте, о котором мало кому известно, и нас охраняют вооруженные, хорошо обученные сотрудники спецслужб. Мэри — в безопасности».

— Я готовлю всем какао, — говорит Мэри. — Мне кажется, это самое меньшее, что я могу сделать для них после всего того, что они сделали для меня.

— Что-что вы делаете? — спрашиваю я.

— Собираюсь отнести им какао.

Она ставит на большую плоскую тарелку четыре бумажных стаканчика с горячим какао.

— Нет, наружу вы не выйдете. Вы не должны покидать дом.

Мэри, глядя на меня, хмурится.

— Я что, не могу выйти даже для того, чтобы отнести им какао?

— Нет, не можете. Я сама отнесу. — Я забираю у нее тарелку. — Я скоро вернусь.

— Вы думаете, что он приедет сюда по мою душу, да?

— Нет, я так не думаю.

— Нет, думаете. Я это чувствую. Я замечаю это по вашим словам и поступкам.

— Мэри, я сейчас вернусь.

Я осторожно выхожу с тарелкой на прохладный вечерний воздух и даю два стаканчика федеральным маршалам, сидящим в автомобиле, припаркованном на покрытой гравием площадке.

— Выпейте по стаканчику горячего какао, — предлагаю я. — Мэри приготовила его для вас.

— Это очень любезно с ее стороны, — сказал тот, кто сидит за рулем, парень по фамилии Мак-Клауд. — Пахнет замечательно.

— Спасибо вам за все, что вы делаете, — говорю я.

Теперь я беру в руки по стаканчику, оставляя тарелку на капоте их автомобиля, и иду вниз по подъездной дороге ко второму автомобилю.

Уже подходя к нему, я замечаю, что рядом с ним стоят не два, а три человека.

Я инстинктивно замедляю шаг, хотя при движении вниз по такому крутому склону сделать это не так-то просто: мне ведь невольно приходится делать большие шаги, чтобы сохранить равновесие. Мои глаза привыкают к темноте, и я начинаю различать черты лица третьего человека, стоящего рядом с Денни Сассером и агентом Гетти.

Они все трое смеются и оживленно жестикулируют. Заметив меня, Денни поворачивается в мою сторону.

— Эмми, — говорит он, — ты, конечно же, помнишь Джима Деметрио.

Джим Деметрио. Ну конечно помню. Бывший агент ФБР, который уволился год назад и живет в Питтсбурге. Именно он и позволил нам разместиться в своем загородном доме. Денни еще сказал про него, что он — один из лучших специалистов по составлению психологического портрета серийного убийцы из всех, кого он, Денни, знает.

— Рада снова с вами встретиться, — говорю я.

— Как вы устроились?

— Прекрасно, — отвечаю я. — Еще раз спасибо.

Вспомнив наконец-то о двух очень горячих стаканах, которые я держу в руках, я ставлю их на капот автомобиля.

— Горячее какао для наших охранников, — говорю я.

— Как она держится? — спрашивает Деметрио, показывая рукой в сторону дома. — Свидетельница. Она напугана? Нервничает?

— Она в порядке, — отвечаю я, произнося эту короткую фразу покровительственным тоном.

— Хм. Это хорошо.

— Послушайте, — говорю я, — а давайте я вас сфотографирую всех вместе, хорошо? — Я подношу свой смартфон к глазу. — Просто на память.

— О-о, мне не нравится разглядывать свои фото, — говорит Деметрио. — Они напоминают мне о том, каким старым и немощным я уже становлюсь.

— Старым, немощным и богатым, — добавляет Денни.

— Да ладно вам! — говорю я. — Встаньте рядом, и я вас разок сфотографирую.

— Нет, вообще-то мне уже пора, — произносит Деметрио. — Возможно, я еще заеду попозже, чтобы пообщаться с вами. Всего хорошего.

Джим Деметрио заскакивает в свой модный спортивный автомобиль и уезжает.

— Спасибо за какао, — говорит Денни. — Пахнет превосходно.

Но что-то другое сейчас пахнет отвратительно.

Я иду обратно по подъездной дороге, чувствуя, как в мою кровь устремился адреналин. Я набираю номер телефона Софи, хотя у них там уже за полночь. Но я сомневаюсь, что она сейчас спит.

— Алло, — отвечает она.

— Софи, — говорю я, тяжело дыша, — мне нужно, чтобы ты очень-очень быстро навела справки об одном человеке.

Проходит еще один час. Я всматриваюсь через окно кухни в темноту, но не вижу ничего, кроме звезд, усыпавших небо. Везде тихо и спокойно.

— Что случилось? — слышу я голос Мэри.

Она сидит в гостиной на диване со своим экземпляром записей «сеансов Грэма».

— Ничего не случилось, — отвечаю я.

Однако каким-то непонятным образом я чувствую, что что-то все-таки случилось. Мои органы чувств обострены и фиксируют все — каждое чириканье птицы, каждый шелест листьев, каждое завывание ветра, каждое поскрипывание деревянных конструкций дома.

— Вы не выпили свое какао, — говорит она. — Оно уже остывает.

— У меня вообще-то аллергия на какао, — говорю я ей и улыбаюсь. — Просто не решалась вам об этом сказать.

— Жаль, — говорит она. — Тогда я приготовлю чай.

— Не надо, не беспокойтесь.

— Пустяки. Не забывайте, что я вечно чем-то занятая пчелка.

Мэри вскакивает с дивана и идет в кухню. Она наливает воду в чайник и ставит его на плиту.

— Спасибо, — говорю я. — Возможно, выпить немного чая мне не помешает.

Она сжимает мою руку.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? Похоже, вы нервничаете даже больше, чем я.

Я ничего не отвечаю. Она уходит в свою спальню.

Я снова всматриваюсь в окно кухни. Вода в чайнике начинает закипать. Наверное, не стоит нервировать Мэри. Она и так уже вся извелась.

Она возвращается в гостиную и, забравшись на диван и свесив одну ногу на пол, снова берет в руки листки с записями «сеансов Грэма».

— Эти записи — какая-то чушь, — говорит она. — Но я не вижу в них ничего, что показалось бы мне явной ложью, если не считать того, что он похвально отзывается о моей внешности.

Издали доносится звук, похожий на выстрел. Хлопок в глушителе какого-то автомобиля? В любой другой ситуации я даже не обратила бы на это внимания, но сейчас...

Я осторожно иду к входной двери. В этот момент раздается треньканье, а за ним — скрип металлических колесиков. Кукушка сообщает мне, что уже десять часов вечера, своим кукуканьем заставляя меня дернуться и едва не вызвав у меня сердечный приступ.

— Черт бы их побрал, эти дурацкие часы! — говорю я. — Как вы думаете, кто-нибудь расстроится, если я сорву эту штуковину со стены?

Мэри хихикает:

— А мне нравятся часы с кукушкой. У нас висели такие, когда я была ребенком. От кукушки я получила свое прозвище.

— В самом деле? Прозвище?

Стараясь изо всех сил казаться непринужденной, чтобы не тревожить Мэри, я смотрю поверх ее головы через окно на покрытую гравием площадку для парковки, но там все так, как и должно быть: автомобиль федеральных маршалов стоит на отведенном ему месте, его двигатель тихонько работает на холостых оборотах, фары светят в сторону дома...

Вроде бы все хорошо.

Но тем не менее я подхожу к кухонному окну и пытаюсь выступать в роли часового, хотя снаружи находятся четыре вооруженных охранника, у которых есть доступ к камерам видеонаблюдения и от которых гораздо больше толку, чем от меня. Я возвращаюсь в гостиную.

— Всего лишь дурацкое прозвище, — говорит Мэри. — Вы помните песенку «Кукарача»?

— Что? — спрашиваю я, резко поворачивая голову.

Снова посмотрев поверх ее головы через окно, я осознаю, что что-то произошло. В свете плафона в автомобиле федеральных маршалов видно, что Мак-Клауд сидит за рулем абсолютно неподвижно, положив голову на руль. Его напарник, прислонив голову к стеклу на пассажирской дверце, тоже сидит абсолютно неподвижно.

И какой-то мужчина бежит от покрытой гравием площадки к дому.

— Беги, Мэри, беги! — кричу я, видя, как в маленьком окошке во входной двери появляется лицо Джима Деметрио, заглядывающего одним глазом внутрь.

Мэри резко пригибается и затем скатывается с дивана на пол. Джим Деметрио начинает стучать во входную дверь.

— Это он, Мэри, это он! — Я показываю Мэри жестом, чтобы она бежала ко мне, но она ползет по полу вдоль дивана в сторону входной двери — ползет так, как будто над ней летят пули и она старается, чтобы они в нее не попали.

— Мэри, он *идет сюда!* — кричу я. — Это он!

Я подавляю в себе инстинктивное желание броситься наутек, потому что не могу оставить с ним Мэри один на один. Я открываю ящики кухонного шкафа, пытаюсь найти какой-нибудь нож, и вдруг слышу, как в замке поворачивается ключ.

«У него есть ключ. Ведь это его дом», — думаю я.

А еще мне вспоминается последняя фраза в записях «сеансов Грэма»: «Обещаю тебе, что вскоре мы встретимся снова».

Дверь распахивается. Деметрио смотрит на меня.

— Эмми, а где...

Мэри выскакивает из-за двери. Деметрио, видимо, замечает ее боковым зрением, но, прежде чем он успевает повернуться, Мэри вонзает ему в горло что-то острое. Из раны тут же начинается течь кровь. Деметрио с ошеломленным видом делает шаг назад и валится на дверь, а затем сползает на пол.

Мэри отскакивает от него с такой поспешностью, как будто он излучает радиацию.

Я подхожу к нему и пытаюсь понять, дышит ли он. В моей крови уже бурлит адреналин. Меня трясет. Я все же умудряюсь выгащить свой мобильный из кармана, но не удерживаю его, и он шлепается на пол.

Глаза Деметрио становятся безжизненными. Он лежит на полу, и его голова неестественно повернута в сторону. Кровь продолжает течь из его горла по мере того, как его сердце совершает свои последние сокращения, еще не получив сигнала о том, что ему уже следует остановиться.

Мэри смотрит на меня. Ее грудь вздымается и опадает, как будто это какое-то животное, живущее своей собственной жизнью.

— Вы знаете, как... как его зовут? — спрашивает она.

— Дж... Джим, — говорю я, с трудом находя в себе силы что-то сказать. — Джим Деметрио. Ему принадлежит этот дом. Бывший сотрудник ФБР. Он из Питтсбурга.

Она оглядывается на него.

— Черт возьми! — восклицает она. — Вы мне о нем ничего не говорили.

Тяжело дыша, я упираюсь ладонями в колени. Мой телефон, валяющийся на полу, издает звуковой сигнал: это пришло текстовое сообщение от Софи. Я молча его читаю:

С Джимом Деметрио все чисто. Находился за границей большую часть сентября. Выполнял там какую-то работу в сфере обеспечения безопасности. В тот день, когда были взрывы в Детройте, покупал себе в Питтсбурге автомобиль «порше». Не может быть нашим субъектом.

Получается, что Джим Деметрио — это вовсе не наш убийца?.. Что же тогда только что

произошло?

Я поднимаю взгляд на Мэри. Она внимательно разглядывает Деметрио — похоже, хочет убедиться, что он и в самом деле мертв.

— Нам нужно пойти посмотреть, что там с агентами, — говорю я. — Возможно, они все еще...

— Нет. — Мэри качает головой, поворачивается и преграждает мне путь к входной двери. Она вдруг становится очень спокойной и такой уверенной, какой я ее еще никогда не видела. — Нет, нет, Эмми. Этого мы делать не будем.

После этих ее слов я сначала чувствую себя запутавшейся, ошеломленной, оцепенелой и сбитой с толку.

А затем моя кровь холодеет.

Мэри пристально смотрит на меня. Мое лицо сейчас отнюдь не такое бесстрастное, как у игрока в покер. Оно у меня никогда таким не было. Поэтому она наверняка заметила изменения его выражения по мере того, как в моем мозгу проносятся, словно метеоры, все те моменты и обстоятельства, на которые я раньше не обращала должного внимания. Мне припоминается то свидетельство о рождении, на которое я наткнулась, когда мы еще только начали искать Мэри Лэйни, и в котором был такой же год рождения, как у Мэри, и место рождения было таким же, а вот имя — другим: не Мэри, а Марти. Мне также приходит в голову, что удары бейсбольной битой по ее лицу могли — и должны были — вызвать гораздо бóльшие телесные повреждения. А еще мне вспоминается история, которую она начала рассказывать про песенку «Кукарача».

— Ложь — это ты, — произношу я. — Ложью в этих записях... была ты.

Она внимательно смотрит на меня, но ничего не говорит. Ее дыхание постепенно становится ровным. Притворяться теперь уже нет смысла.

— Тебе следовало выпить какао, — говорит она. — Так было бы лучше.

«Беги, Эмми! Беги! Это твой единственный шанс».

Но бежать мне некуда. Она преградила мне путь к входной двери, а также стоит ближе, чем я, к выходу на террасу. Кроме того, я потратила почти год на то, чтобы найти человека, убившего мою сестру. И вот я его нашла, а потому никуда убежать не буду.

— Ты так и не закончила свой рассказ о часах с кукушкой, — говорю я. — Ты была маленьким ребенком и танцевала под песенку «Кукарача»?

Она пожимает плечами, но ничего не отвечает. Ее перебинтованное лицо и белая рубашка забрызганы кровью. В руке у бедра она держит свое оружие — похоже, скальпель, который она, наверное, украла в больнице.

— Давай я закончу его за тебя, — говорю я. — Твой отец хотел дать тебе то прозвище. Но ты не могла его произнести. Поэтому ты говорила, что ты его маленькая кукушечка. Я правильно изложила?

Я знаю, что правильно. По крайней мере, именно так рассказала мне эту историю Гретхен Свэнсон, когда я, сидя в ее кухне, вдруг заметила фарфоровую фигурку в виде таракана. Единственная разница заключалась в том, что в ее рассказе фигурировала ее дочь, которую она незадолго до этого похоронила.

— Джоэль Свэнсон, — произносит Мэри. — Хорошая девушка. Очень доверчивая.

Я достаю из кармана брелок с красной кнопкой и нажимаю на нее, подавая сигнал тревоги.

— Твои друзья там, снаружи, его не услышат, — усмехается Мэри. — Они сейчас сладко спят и проснутся нескоро.

— А может, этот сигнал дойдет до тех, кого ты не усыпила снотворным, — говорю я. — Может, он дойдет до агента Букмена. Или до местной полиции.

Я с силой нажимаю на кнопку второй раз.

— Может, он и дошел бы, — говорит Мэри, — если бы в этой штучке имелись батарейки.

Я снова смотрю на брелок и снова нажимаю на красную кнопку, но при этом уже замечаю, что маленький красный световой индикатор не загорается в знак того, что устройство сработало. У меня мелькает мысль, что это устройство тоже стало жертвой Мэри и что теперь оно мертво.

— Когда ты принимала душ... — поясняет она.

Я начинаю лихорадочно размышлять над тем, что в такой ситуации можно предпринять. Мэри предусмотрела все. Она придумала эти свои «сеансы Грэма» на тот случай, если мы каким-то образом выйдем на ее след, и рассчитывала сделать «Грэма» козлом отпущения. И ту последнюю строчку «Обещаю тебе, что вскоре мы встретимся снова» она написала, прекрасно понимая, что ей удастся улизнуть, и нам не останется ничего другого, кроме как полагать, что это пророчество сбылось. Она также поступила очень умно, настояв на том, чтобы я поехала вместе с ней в Орегон: это позволяло ей быть в курсе всего того, что происходило в рамках нашего расследования.

— Ты можешь меня убить, но тогда тебе уже точно не улизнуть. С тебя наконец-то сорвана маска.

— Неужели? — усмехается она.

Мэри делает еще один шаг по направлению ко мне. Сейчас она похожа на хищника, подбирающегося к своей добыче. Ее колени слегка согнуты, и она готова моментально отреагировать на любые мои действия. Она находится в четырех больших шагах от меня — не более того.

— Да, мне пришлось перестать ходить на футбольные матчи, что стало для меня тяжелым ударом. Ведь я обожаю смотреть футбол на стадионе, а не по телевизору. А вообще я просто исчезну. Неужели тебе непонятно? Этот убийца нашел меня и похитил, — говорит она притворно-невинным тоном. — Я все еще жертва.

Она права. Теперь мне все понятно. Она заберет у спящих агентов планшеты, а вместе с ними и видеозаписи с камер видеонаблюдения. А еще она, возможно, прольет в доме немного своей крови, чтобы было похоже на то, что она отчаянно сопротивлялась похищавшему ее убийце. Почему бы нет? Если она, чтобы одурачить нас, смогла избить саму себя бейсбольной битой, то надрезать себе палец и пролить на пол немного своей крови — это для нее пара пустяков. И тогда она будет всего лишь Мэри Лэйни, которую похитил наш неизвестный убийца.

— И что потом? — спрашиваю я. — Ты начнешь новую жизнь? Позаимствуешь для нее те особенности людей и те случаи из жизни твоих жертв, которые они тебе рассказали, — а точнее, которые ты *заставила* их рассказать, когда их истязала? Ведь все твои рассказы якобы о самой себе взяты из жизни других людей, не так ли? И как твой папа жужжал тебе — «ж-ж-ж-ж-ж». И историю с белым плюшевым медвежонком, которого ты якобы забыла в супермаркете. И рассказ про песенку «Кукарача», который ты услышала от Джоэль Свэнсон. А у Марты? — вскрикиваю я, и из моего рта вылетают брызги слюны. — А у моей сестры? Что ты возьмешь из *ее* жизни?

Мэри делает еще один шаг по направлению ко мне.

— Из ее жизни я возьму *тебя*, Эмми, — говорит она.

А затем она улыбается.

Мое положение безнадежно, но раз уж мне нечего терять, я предпринимаю отчаянную попытку спастись: я резко разворачиваюсь и бросаюсь к двери, ведущей на террасу, ударяюсь о нее всем телом, хватаюсь за ручку и...

И в тот же самый миг я чувствую горячий укол скальпеля, который вонзается в кожу между моими ребрами, входит в плоть и тут же выходит из нее. Затем Мэри хватается за волосы, и я, откинувшись назад, падаю на пол кухни. Я прижимаю ладонь к ране. Из нее струится горячая кровь, и боль отдается оглушающим эхом в моей голове.

Мэри медленно приближается ко мне, беспомощно лежащей на полу. Она играет скальпелем, который держит в руке. Слева от нее — и, соответственно, справа от меня — раздается свист. Это вскипела вода в чайнике, поставленном на плиту.

— О-о, прекрасно! — говорит она. — Кипяток готов.

Мэри наблюдает за мной, держа в одной руке чайник с кипятком, а в другой — скальпель. На ее лице — уродливое выражение, представляющее собой что-то среднее между оскалом и ухмылкой.

Я тихонько отползаю назад по полу кухни. Я в западне. Я не смогу одолеть ее. Она сильнее меня физически, и у нее есть скальпель и чайник с кипятком. Что есть у меня — так это только моя голова, внутри которой сейчас мелькают фотографии тела моей сестры, фотографии аутопсии, фотографии жертв, с которых снимали скальпы и которых резали ножом, обливали кипятком, подвергали невыносимым пыткам и сжигали. Собирая еще оставшиеся у меня силы, я зажимаю ладонью рану от скальпеля, и между моими пальцами сочится кровь.

— Марти, — говорю я дрожащим голосом. — Ты... Марти.

— А-а, ты видела свидетельство о рождении? Мне было интересно, доберетесь ли вы до него. Да, мой папочка хотел, чтобы у него был сын. Но вместо сына родилась я. Однако это его не остановило, не так ли?

Мэри наклоняет чайник, и струя очень горячей воды льется мне на бедро. Моя нога дергается, и я вскрикиваю от боли. От моей ноги поднимается пар.

— Не двигайся, — приказывает она.

Я снова пытаюсь отползти назад. Мэри с силой наступает на мою ступню и, поворачивая свою ногу, ломает мне лодыжку с ужасным хрустом. Я невольно протягиваю руку туда, где мне больно. Кипяток тут же обжигает мне руку, плечо, шею...

— Я сказала тебе: не двигайся!

«Используй свою голову, Эмми. Должен же быть какой-то выход».

— Значит, ты... убиваешь людей... из-за того, что твой папочка сделал тебя... мальчиком?

На этот раз кипяток обжигает мне грудь, впитываясь в рубашку. Я вскрикиваю так громко, что даже не узнаю своего голоса.

— Так вот что ты думаешь, да? Ты думаешь, что смысл в том, чтобы *убивать* людей? Ты, великая Эмили Докери, блестящий аналитик ФБР, так и не смогла понять, что мне нужно?

Она садится на меня. Ее колени придавливают мои руки. Она наклоняется надо мной, одной рукой хватая меня за волосы и прижимает мою голову к полу. Затем, ухмыляясь, водит скальпелем над моим лицом.

«Используй свою голову, Эмми. Придумай что-нибудь».

— Тебе нужно, чтобы обычные, нормальные люди... чувствовали...

— Эти людишки живут своей спокойной, обеспеченной жизнью, чувствуя себя в безопасности, не ведая, что такое настоящая боль, — говорит она. — Но живут они так только до тех пор, пока не встретят меня.

Она делает первый надрез на коже моей головы как раз по линии волос справа налево. Скальпель разрезает кожу и царапает кость. Я кричу с такой силой, на какую только способны сейчас мои легкие, и пытаюсь дергать ногами. У меня перед глазами то появляются, то исчезают маленькие яркие пятнышки — как будто где-то вдалеке загораются и гаснут фонарики. Я уже совсем не узнаю свой голос. Мне кажется, что это кричу не я, а

пронзительно вопит где-то вдалеке какое-то животное...

«Используй свою голову, Эмми. Это твой единственный шанс».

Скальпель останавливается возле моего уха. Я пытаюсь пошевелить головой, но Мэри держит меня очень крепко. Мои силы тают, руки немеют под тяжестью ее тела, а от моих ног нет никакого толка. Из раны между ребрами по-прежнему течет кровь.

— Неплохо, — говорит Мэри, явно довольная собой. — Обычно я использую «Тазер», приспособления, ограничивающие движения, раствор нашатырного спирта и полный комплект хирургических инструментов, но, знаешь ли, это все так себе, нечто посредственное. Иногда художники создают свои самые лучшие произведения в стесненных обстоятельствах. Ты станешь моим шедевром, Эмми.

«Сделай так, чтобы это прекратилось... Сделай так, чтобы это прекратилось... Придумай что-нибудь...»

— Само собой разумеется, я не могу заставить их почувствовать то, что чувствовала я, — говорит Мэри деловым тоном. — Я не могу вводить им стероиды каждый день в течение всего их детства, или принуждать их качаться, или заставлять их переживать каждый день в школе по поводу того, что голос может показаться кому-то уж слишком тонким. Я не могу заставить их переодеваться перед футбольными тренировками не в раздевалке, а в туалете, чтобы товарищи по команде не увидели их половые органы. Но я могу сделать *вот это*, Эмми.

Мэри тянет меня за волосы у начала надреза, пробуя, удобно ли будет отделять кожу от черепа. Боль, которую я при этом испытываю, такая невыносимая, что я ее терпеть не могу... не могу... не могу...

«Я иду, Марта, иду повидаться с тобой, я хочу повидаться с тобой... Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, позволь мне прийти к тебе...»

— Теперь тебе уже хочется умереть, не так ли, Эмми? Тебе хочется, чтобы я убила тебя и тем самым прекратила твои страдания. Нет уж, так не будет. Тебе придется жить с этим. Тебе придется жить, терпя боль, жить, как какой-нибудь изувеченной уродине, пока я не решу, что пора заканчивать. Будь благодарна за то, что это продлится лишь несколько часов твоей жизни, а не тридцать семь лет.

«Используй свою голову. Придумай что-нибудь... Ну хоть что-нибудь... У меня кое-что есть... Одно преимущество...»

— Ты смотри у меня не умри! — говорит Мэри. — Еще слишком рано. Я еще не закончила.

Она снова прижимает мою голову к полу, но на этот раз правой рукой, а в левой она держит скальпель, готовясь сделать надрез вдоль линии волос на правой стороне, чтобы затем отделить скальп и превратить меня в уродину — такую, как она сама.

На этот раз я не сопротивляюсь. Мое тело расслабляется. Я сдерживаю дыхание.

На этот раз я все-таки попытаюсь использовать свою голову.

— Нет, нет, нет! — кричит Мэри. — Очнись! Очнись!

Она отпускает мои волосы и наклоняется вперед. Я чувствую на своем лице ее дыхание.

— Ты еще не должна умирать! — требует она. — Ты не должна соскакать с этого...

Собрав все жизненные силы, которые у меня еще остались, я делаю резкое движение головой вверх, и мой лоб сильно ударяет по шине, наложенной на сломанный нос Мэри.

Мэри взывает от боли, словно раненый монстр из какой-то страшной сказки, и, выронив скальпель, хватается руками за нос, откидывается назад и сваливается с меня. Я быстро делаю глубокий вдох и сажусь. Кровь течет из надрезов на голове, попадая мне в глаза, кровь течет из раны на моем туловище... Мне кажется, что комната шатается.

Скальпель, измазанный моей кровью, лежит на полу. Я пытаюсь схватить его, но сначала промахиваюсь, потому что в глазах двоится. Со второй попытки мне все же удается его схватить. Мэри тем временем корчится от боли — нос у нее сломан уже второй раз за неделю, но теперь это произошло не по ее воле.

Я пытаюсь подняться на ноги, но не могу: моя правая лодыжка сломана, к тому же я очень ослабла. У меня перед глазами снова то появляются, то исчезают маленькие яркие пятнышки, похожие на проблесковые маячки. Каждый раз, когда они появляются, Мэри все ближе и ближе ко мне. Шины на ее носу уже нет, и ее лицо представляет собой красно-фиолетовое месиво, из отверстия в котором раздается то жуткое рычание, то омерзительный вой...

«Я иду, Марта».

Яркие пятнышки продолжают мигать, в ушах у меня звенит, и я вижу мысленным взором, как мы с Мартой идем на свидание: она — с капитаном футбольной команды, а я — со своим приятелем-второкурсником на три дюйма ниже меня ростом, с которым я познакомилась в математическом кружке. Затем перед моим мысленным взором мелькают события того дня, когда я опознала Марту в морге, потом — как мы с ней в десятилетнем возрасте украли одну из маминых сигарет, и, наконец, как Букс опускается на одно колено и протягивает мне кольцо с бриллиантом, когда-то принадлежавшее его бабушке...

Я чувствую острую боль в ребрах, вижу жуткую физиономию Мэри, слышу, как она рычит на меня...

А затем на мгновение все замирает. Мы с Мэри встречаемся взглядами. Она издает пронзительный крик и бросается на меня. Однако и я тоже бросаюсь на нее, оттолкнувшись от пола неповрежденной ногой. Я с силой ударяю Мэри макушкой в лицо. Она вскрикивает и падает назад, а я валюсь на нее, перед этим толкнув ее левой рукой в грудь, а после падения прижимаю ее всей массой своего тела к полу.

Мэри отчаянно пытается одной рукой схватить меня за лицо, а второй — дотянуться до скальпеля в моей руке.

Мое сознание начинает затуманиваться, силы иссякают... Ну вот и все. Это уже мой самый последний шанс.

Моя правая рука наносит удар сверху вниз, и скальпель вонзается в плоть. Затем я наношу еще один удар, и еще один, и еще: бац, бац, бац! Кровь брызжет мне в лицо... Мэри что-то иступленно кричит, но вскоре замолкает.

А затем все вокруг становится темным и теплым.

Когда я замечаю Марту, она вся сияет. Она выглядит моложе, свежее, счастливее. Она такая, какой я ее больше всего люблю.

Поначалу никто ничего не говорит. Мы, двигаясь навстречу друг другу плавно и легко — словно в невесомости, — обнимаемся и плачем. Затем мы смеемся, потому что мы снова друг у друга есть. И на этот раз, как я и обещала ей, все будет иначе.

Я рассказываю ей все. Рассказываю, какой я была глупой и странной, как я восхищалась ею на протяжении всех тех лет, как мне хотелось быть больше похожей на нее, и, к моему удивлению — к моему величайшему удивлению, — она рассказывает мне то же самое. Мы смеемся над тем, какой забавной иногда бывает жизнь. Мы обе восхищались друг другом и завидовали друг другу, даже не подозревая об этом.

Мы смеемся, вспоминая те выходные дни, которые проводили с нашим напыщенным дядей Филом, а также то время, когда у Марты впервые начались месячные, и она плакала, но и я плакала тоже — плакала, испытывая чувство, похожее на ревность, — ведь у нее это началось раньше! Мы вспоминаем и то время, когда ей было восемь лет и она наступила на гвоздь в роце позади нашего дома, а Энди Ирвин и Ду Мейсон стали драться за право отнести ее на руках домой, пока я в конце концов не взвалила ее себе на плечи и не отнесла домой сама.

У меня возникает ощущение, что наш разговор никогда не закончится, что у него нет ни начала, ни конца. Ощущение времени у меня напрочь пропало. Потому что теперь это навсегда.

И по поводу того, что на все есть своя причина. Мы решаем, что в данном случае это справедливо. Мы приходим к выводу, что если бы Марта не погибла, то этого убийцу никогда бы не нашли и никогда бы не остановили. Ее смерть спасла жизни многим людям. И она снова свела нас вместе.

Это, конечно, не идеальный вариант, но он нас устроит.

Теперь, по крайней мере, мы снова обрели друг друга и мы свободны от своих земных оков, своих странностей и наших мелочных разногласий. Теперь моя сестра снова рядом со мной.

Навсегда.

В комнате тихо, слышно лишь тяжелое дыхание бывшего спецагента Харрисона Букмена. Дверь открывается со звуком, похожим на еле слышный свист, и в комнату проникает запах духов Софи.

— Я понимаю, что момент совсем не подходящий, Букс, — говорит Софи, — но мы получили подтверждение от того старого футбольного тренера из Аллентауна. «Марти» Лэйни играл в футбольной команде той школы в качестве тейлбека. ^[63] Играл очень хорошо. Затем он внезапно ушел... то есть она ушла... из школы после двух лет учебы и окончила среднюю школу уже в городке Риджуэй.

— Возможно, именно тогда Марти — то есть Мэри — достигла половой зрелости, — предполагает Букс. — Все стероиды в мире не смогли бы изменить ее природу.

— Совершенно верно. В Риджуэе она спортом не занималась. Судя по сведениям, которые нам удалось раздобыть, в новой школе Марти стал нелюдимым. Просто приходил на занятия, а после них уходил домой. Не участвовал в общественной деятельности. Ни с кем не дружил. Так ему было легче скрывать свой настоящий пол. Затем Марти ездил в Питтсбург на занятия в колледже, но жил при этом дома. В колледже он изучал криминалистику. Окончив колледж, он... то есть она приобщилась к семейному бизнесу. Папа имел над ней власть всю свою жизнь.

Букс тяжело вздыхает.

— Ее отец — просто жуткий тип. Мне, например, моя мать как-то раз сказала, что она вообще-то хотела девочку, а родился мальчик, то есть я. Но она из-за этого отнюдь не пыталась заставлять меня всю мою жизнь притворяться женщиной. У нас уже есть достоверная информация об этом кретине?

— Да, есть. Доктор Дональд Лэйни во время учебы в средней школе был футбольной звездой, но, учась на первом курсе колледжа в Питтсбурге, повредил себе колено и уже больше никогда не играл в футбол. Он стал судебно-медицинским экспертом в Аллентауне. Мать Мэри умерла при родах — это, пожалуй, единственное, что из всего рассказанного нам Мэри является правдой. Когда семья Лэйни переехала в Риджуэй, доктор Лэйни открыл похоронное бюро. Мэри работала там со своим отцом. Можете угадать, что в конце концов стало происходить в этом похоронном бюро?

— Я не хочу этого знать, — говорит Букс.

— Его закрыли после того, как в государственные регулятивные органы поступило множество жалоб относительно того, что тела обезображивались и уродовались.

— А-а... — произносит Букс. — Видимо, это наша Мэри тренировалась на мертвецах делать то, что стала делать с живыми людьми после смерти папочки.

— Ну да. Теперь она, возможно, встретится со своим отцом в аду.

Воцаряется молчание. Затем Софи говорит уже более тихим голосом:

— Букс, так вы остаетесь здесь?

— Ну конечно. Со мной все в порядке, Соф. Я вам скоро позвоню. А еще хочу сказать, что вы замечательно поработали над этим делом, — если я этого еще не говорил.

— Вообще-то говорили. Но мы оба знаем, у кого в этом деле больше всего заслуг.

В комнате снова становится тихо, если не считать удаляющихся шагов Софи и похожего на тихий свист звука, вызванного движением воздуха при открывании и закрывании двери.

— Да, мы это, конечно же, знаем, — шепчет Букс, как бы выдавливая из себя слова.

Снова тишина.

— О-о, Эмми, — говорит он. — О-о, Эмми. О-о, Эмми, пожалуйста...

«Я не готова, Марта. Еще не готова. Я люблю тебя, девочка моя, и я ужасно по тебе скучаю, но у меня еще есть здесь кое-какие дела».

— Эмми? — Я чувствую дыхание Букса на своем лице. Его ладонь прикасается к моей руке. — О господи... *Эмми!* — снова говорит он, и его голос дрожит. — Ты проснулась...

Я заставляю себя открыть глаза. Мои веки поначалу быстро моргают, а затем поднимаются, и я вижу Букса словно сквозь туман.

— Эмили Джин, я очень сильно тебя люблю. Я люблю тебя всем своим сердцем. Ты знаешь это, да?

— Я... знаю, — шепчу я.

У меня нет сил даже сжать в ответ его руку.

Он ласково проводит пальцами по моему лицу.

— Мы с тобой как-то нехорошо расстались... Я боялся, что уже никогда не скажу тебе этих слов. — Он прижимает губы к моему лбу. — Знаешь, а я ведь сдуру наговорил тебе тогда всякого... Сдуру...

— Я... знаю.

Я пытаюсь улыбнуться, но сомневаюсь, что у меня это получается.

— Ты потеряла много крови, но ты выдержала. А еще ты добилась своего, Эмми. Ты поймала ее. Ты помнишь, что произошло?

— Помню...

Мои веки вздрагивают и смыкаются. Мне не очень-то хочется вспоминать ту ночь. И я не очень-то спешу посмотреть на себя в зеркало. Но раны заживут. Они всегда заживают.

— Я могу находиться рядом с тобой, пока ты будешь выздоравливать, — говорит он. — Я имею в виду просто в качестве друга. Без назойливости. Могу просто помогать тебе так, чтобы это было приемлемо для тебя. Твоя мама тоже здесь. Она сейчас на первом этаже. Обедает. Она была здесь с того самого момента, как мы нашли тебя в том загородном доме.

Я ворочаюсь и чувствую при этом острую боль в левом боку. Затем я осторожно прикасаюсь к бинтам на лбу — там, где Мэри Лэйни оставила отметины мне на память.

Букс поглаживает мою руку.

— Тебе нужно отдохнуть, — говорит он. — А мне следует вызвать врача. Ты и сама это знаешь.

— Я... знаю.

— Ты совсем ослабла, Эм. Ну все, давай спи. Когда проснешься, я буду здесь, рядом с тобой.

Он отодвигается от меня. С большим трудом я открываю глаза.

— Букс, — выдавливаю я из себя.

— Что?

— Придвинься... поближе.

— Хорошо.

Он наклоняется ко мне.

Во рту у меня пересохло, и губы мои сухие и потрескавшиеся. У меня едва хватает сил на то, чтобы говорить.

— Ближе, — еле слышно прошу я.

Букс смотрит на меня изумленным взглядом.

— Хорошо, милая. — Он наклоняется еще ниже, и его ухо почти касается моих губ. — Я здесь, Эм.

Я уже вот-вот погружусь в столь нужный мне сон. Мои силы быстро иссякают. Я приподнимаю голову так, чтобы мои слова — очень тихий шепот — были услышаны.

— Я знаю, — говорю я ему.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Выражаю особую благодарность всем, кто помог мне написать этот роман. Пат Лэинг, когда-то работавший федеральным прокурором в Чикаго и обладающий огромным опытом, давал мне советы и пояснения по поводу судебного преследования лиц, совершивших поджог. Дэн Коллинз — бывший федеральный прокурор, ныне работающий в обществе с ограниченной ответственностью «Дринкер Биддл энд Рит» в Чикаго — консультировал меня по большим и маленьким вопросам, в том числе относительно получения ордеров на обыск и составления психологических портретов серийных убийц. А несравненной Салли Мак-Дэниел-Смит я выражаю особую благодарность за то, что она уделила большое внимание нюансам судебной медицины и поджогов — иначе говоря, объяснила мне, как убить кого-нибудь и подстроить все так, чтобы это было похоже на несчастный случай.

notes

Один фунт равен приблизительно 450 граммам. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Куантико — город в США, в котором находится Академия ФБР.

Лига плюща — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Название связано с тем, что старые здания в этих университетах обвивают побеги плюща. Считается, что члены лиги отличаются высоким качеством образования.

Портативный (букв. наколенный) компьютер.

Здесь и далее по тексту имеется в виду американский футбол.

Мальшка Бо-Пип — персонаж английского стишка для детей.

День труда — национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

Аутопсия — патологоанатомическая или судебно-медицинская процедура, посмертное вскрытие и исследование тела.

Джо Фрайди — персонаж американских радиосериала и телесериала.

Парчиси — американская адаптация традиционной индийской настольной игры пачиси. Игроки с помощью фишек и костей совершают ходы на особым образом размеченном поле.

Стегозавр — травоядный динозавр, существовавший около 150 миллионов лет назад.

«Команда “А”» — спецотряд наемников, состоящий из бывших военнослужащих и фигурирующий в одноименном американском комедийно-приключенческом телесериале.

Дедушка Уолтон — персонаж американского телесериала «Уолтоны».

Так неофициально называют Чикаго.

Начос — закусочное блюдо мексиканской кухни, представляющее собой подсушенные лепешки из кукурузной или пшеничной муки с разными добавками. С начос подают соусы, заправки, салаты, их также добавляют в различные блюда.

Федеральный маршал — сотрудник Службы федеральных маршалов, которая является подразделением Министерства юстиции США и задача которой заключается в обеспечении деятельности федеральных судов, контроле за исполнением их приговоров и решений, розыске, аресте и надзоре за содержанием федеральных преступников, аукционной продаже конфискованного имущества, а также борьбе с терроризмом и массовыми беспорядками.

Куортербек — ведущий игрок в американском футболе, занимающий позицию на линии защиты за линией схватки за мяч. Куортербек выступает в роли распасовщика, вводит мяч в игру и является играющим помощником тренера.

Пейтон Мэннинг и Том Брэди — знаменитые игроки в американский футбол.

Одбл — в американском футболе объявление комбинации непосредственно на линии схватки.

Корнербек — угловой прикрывающий игрок в американском футболе.

Тачдаун — один из способов набрать очки в американском футболе. Тачдаун засчитывается, когда мяч или игрок с мячом оказывается в очковой зоне соперника.

«Кукарача» (cuscaracha) по-испански означает «таракан».

«Кровавая Мэри» — коктейль, совмещающий в себе водку, томатный и лимонный сок, специи и в некоторых случаях другие добавки.

Атторней — в США государственное должностное лицо, выполняющее функции обвинителя или защитника. Служба атторнеев (американский аналог прокуратуры) участвует наряду с полицией в расследовании уголовных дел.

Здание Эдгара Гувера — здание в Вашингтоне, являющееся штаб-квартирой ФБР.

Ресивер — игрок в американском футболе, специализирующийся на приеме пасов.

Один ярд равен приблизительно 91 сантиметру.

Стипендиат Родса — человек, получающий международную стипендию Родса для обучения в Оксфордском университете. Она выдается за высокие академические способности.

Коронер — должностное лицо округа, в чьи обязанности входит изучение обстоятельств смерти человека, погибшего предположительно насильственной смертью или при вызывающих подозрение обстоятельствах.

Зубная фея — сказочный персонаж. Как гласит легенда, она дает ребенку немного денег или подарок взамен выпавшего у него молочного зуба, положенного под подушку.

Поросенок Порки, кот Сильвестр, птичка Твити — мультипликационные персонажи.

«Беттер хоумс энд гарденс» (Better Homes and Gardens) — американский журнал, посвященный домоводству.

Пасхальный заяц — пасхальный символ в культуре некоторых стран Западной Европы, Канады и США.

Смитсоновский институт — научно-исследовательский и образовательный институт в США, имеющий целый комплекс музеев.

«Данско» (Dansko) — американская компания по производству мужской, женской и детской обуви с оригинальным дизайном.

В 1993 году в ходе осады и штурма принадлежавшего членам религиозной секты «Ветвь Давидова» ранчо в 14 км от города Уэйко в штате Техас силами Федерального бюро расследований и Национальной гвардии США погибло несколько десятков членов секты, а также четыре сотрудника правоохранительных органов.

В 1992 году в местности Руби-Ридж в штате Айдахо произошел инцидент с применением огнестрельного оружия, в котором участвовали сотрудники правоохранительных органов (в том числе ФБР) и в результате которого погибли три человека.

«Тазер» — специальное оружие, используемое полицией. Внешне напоминает электрический фонарик. С расстояния 5 м в тело преследуемого выпускаются две небольшие стрелки с зарядом в 15 тысяч вольт, которые временно парализуют преступника, не вызывая отдаленных последствий.

В США в некоторых штатах наряду с обычной местной полицией существует еще и так называемая полиция штата.

Роберт Фрост — один из крупнейших американских поэтов.

Филип Рот — один из наиболее известных американских писателей.

Уилл Роджерс — американский ковбой, комик, актер и журналист.

Штат Конституции — официальное прозвище штата Коннектикут.

«Севен-Эleven» (7-Eleven) — крупная сеть небольших магазинов в 18 странах.

Раннинбек — игрок в американском футболе, находящийся позади всех игроков нападения. Раннинбек, держа мяч в руках, находит прорехи в обороне противника и пытается прорваться через нее, обманывая финтами игроков противника.

Новая Англия — исторически сложившийся регион в северо-восточной части США.

Матушка Гусыня — воображаемый автор детских стишков и песенок, первый сборник которых был выпущен в Лондоне в XVIII веке.

Персонаж серии художественных фильмов «Звездные войны» Йода расставлял слова в своих предложениях так, что они звучали немного вычурно.

Кюретка — медицинский инструмент, используемый в хирургии для удаления (выскабливания) патологических мягких тканей из костей.

Бросок по дуге — бросок в бейсболе, при котором мяч летит по дуге, смещаясь влево при подаче правой рукой или вправо при подаче левой рукой.

Пант — в американском футболе выбивание мяча ногой с руки в сторону противника.

Специальными командами в американском футболе называют игроков, выходящих на поле, когда мяч выбивается ногами.

«Мотаун» («Мотаун Рекордз») — американская звукозаписывающая компания.

Кид Рок (Роберт Джеймс Ритчи) — американский певец, рок-музыкант, рэпер, композитор и актер.

Эминем (Маршалл Брюс Мэтерс III) — американский рэпер, музыкальный продюсер, композитор и актер.

Арета Франклин — американская певица.

Официальное название штата Пенсильвания — «Содружество Пенсильвании».

Четвертого июля отмечается День независимости США. Этот праздник сопровождается шумными фейерверками.

Гонт — кровельный материал в виде пластин из древесины.

Человек-слон — прозвище Джозефа Кэри Меррика, который жил в Англии в XIX веке и стал широко известен благодаря своему чудовищно деформированному телу.

Билли Джоэл — американский автор-исполнитель песен и пианист.

«Ридерз дайджест» — американский журнал для семейного чтения.

Тейлбек — игрок в американском футболе, замыкающий линию нападения.